

ВЫПУСК 6

СССР: ВНУТРЕННИЕ ПРОТИВОРЕЧИЯ

С С С Р

В Н У Т Р Е Н Н И Е

П Р О Т И В О Р Е Ч И Я

6

**СССР: В Н У Т Р Е Н Н И Е
П Р О Т И В О Р Е Ч И Я**

6

**Р Е Д А К Т О Р
Валерий Чалидзе**

CHALIDZE PUBLICATIONS, 1982

**В седьмом выпуске журнала
"СССР: ВНУТРЕННИЕ ПРОТИВОРЕЧИЯ"**

ч и т а й т е :

Л. Алексеева. Инакомыслие в СССР. Опыт статистического анализа.

Максудов. География голода 1933 г.

Интервью *Б. Шрагина* с американскими учеными.

Проблема Саингило — (из Самиздата).

Материалы из "Политического дневника".

Дискуссия о будущем СССР

Д.П. Васильев. Коалиция надежды.

А. Каценелинбойген. Немного о страшном прошлом, сумбурном настоящем и затемненном будущем России.

INTERNAL CONTRADICTIONS IN THE USSR

Number 6, Edited by Valery Chalidze

Copyright 1982 by Chalidze Publications

Published by Chalidze Publications

505 Eighth Avenue,

New York, New York 10018

Manufactured in the U.S.A.

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Г. Алексеев.</i> Количественные параметры культы личности	5
Абрам Бергсон об 11-м пятилетнем плане	11
Стивен Бланк о сталинском наркомнаце	19
<i>Валерий Головской.</i> Советское кино 70-х годов (попытка анализа)	27

Национальные проблемы

<i>Дж. Мэйс.</i> Украинская национальная проблема и ее решение Сталиным	41
Из жизни украинской католической церкви	87

Personalia, Воспоминания

<i>Сурен Газарян.</i> О Берии и суде над бериевцами в Грузии	109
---	-----

Из "Политического дневника"

<i>Рой Медведев.</i> Как создавался "Политический дневник"	147
<i>К. Симонов.</i> "Уроки истории и совесть писателя"	155
<i>А.Г. Аганбегян.</i> О советской экономике	169
"Устав нравов" <i>Валерия Скурлатова</i>	175

Документы

Две встречи Н.С. Хрущева с творческой интеллигенцией	180
<i>Н.С. Хрущев.</i> Доклад на закрытом заседании XX съезда КПСС	207

“СССР: ВНУТРЕННИЕ ПРОТИВОРЕЧИЯ”
Проблемный журнал, выходит нерегулярно,
300-400 страниц, цена выпуска — 15.00

Редактор Валерий Чалидзе

Выпуск первый. *И.Бирман.* Заметки о советской экономике; *Н.Садомская.* Новая обрядность и интеграция в СССР; *Б.Шрагин.* Оппозиционные настроения в научных городках; *В.Чалидзе.* О праве наций на самоопределение; *И.Яхот.* Судьба статистики и математических методов в социологии (30е годы); *В.Козловский.* Жаргон московских таксистов; *Г. Давыдов.* О заключенных-уголовниках.

Выпуск второй. *П.Самюэлсон.* Альтернативные экономические системы; *А.Каценелинбойген.* Цветные рынки и советская экономика; *К.Симис.* Вторая экономика и коррупция в районном звене; *А.Никольская.* Об экономике советской семьи; *С.Пухов.* Отношение москвичей к профсоюзу “Солидарность”; *С.Бабенышева.* Цена прозрения (об Овечкине); *А.Каценелинбойген.* Нужны ли в СССР Дон Кихоты? (о Канторовиче).

Выпуск третий. *Максудов.* О росте смертности в СССР; *М.Гейфтер.* Слово о деле; *В.Козловский.* Сталин в русской жаргонной лексике; *Епископ Феодосий и о.Г.Якунин* о положении православной церкви; *И.Маховиков.* Уничтожение командных кадров Красной Армии; *И.Яхот.* Гибель тектологии Богданова; *Р.Орлова* о Фриде Вигдоровой; *В.Панова.* Главы из воспоминаний; *Н.Хрущев.* Секретное письмо президента Кеннеди о Кубинском кризисе (26 окт. 1962 г.).

Выпуск четвертый. *Г.Белль.* Портфель Сахарова; Воспоминания *Р.Орловой* и *Л.Копелева* о Корнее Чуковском; *Ю.Фельштинский.* Об амнистиях послереволюционных лет; *Е.Кримерман.* Письмо из Бессарабии; Из воспоминаний *В. Пановой* (окончание); Документы советско-германских отношений 1939-1941 гг.

Выпуск пятый. *А.Сахаров* о правозащитном движении; *А.Каценелинбойген.* Некоторые региональные проблемы в СССР; *С.Волков.* Рок-музыка в СССР; *М.Алексеев.* Лкоголь в СССР; *И.Бирман.* Где пьют больше? *Максудов.* Потери населения в СССР в 1931-1938 гг.; *М.Болоховский.* Судьба революционно-социалистической интеллигенции в России; Индийский океан в советско-германских отношениях 1939-1941 гг. (документы).

Выпуск шестой. *В.Головской.* Советское кино в 70-х гг.; *Дж.Мейс.* Украинская проблема и решение ее Сталиным; Воспоминания чекиста (*С.Газаряна*) о суде над бериевцами в Грузии; *К.Симонов.* Уроки истории и совесть писателя; “Устав нравов” *Скурлатова*; Две встречи Хрущева с творческой интеллигенцией; *Н.Хрущев.* Секретный доклад на XX с езде КПСС.

ГODOВАЯ ПОДПИСКА НЕ ПРИНИМАЕТСЯ

Присылайте standing order или заказ на отдельные выпуски
(no dealer's discount for standing orders)

КОЛИЧЕСТВЕННЫЕ ПАРАМЕТРЫ КУЛЬТА ЛИЧНОСТИ *

Не странно ли для нас, граждан Советского Союза, такое словосочетание, как "культ личности"? Разве не в нашем обществе обоготворяется государство, не в нем полностью пренебрегают достоинством и свободой личности, индивидуума.

Разве не нас десятилетиями приучали к тому, что личное счастье всегда должно приноситься в жертву общественному благополучию будущих поколений, в жертву "поющему завтра".

Разве не личности советских людей бессудно миллионами ссылались на необжитые земли, расстреливались по спискам, оплевывались, унижались, смешивались с удобрениями. Это была будничная судьба не только рядовых безымянных людей, но и талантливейших ученых, писателей, инженеров — всех слоев советской интеллигенции. Не избежала общего презрения к неповторимости человеческой личности и часть верхушки партийной иерархии.

Большевизм не меньше, чем католическая церковь прошлых веков, требует от личности полного отречения от собственного "я", безусловного подчинения партии и государству.

Безусловное признание примата государства над личностью настолько ясно, что нашло отражение даже в советской песне:

* Из журнала "Поиски". Печатается без ведома автора.

Забота у нас простая,
Забота у нас такая:
Жила бы страна родная
И нету других забот.

Конечно, в нашей действительности существует не культ личности всякого гражданина, а лишь культ личности партийного вождя. Откуда же он возникает? Связан ли он неизбежно с социалистической системой? В Постановлении ЦК КПСС "О преодолении культа личности и его последствий" (1956) утверждается, что "было бы грубой ошибкой... искать источник этого культа в природе советского общественного строя. Но почему же тогда в СССР — Сталин, в Китае — Мао-цзе-дун, в Югославии — Тито, в Северной Корее — Ким-Ир-Сен. Почему же при всяком возникновении нового социалистического строя без всякого исключения мы сталкиваемся с культом личности вождя правящей партии страны. Разве сам этот факт (о причине позже) не говорит о прямой связи культа личности вождя с новым общественным строем.

Мы в этой небольшой заметке ставим задачу проследить процесс возникновения, роста и исчезновения культа личности вождя. При этом мы культом личности будем считать "простое" обожествление вождя, независимо от тяжести страданий народа, вызываемых этим культом.

Более чем столетия советское радио и телевидение непрерывно напоминают нам "о самом великом человеке планеты", "величайшем полководце всех времен и народов", "выдающемся деятеле мирового рабочего движения",

”первом кандидате в депутаты Верховного Совета” и т.д. и т.п. Все это расплывается в эфире, не оставляя материальных следов.

Но одновременно ”пресса толчет душу” (В. Розанов). Она-то и оставляет следы. Вспомним, как Русанов в ”Раковом корпусе” воспринимал передовые ”Правды” как некие зашифрованные инструкции.

Мы хотим по этим сохранившимся следам проследить темпы развития культа личности с момента прихода к власти нового вождя. Условным количественным измерителем величины культа (за неимением других, более точных) мы будем считать число упоминаний фамилии вождя в передовых статьях ”Правды” в течение месяца. Месяцем отсчета избран май. Несомненно, что принятие другого месяца не изменит характера закономерности.

Ниже приводятся графики, характеризующие развитие культа по годам. По оси абсцисс отложены годы правления вождя, по оси ординат — количество упоминаний вождя в передовых ”Правды” за май месяц.

Следует заранее оговориться, что Ленин всегда боролся с созданием ”культа Ленина”. Поэтому в передовых ”Правды” за май 1921 и 1922 гг. упоминаются фамилии Плеханова, Авксентьева, Чернова, Каляева, Пуанкаре, Ллойд-Джорджа, архиепископа Алексия, патриарха Тихона и многих других уже забытых деятелей тех времен. Имя же Ленина за эти два месяца упоминается лишь однажды — 12/5 1922 г., — конечно, без всяких громких эпитетов в следующем любопытном

контексте: "Товарищем Лениным дважды заявлено — и это заявление подтверждено партийным съездом — о приостановлении экономического отступления". Собственно культ Ленина явно развился уже после его смерти, что нашло, в частности, и соответствующее отражение в передовых "Правды" после 1924 г.

Каковы же общие черты приводимых графиков, свидетельствующие об общей закономерности? В первые годы после прихода к власти очередной вождь твердит о необходимости коллективного руководства. Соответственно, с 1924 по 1931 г. мы не видим фамилии Сталина в передовых "Правды", с 1953 по 1956 г. — фамилии Хрущева и с 1965 по 1969 г. — фамилии Брежнева. Затем тезис о коллективном руководстве предается забвению и в передовых все чаще повторяется фамилия нового вождя с соответствующими эпитетами. Количество упоминаний фамилии вождя непрерывно растет, а затем с некоторыми колебаниями удерживается на некотором достаточно высоком уровне.

Фамилия Сталина упоминалась в 1938, 1942, 1945, 1949-51 гг. в среднем не менее четырех раз в одной передовой. Были передовые, в которых его фамилия упоминалась по 17 раз (2/5-43, 3/5-43, 12/5-45) и даже 20 раз (16/5-45).

Количественные параметры культа Хрущева примерно вдвое ниже, но характер процесса неизменен. Зато Хрущев очень любил помещать в газетах свои фотографии. Если Сталин и Брежнев помещали свои фотографии 2-3 раза в месяц, то Хрущев, обычно, — не менее 10 раз. В мае

1964 г. он поместил даже 22 свои фотографии за месяц (см. график 4).

График Брежнева подобен графику Хрущева, лишь цифры несколько поменьше. Любопытно, что фамилия Брежнева в 1973-1977 гг. ни разу не упоминается в передовых с названиями "Перед выходами на пастбища", "Близится жатва", "Восток начинает сев", "Навстречу весне" и тому подобными. Клевреты не заметили, что в сельхозотделе "Правды" завелись люди, явно недооценивающие необходимость постоянного подбрасывания дров в костер "культы личности".

График № 1

N — количество ссылок на Сталина в передовых за месяц

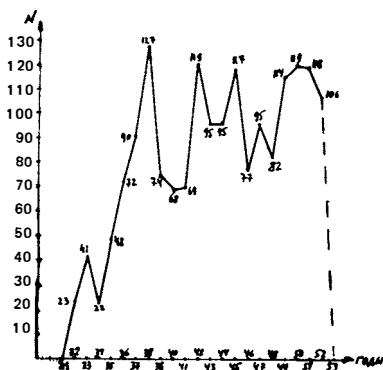

График № 2

N — число упоминаний Хрущева за месяц

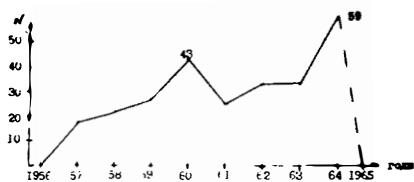

График № 3

N — число упоминаний Брежнева за месяц

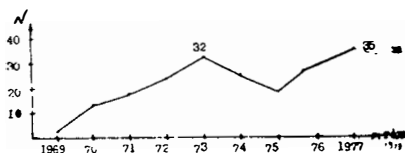
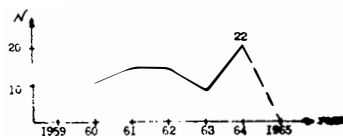

График № 4

N — число фотографий Хрущева за месяц

**АБРАМ БЕРГСОН ОБ 11-ОМ
ПЯТИЛЕТНЕМ ПЛАНЕ
(интервью Бориса Шрагина)**

Профессор Бергсон, в своей недавней статье в журнале "Problems of Communism" Вы приходите к заключению, что фактически главной задачей одиннадцатого пятилетнего плана является уже не рост производительности, как было при прежних планах, а попытка задержать ее падение. Более того, Вы не скрыли своего пессимизма насчет выполнимости даже такой скромной задачи. Будучи воспитан в СССР, я хорошо помню, что в советской пропаганде принято смеяться над мрачными прогнозами, высказываемыми западными экономистами, которые обычно предвещают советской экономике упадок и всегда ошибаются. Почему Вы думаете, что на этот раз Ваш прогноз правилен?

Я думаю, что и сами советские экономисты понимают, сколь затруднительно положение, в котором они сейчас находятся. И я сомневаюсь, что они очень уж удивились тому, что я написал. Правительство пытается задержать экономический спад, который усугубляется со времен Сталина практически постоянно. Таким образом, явление, о котором я говорю, отнюдь не новое. Советское правительство пытается повернуть наметившиеся попятные тенденции экономики в противоположную сторону. Опубликованные им контрольные цифры экономического роста на предстоящую пятилетку — ниже, чем когда-либо прежде. Но, как мне кажется, даже эти заниженные задачи едва ли достижимы. Конечно, западные экономисты выглядят большими скептиками в своих печатных работах, чем советские экономисты — в своих. Но я подозреваю, что и им известно, насколько трудно будет выполнить одиннадцатую пятилетку.

В своей статье Вы перечислили несколько основных препятствий, которые будут задерживать выполнение одиннадцатого пятилетнего плана. И на первом месте – трудности с энергией, которые ожидают Советский Союз в ближайшем будущем. Почему именно сейчас эти трудности становятся столь острыми?

Советский Союз все еще добывает много нефти и других видов горючего. Но до сих пор они использовали эти источники энергии и, особенно, нефть, – по крайней мере по западным стандартам, крайне неразумно. Они, как правило, стараются извлечь из недр как можно больше в каждый данный момент, но, действуя таким образом, они приносят в жертву завтрашний день. Получается это двойко. Прежде всего, бурение производится на месторождениях, которые уже разведаны, не затрачивается достаточного труда на исследование новых месторождений. Во-вторых, добыча нефти на этих старых месторождениях чрезвычайно интенсифицируется. А поскольку запасы недр ограничены, то и получается, что завтрашний день приносится в жертву сегодняшнему. Разработка новых месторождений требует много времени. В отдаленных районах Сибири есть богатые запасы нефти. Но, чтобы начать их эксплуатацию, надо развить инфраструктуры, проложить линии транспортировки и так далее. Кроме того, если осваивать эти отдаленные месторождения, стоимость нефти неизбежно возрастет, поскольку они далеко отстоят от крупных индустриальных центров и транспортировка нефти обойдется дорого. Да и само залегание нефти в этих районах таково, что потребует гораздо большего количества усилий. По всем этим причинам перспективы с нефтью в Советском Союзе не слишком светлые.

В 77-ом году ЦРУ предсказывало, что в самом скором будущем, в конце 70-х или в начале 80-х годов производство нефти в Советском Союзе достигнет своего пика и начнет сокращаться. Фактически до сих пор производство нефти не сокращается, но оно остается на том же уровне. И это – тревожный знак для

советских руководителей, поскольку себестоимость нефти при этом растёт.

Но в Советском Союзе развивают использование атомной энергии.

Да. Они развивают атомную энергию, и у них не столько хлопот с защитниками окружающей среды, сколько у нас. Но это – всего лишь малая часть общего количества потребляемой энергии. Главными источниками остаются нефть и уголь. С углем тоже не все обстоит благополучно. Производительность фактически падает. Самые удобные залежи исчерпаны и теперь приходится копать глубже, стоит это дорого и так далее. Более светлые перспективы – с природным газом, но и он пока что слишком дорог.

Вы пишете в своей статье, что одиннадцатый пятилетний план предусматривает, в частности, улучшения при составлении планов и проведении их в жизнь. Не могли бы Вы остановиться на этом подробнее.

Да, они надеются, они надеются. Они говорят о совершенствовании механизмов планирования. Но проблема в том, что они пытаются вводить такие улучшения на протяжении многих, многих лет – можно сказать, с того момента, как были введены пятилетние планы. Последний раз – особенно настойчиво в связи с экономической реформой 75-го года. Тогда было введено множество мероприятий по улучшению планирования. Но до сих пор, по моему мнению, все эти попытки успеха не принесли. Может быть, если бы ничего не делалось в этой области, было бы гораздо хуже. Но и лучше тоже не стало. И самое наглядное свидетельство этому – падение производительности. Вообще производительность в Советском Союзе оставляет желать лучшего, если судить о ней по западным стандартам, по стандартам стран, находящихся на сходном уровне индустриального развития. Не только в Японии, но и в Италии, например, дело с ростом производительности обстоит гораздо лучше, чем в Советском Союзе.

Конечно, на примере обращения с природными ресурсами, когда завтрашний день приносится в жертву сегодняшнему, сказываются не только недостатки советского планирования. Тут сказываются особенности всего стиля советского ведения экономики. Они стремятся выполнить план сегодня. Они концентрируют на этом все свои силы. Это, я думаю, глубоко укоренено в самой природе советской экономической системы.

Вторым препятствием на пути выполнения одиннадцатого пятилетнего плана, наряду с трудностями, связанными с энергетическими ресурсами, Вы считаете в своей статье наметившийся в Советском Союзе и все растущий дефицит рабочей силы. Почему так получается, что на Западе одним из самых тяжелых явлений в экономике оказывается безработица, а в Советском Союзе мы наблюдаем как раз обратное – недостачу рабочей силы?

Для этого есть много причин. Прежде всего, мы должны помнить, что повышенные требования рабочей силы диктуются в Советском Союзе планами, рассчитанными на максимальное повышение валового государственного дохода. А в данный момент, по демографическим причинам, обеспеченность рабочей силой растет гораздо менее стремительно, чем это было прежде. Гораздо меньше людей рабочего возраста имеется теперь в распоряжении. А кроме того, как вы наверняка знаете, рост народонаселения в Советском Союзе остается достаточно интенсивным, главным образом, в периферийных областях, – в Казахстане, в Азербайджане и так далее, – а не там, где живут русские. Промышленные же центры расположены, наоборот, в русских районах. И это порождает трудности уже сейчас. А в ближайшем будущем можно предвидеть обострение этих трудностей. Конечно, в Советском Союзе нет циклической безработицы, как на Западе, но зато там возникают другого сорта проблемы. Прежде всего, они все еще затрачивают, по сравнению с Западом,

огромное количество излишнего труда в сельском хозяйстве. Несравненно больше, чем у нас, в Соединенных Штатах, или во Франции, Германии, даже в Италии. В процентном отношении Советский Союз затрачивает гораздо больше труда на сельско-хозяйственное производство, чем во всех этих странах. Вы, конечно, можете спросить, почему, если в Советском Союзе существует экономическое планирование, они не могут переселить сельское население в города и этим способом выйти из затруднений с рабочей силой? Но и здесь они наталкиваются на целый ряд препятствий. И, пожалуй, главное из них заключается в необходимости обеспечить горожан жильем, создать системы городского обслуживания. Все это в советских условиях очень непросто. Вы прекрасно знаете, что даже существующее на сегодняшний день городское население все еще продолжает страдать от жилищного кризиса. Кроме того, если в Советском Союзе нет безработицы в западном смысле, то там мы наблюдаем совершенно специфическое явление так называемой "скрытой безработицы". Предприятия стараются удерживать рабочих даже при условиях, когда было бы экономически выгоднее их освободить. При советской системе предприятия и даже министерства ответственны за обеспечение работой тех, кого они увольняют. И, я думаю, они относятся к этому серьезно. Но по этой же причине они предпочитают не увольнять ненужных рабочих, чтобы не взваливать на себя новых забот. Таким образом и получается низкая производительность, что, собственно, и означает, что, по сравнению с Западом, затрачивается лишняя рабочая сила. Вся система такова, что она препятствует экономии на рабочей силе. В новом, одиннадцатом пятилетнем плане они надеются достичь своих целей путем увеличения производительности труда. Но весь вопрос в том, насколько это практически осуществимо. По новому плану, общий рост валового производства предусматривается достигнуть путем повышения производительности труда на 90%, но всего лишь на 10% —

за счет увеличения рабочей силы. Надо признать, что это — достаточно трудная задача.

Следующий мой вопрос связан с проблемой продовольствия и снабжения советского населения товарами широкого потребления. Почему проблема с товарами широкого потребления остается столь тяжелой и что следует ожидать в этом отношении в ближайшем будущем?

Мы проделали очень тщательное исследование, которое показало, что после многих лет, на протяжении которых был достигнут в этой области известный, хотя и достаточно ограниченный, прогресс, потребление в Советском Союзе на душу населения составляет примерно одну треть от американского уровня. И это ниже не только по сравнению с Соединенными Штатами, но также — и с Западной Европой, — намного ниже, чем в Западной Европе, или, например, в Японии. Впрочем, к этому надо добавить, что точная оценка уровня жизни в Советском Союзе навряд ли возможна. Названные мной статистические данные являются результатом большой и тщательной работы, но при самой тщательной работе остается невозможным точно измерить многие аспекты советского уровня жизни. Например, выпускаемые там товары часто бывают низкого качества и это не поддается чисто количественным оценкам. Как вы, конечно, знаете, главная проблема заключается даже не в недостатке товаров или в их низком качестве, а в том, что снабжение ими не скоординированно. А в результате — то и дело возникают с трудом объяснимые дефициты. Одними товарами набиты склады, а других нет вовсе. Предложение не регулируется спросом. Все это очень трудно отразить в статистике. Но среди всех этих неблагоприятных обстоятельств, я бы выделил одно, как решающее. Я имею в виду обычай советского правительства создавать больше производственных сил, чем товаров, что порождает непрерывное неравновесие всей экономики.

Там и сям они платят рабочим или крестьянам больше, чем в других местах и не заботятся о соответствии затрат себестоимости производимых товаров. Конечно, эту проблему, в принципе, можно было бы решить путем повышения цен или увеличения налогов, или путем повышения зарплаты... В прошлом году я был на конференции в Советском Союзе и поднял как раз этот вопрос перед советскими экономистами. И я понял из их ответов, что здесь существуют политические препятствия. Советское правительство предпочитает не повышать налогов или не повышать цены, если оно может этого избежать. Уж лучше оно готово примириться с дезорганизованностью рынка... Конечно, они стараются переложить вину на работников торговли и так далее. Но, в конечном счете, политически им выгоднее оставить все, как оно есть, чем пытаться изменить.

Как мы знаем, сейчас вся мировая экономика переживает кризис. Как выглядят советские экономические трудности на фоне общемировых?

Да, это интересный вопрос. Трудности, скорее, разные, — надо иметь это в виду. Фактически мы имеем здесь дело с различными фазами развития. Советский Союз все еще стоит перед проблемой повышения уровня жизни населения и его успехи в этой области достаточно скромны. А в ближайшие годы весьма вероятен даже спад. Давайте сравним с положением в Японии или Италии. В 50-е годы, то есть в послесталинское время, эти страны находились, в грубом приближении, на том же уровне потребления, что и Советский Союз. Но сегодня стандарты жизни в Японии, как и в Италии, намного опередили советские. Если здесь, в Америке, мы наблюдаем снижение темпов экономического роста, то это означает нечто совсем иное, чем в Советском Союзе. Остановка развития на высоком уровне — это совсем другое, чем как будто такая же остановка на низком уровне. И об этом не следует забывать в наших сравнениях. К тому же очень важно помнить, что

идеология, на базе которой совершилась Октябрьская революция, сулила создать систему, функционирующую несравненно лучше прежней. Ведь главная ее претензия как раз и состояла в том, чтобы доказать свое экономическое превосходство. Реальная история этой претензии не подтвердила. Но, несмотря на это, советское правительство все снова и снова повторяет свои обещания. Тем самым оно постоянно ставит себя в политически крайне сомнительное положение. Вы, конечно, помните о двадцатилетней программе, которую предложил Хрущев в 60-ом году. Предполагалось вступить в фазу полного коммунизма к 80-му году. Мне кажется, что значительная часть советского населения отнеслась к этим обещаниям достаточно серьезно. Но я разговаривал со многими из недавних эмигрантов, и они подтвердили, что двадцать лет назад эти обещания Хрущева что-то для них значили. На фоне этих идеологических заверений скверное исполнение выглядит — как бы это сказать? — особенно неудовлетворительным. И это очень важно иметь в виду.

**СТИВЕН БЛАНК О
СТАЛИНСКОМ НАРКОМНАЦЕ
(интервью Бориса Шрагина)**

Профессор Бланк, Вы сейчас работаете над книгой, в центре которой, как я знаю, должно быть исследование истории Наркомата национальностей, который возглавлял Сталин. В чем Вы видите особое значение этой работы?

Особое значение этой работы определяется во многих направлениях. Прежде всего, как вы знаете, национальная проблема до сегодняшнего дня остается чрезвычайно важной для советской политики и советского общества. Но здесь, на Западе, чрезвычайно мало известно об истоках советской национальной политики и о проблемах, которые стояли перед советским правительством в этой области, начиная с 17-го года. Мы знаем, благодаря работам профессора Пайпса, например, что советскому режиму удалось восстановить значительную часть царской империи в период между 17-ым и 23-им годом, а впоследствии, под руководством Сталина, на протяжении Второй мировой войны, даже расширить эту империю. Но до сих пор мы очень мало знаем, через какие ведомства осуществлялась эта политика, и о той борьбе, которая велась между различными национальностями, а также между русскими и другими национальностями внутри таких учреждений советского режима, как коммунистическая партия, Совнарком, ЧК, Красная армия, Коминтерн, а также, вероятно, и в комсомоле. Каждое из этих учреждений несло свою долю ответственности за советскую национальную политику. И этим определяется значение исследования такого учреждения, как, в частности, Наркомнац.

Значит, Ваша тема должна бросить какой-то свет и на прошлую историю, и на проблемы, которые Советский Союз в области национальной политики должен решать до сих пор?

Да. Но в то же время это будет также изучением и развития советского государства как целого. Я считаю, что историю Советского Союза, начиная с 17-го года, нужно рассматривать не просто как историю борьбы таких личностей, как Ленин, Троцкий, Сталин или Бухарин, за власть и укрепление коммунистической диктатуры. Это была также история борьбы за то, что в Советском Союзе называют "партией нового типа" или "государством нового типа", за создание такой системы институтов, которые контролируют все стороны общественной жизни. На Западе изучены лишь немногие из таких институтов, фактически — лишь один из народных комиссариатов, история Наркомпроса в 20-е годы. Я надеюсь, что к этому будет добавлена также и история Наркомнаца. И это прольет новый свет на структурное развитие советского государства.

Но ведь Наркомнац возглавлялся Сталиным. И, стало быть, работая над этой темой, Вы должны так или иначе прийти к изучению этой очень важной личности? Что прибавит Ваша работа к пониманию Сталина, его роли, его личности и т.д.?

Сталин, конечно, — это грандиозный объект для изучения. Сталин создал Наркомат национальностей. И значение этого факта в процессе моей работы над темой оказалось столь велико, что мне пришлось разбить план предполагаемой книги на два тома: первый том — о самом ведомстве, о Наркомнаце; второй том — о Сталине как народном комиссаре национальностей, как о лидере советской национальной политики. В ходе моих поисков я обнаружил, что Сталин играл огромную роль в формировании советской внешней политики в Восточной Европе, на Ближнем Востоке

и на Востоке вообще, поскольку в 20-е годы Сталин направлял советскую политику относительно Китая. Особенно важно то, что уроки советской национальной политики, так называемое "ленинское решение национального вопроса", были взяты как образец тактики во всей советской внешней политике. Например, вторжение Красной армии в Иран в 27-ом году имело свои истоки во внутренних спорах советских вождей с представителями мусульманских народов о том, какими путями распространять революцию на территориях колоний. Претензии Сталина в этой области были очень велики: он называл себя "освободителем Востока". Сталину также было с самого начала поручено наблюдать за формированием коммунистических партий в Восточной Европе. Это я обнаружил в ходе своей работы. Изучая историю Наркомата национальностей, мы как бы присутствуем при формировании модели советской внешней политики, которая сохраняет непрерывную преемственность от Ленина и до сегодняшнего дня — или, как говорят в Советском Союзе "от Ильича до Ильича". Национальная проблема всегда использовалась для достижения целей, которые ставит перед собой советская внешняя политика. В этом отношении поистине вы не найдете никакого различия между советской внешней и внутренней политикой. Например, известны письма Ленина Вацетису, командующему Балтийского фронта в 19-ом году, в которых предписывалось подготовить отвоевание Украины, Белоруссии и Балтики путем организации коммунистических ячеек данной национальности, которые, создав политический фронт, должны получить военную поддержку от русских солдат. Та же тактика была применена при отвоевании Бухары и Хивы под командованием Фрунзе в 20-ом году. То же попытались сделать и в Иране в 21-ом году. И то же самое продолжается вплоть до советских тактических приемов в Восточной Европе в период Второй мировой войны. В той или иной степени это относится к Венгрии, Румынии и Болгарии. Яркое проявление той же тактики мы

находим в Польше, а в наше время, в особенно разительной форме, — конечно, в Афганистане.

Значит, Вы считаете, что в общем-то не было никакого разрыва в этой области национальной и внешней политики в определенных районах, между установками Ленина и Сталина?

Да, я с этим согласен. Ленин писал об этом открыто в своих работах, а Сталин подразумевал в своих политических действиях. Они оба считали, что окончательное решение национального вопроса может быть достигнуто только в международном масштабе, только при условии, когда весь мир или, во всяком случае, те районы, которые примыкают к Советскому Союзу, станут социалистическими. Учитывая это, становится понятно, почему при советском режиме, задачи решения национальных проблем внутри страны и проблем международной политики естественно было возложить на одно и то же ведомство.

Значит, Вы считаете, что здесь есть какая-то определенная последовательность и те же принципы как национальной политики, так и внешней политики продолжают до сих пор?

Совершенно верно. Нет никаких сомнений, что "советский эксперимент построения социализма", как мы его иногда называем, представляет собой попытку воплотить в жизнь идеологию и философию марксизма-ленинизма. Учреждения, которые создавались советской властью, преследовали ту же цель. Поэтому тут присутствует определенная внутренняя логика и советская власть часто повторяет тактику, которая увенчивалась успехами в прошлом. Другой пример того же самого — современное "движение за мир". Собственно, оно представляет собой возрождение тех тактических приемов, которые выработал и применял Сталин в разгар "холодной войны", в 49-ом году. Тут повторяется то же самое, что и в национальной политике.

Стало быть, эту политику можно назвать "ленинской" или "сталинской" — все равно?

В какой-то мере. Как учит нас пример Сталина, кое-что зависит, конечно, и от характера данной личности.

Вопреки внутренней логике тоталитарной системы, трудно, например, вообразить, чтобы Ленин физически истреблял своих старых соратников. Может быть, он устранил бы их от власти, — это возможно, — но не чинил бы над ними насилия. То же, в данном случае, можно сказать и о Троцком. Так, по крайней мере, мне кажется. Но, с другой стороны, именно это делал Сталин. Садизм, предрасположенность к навязчивым идеям, несказанные издевательства над людьми в стиле Берия, — все это мы навряд ли найдем у Ленина. Есть поэтому определенные аспекты, в которых решающую роль играет характер данной личности. Но все-таки личность политического деятеля всегда реализует себя через посредство определенных учреждений. История Наркомнаца дает тому замечательные свидетельства. Я, например, обнаружил, что Ежова в 21-ом году выгнали из Марийской национальной области, где он был партийным секретарем, за проявления русского шовинизма. Вероятно, именно тогда Сталин его заметил.

И это ему понравилось?

Весьма вероятно. Сталин был достаточно осторожен, чтобы скрывать свой шовинизм, но в то же время он умел маневрировать таким образом, чтобы привлекать на свою сторону и русских патриотов, и представителей других национальностей. Он действовал так, что у них всех не оставалось иного выбора, кроме как поддерживать Сталина в борьбе с его соперниками за власть. Но в далекой перспективе Сталин подбирал таких людей, как Ежов, Берия и другие того же типа.

Какие Вы будете использовать источники в этой работе? Я знаю, что для историков, которые изучают советскую историю, – это всегда большая проблема.

С использованием советских источников, действительно, связаны большие трудности, поскольку тут наталкиваешься на множество ограничений. Даже документы, которые были опубликованы советскими властями в 20-е годы, например, теперь недоступны для исследователя. Они недоступны даже и для советских ученых, если они не состоят в партии или не располагают теми или иными связями. Источники, которые тем не менее мне удалось использовать, – это газета, которую издавал Наркомнац и которая называлась "Жизнь национальностей", а также советские исторические публикации, – главным образом, за последние двадцать пять лет. После 56-го года у советских историков оказалось все-таки больше возможностей говорить правду. Когда разгорелась борьба вокруг имени Сталина, которая была начата известными выступлениями Хрущева, она отразилась также и на обсуждении национальной проблемы. Например, один автор, имени которого я называть не буду, выпустил книгу в 63-ем году, когда Хрущев был заинтересован в нападках на Сталина также и по национальному вопросу. Из этой книги я узнал, что в 20-ом году работники Наркомнаца написали в Центральный Комитет жалобу на Сталина, в которой говорилось о его "самоуправстве". Никто другой, ни прежде, ни после этого не публиковал этот документ. Он, как и многие другие, конечно, спрятан в архивах. Другой пример из той же книги – письмо людей из Средней Азии о проявлениях русского великодержавного шовинизма в деятельности местных партийных организаций в 1917-19-ых годах. Для меня был важен даже язык, выражения, которые использовались в этом документе. Русские авторы часто склонны соглашаться, что русский шовинизм, действительно, имел место. Но при этом они обязательно упомянут и местный,

так называемый "буржуазный национализм". С другой стороны, авторы из мусульманских народов смотрят на вещи совсем иначе, делая акцент на великорусском шовинизме. Таким образом, я пользуюсь, главным образом, советскими газетами, которые можно достать на Западе, советскими историческими исследованиями, статьями в советских исторических журналах и многочисленными "Учеными записками", которые очень трудно достать на Западе, но которые содержат очень много важной информации.

Теперь последний вопрос я хотел бы Вам задать. Как бы Вы расценили то, что Вы хотите найти и утвердить в отношении природы советского государства, советской истории и так далее, или как Вы расцениваете свои идеи на фоне американской исторической науки?

Я считаю, что американские исследования по советской истории, — в противоположность исследованиям дореволюционной, царской России, — слишком сильно сосредотачиваются на том, что мы называем "высокой политикой", и на отдельных личностях. Конечно, личности Ленина, например, Сталина и, в меньшей степени, Хрущева или Троцкого, имеют серьезное значение. И когда мы в Соединенных Штатах начинали изучать советскую историю, было необходимо установить, что в действительности каждый из этих деятелей говорил и делал. И это была нелегкая задача. Но сегодня мы должны идти дальше, мы должны попытаться понять структуру, систему общественных учреждений и отношений как при современном режиме, так и с самого начала советской истории, понять механизмы эволюции этих общественных учреждений и отношений. Например, было бы неправильно, я думаю, рассматривать сталинизм просто как результат невероятных амбиций и преступных наклонностей одного человека. Мы должны понять его как проявление глубочайшего социального кризиса, который охватывает всю Россию. Реальная проблема заключается вовсе

не в том, каким был Сталин. История знает и другие примеры великих преступников у власти, злодеяния которых, может быть, не достигали такого масштаба. Мы помним про Гитлера, Чезаре Борджия, Калигулу, Ивана Грозного. Но весь вопрос в том, при какой социальной обстановке создается для подобных деятелей возможность захватить в свои руки все бразды правления, каково соотношение сил в обществе, которое приводит к подобному развитию. Если воспользоваться советским официальным языком, можно сказать так: историка должен больше интересовать не вопрос "кто кого", а изучение "объективной реальности" советских структур и государственных институтов. И я надеюсь, что моя работа, как и другие работы моих современников, которые трудятся в области советологии, внесет свой вклад в понимание, что такое советская "объективная реальность". Приведу еще один пример. Отвлечемся на минутку от национальной проблемы. Вспомним про коллективизацию. Считается, что Сталин осуществил "революцию сверху". Но тогда возникает вопрос: почему социально-экономическая структура, которую он навязал советскому сельскому хозяйству, находит свои истоки в столетиях русской истории. Допустим, что колхозный строй был силой навязан русскому крестьянству, но почему столь многое в колхозе напоминает деревенскую крестьянскую общину дореволюционных времен? До сих пор мы не знаем ответа.

СОВЕТСКОЕ КИНО 70-х ГОДОВ (попытка анализа)

Возможно, что попытка целостного рассмотрения советского кино за минувшее десятилетие является преждевременной. Еще слишком свежи в памяти споры вокруг отдельных фильмов, а их оценки, как и суммарная оценка кинопроцесса, окрашены субъективным отношением. И все же попробую определить главные направления развития, назвать доминирующие тенденции.

Что дали советскому кино прошедшие десять лет? Можно ли назвать их периодом активного и плодотворного развития, овладения новыми эстетическими, тематическими, жанровыми рубежами?

Суммарный предварительный ответ будет отрицательным. Семидесятые годы не были периодом продвижения вперед по сравнению с предыдущим десятилетием. Отдельные удачи не могут скрыть общих тенденций застоя. Причин тому, по крайней мере, две.

а) По общему убеждению мировой критики, 70-е годы оказались малозначительными для всего киноискусства в целом. Не возникли какие-то отчетливо выраженные "школы", направления (типа "синема-верите" или "новой волны"). Кинематографическое лицо минувшего десятилетия лишено каких-то характерных черт.

б) Советское кино развивалось в этот период в условиях более жесткого политического курса. Отдельные художники и даже целые творческие направления были раздавлены государственной машиной, многие интересные замыслы остались невоплощенными, что не могло не сказаться на общей картине нынешних итогов.

Отсутствие новых идей и их художественного воплощения на экране, отсутствие эстетических поисков в советском кино — результат этих двух взаимосвязанных тенденций — внешней и внутренней.

В 1970-1980 годах студии страны выпустили около 1500 полнометражных и игровых фильмов (ежегодная продукция колебалась от 100 картин в начале периода до 150 в конце). Престиж кино все еще очень высок в СССР: социологические исследования утверждают, что 55% опрошенных считают кино основной формой проведения свободного времени (телевидение — 35%). Однако это соотношение меняется в пользу телевидения буквально с каждым годом. Хотя наиболее успешные ленты смотрят в течение только первого года от 40 до 70 миллионов человек, большинство фильмов не собирают и 10 миллионов. И еще одна цифра: если в начале десятилетия *в среднем* каждый житель страны посещал кинотеатр 19 раз в году, то в середине — только 16. Поскольку доходы от кинематографии (4 миллиарда посещений в год) составляют очень значительную сумму

государственного бюджета (в частности, кино полностью покрывает расходы бесплатного телевидения), руководители кинематографии в середине 70-х годов предприняли ряд мер, чтобы привлечь зрителей в кино, что неблагоприятно отразилось на *художественном* облике советского киноискусства. Но об этом речь впереди. Чтобы размышления о кинопроцессе были конкретны, я должен назвать те фильмы, которые, на мой взгляд, определяют лицо этого десятилетия — отличаются высокими эстетическими достоинствами или же важны для тематического обогащения процесса.

- 1970: "Белое солнце пустыни" (Владимир Мотыль, Ленинград). "Начало" (Глеб Панфилов, Ленинград). "У озера" (Сергей Герасимов, Москва). "Влюбленные" (Эльор Ишмухамедов, Узбекистан). "Рабыня" (Булат Мансуров, Казахстан).
- 1971: "Белорусский вокзал" (Андрей Смирнов, Москва). "Комиссары" (Николай Машенко, Украина). "Алые маки Иссык-Куля" (Болот Шамшиев, Киргизия). "Король Лир" (Григорий Козинцев, Ленинград).
- 1972: "Белая птица с черной отметиной" (Юрий Ильенко, Украина). "Жил певчий дрозд" (Отар Иоселиани, Грузия). "Пиромани" (Георгий Шенгелая, Грузия). "Невестка" (Ходжакули Нарлиев, Туркмения).
- 1973: "Солярис" (Андрей Тарковский, Москва). "Монолог" (Илья Авербах, Ленинград).

- 1974: "Калина красная" (Василий Шукшин, Москва). "Чудаки" (Георгий Шенгелая, Грузия). "Лютый" (Толомуш Океев, Киргизия). "Семейная мелодрама" (Борис Фрумин, Латвия).
- 1975: "Премия" (Сергей Микаэлян, Ленинград). "Пастораль" (Отар Иоселиани, Грузия). "Сто дней после детства" (Сергей Соловьев, Москва).
- 1976: "Зеркало" (Андрей Тарковский, Москва). "Прошу слова" (Глеб Панфилов, Ленинград). "Чужие письма" (Илья Авербах, Ленинград). "Белый пароход" (Болот Шамшиев, Киргизия). "20 дней без войны" (Алексей Герман, Ленинград).
- 1977: "Восхождение" (Лариса Шепитько, Москва). "Неоконченная пьеса для механического пианино" (Никита Михалков, Москва).
- 1978: "Древо желания" (Тенгиз Абуладзе, Грузия). "Странная женщина" (Юлий Райзман, Москва). "Позови меня в даль светлую" (Станислав Любшин, Герман Лавров, Москва). "Слово для защиты" (Вадим Абдрашитов, Москва).
- 1979: "Пять вечеров" (Никита Михалков, Москва). "Несколько интервью по личным вопросам" (Лана Гогоберидзе, Грузия).
- 1980: "Сталкер" (Андрей Тарковский, Москва). "Гараж" (Эльдар Рязанов, Москва).

Этот список конечно же субъективен, возможно, он не всех удовлетворит. Но все же, имея перед глазами конкретные фильмы, легче рассуждать и делать те или иные выводы.

1. Характерной чертой минувшего десятилетия был процесс централизации кинематографической жизни. Возросла роль Ленинграда, а в конце периода — Москвы. Многие режиссеры, сценаристы, операторы переезжают в Москву из республик (Жалакявичус, Лотяну, Дербенев, Шамшиев) и из Ленинграда (Панфилов, Мотыль, Микаэлян).

Начало рассматриваемого периода еще богато интересными фильмами республиканских студий: это и последние ленты украинской школы поэтического кино (Юрий Ильенко), и завершение "киргизского чуда" (Шамшиев, Океев), и ряд значительных лент грузинских режиссеров (Иоселиани, Абуладзе, Шенгелая). В середине 70-х мы наблюдаем взлет "ленинградской школы" (Панфилов, Авербах, молодые режиссеры — Алексей Герман, Динара Асанова). Наконец, в последние годы Москва становится единственным центром (исключения достаточно редки), откуда приходят значительные в художественном и тематическом отношении фильмы.

Здесь необходимо сделать существенную методологическую оговорку. Рассматривая десятилетие как некий обособленный период, я делаю это весьма и весьма условно. Несомненно, при более широком *временном* анализе, это десятилетие распадется на две части — первая

половина будет принадлежать шестидесятым годам — периоду относительного подъема советского кино, вторая половина — начало решительной переориентации советского кино на коммерческие рельсы, о чем я буду говорить ниже.

2. Очевидный упадок национальных кинематографий, радовавших в 60-е годы любителей кино своеобразными, пронизанными национальным духом произведениями имеет под собой прежде всего организационные причины. Кинематографисты из Киева и Тбилиси, Фрунзе и Ташкента находятся под двойным гнетом — местного кинематографического начальства, местного партийного руководства, с одной стороны, и общесоюзных, московских инстанций. Интересно, что за десять лет в республиках не появился ни один молодой кинорежиссер, чье творчество хотя бы в какой-то мере соответствовало уровню Абуладзе и Шамшиева, Нарлиева или Ильенко.

Наиболее показателен разгром украинской школы: Параджанов был посажен в тюрьму по сфабрикованному обвинению, Ильенко, Машенко, Осыка превращаются в заурядных ремесленников под давлением догматического руководства. Иссякло и "киргизское чудо": после "Лютото" и "Белого парохода" Океев и Шамшиев делают один за другим заурядные фильмы.

Единственная национальная школа, которая выстояла в 70-е годы, была грузинская. Однако характерной чертой грузинской практики

этих лет является уход в национальное прошлое, в фольклор и традиции. Многие из грузинских фильмов так и не появились на экранах других республик. Это была сознательная месть Москвы, что особенно ярко проявилось в случае с Отаром Иоселиани, чей фильм "Пастораль" не выпускался на "всесоюзный экран" 4 года.

Столь же полному, как украинское кино, разгрому подвергся ленинградский кинематограф. Партийные деятели во главе с "хозяином" области членом Политбюро Григорием Романовым, запретили или совершенно исказили смысл многих фильмов Панфилова, Авербаха, Германа, Фрумина, Асановой и других.

Как видим, сосредоточение главных кинематографических сил в "либеральной" Москве произошло отнюдь не в силу естественных причин.

3. Подавляющее большинство значительных для развития кино фильмов создано в это десятилетие режиссерами среднего поколения (из "стариков" представлены Райзман и Герасимов). Но что тревожно — очень слабо представлены молодые режиссеры. Назову имена Никиты Михалкова, Алексея Германа, Динары Асановой, Бориса Фрумина. Однако Фрумин был вынужден эмигрировать в результате преследований властей, Герман, чей первый фильм был запрещен, после успешных "20 дней" надолго замолчал.

Наиболее удачно пока складывается судьба очень способного Никиты Михалкова. Его ленты "Пять вечеров", "Неоконченная пьеса для

механического пианино” и — отчасти — также ”Обломов” свидетельствуют о незаурядном даровании молодого режиссера. Но, как говорится, ”один в поле не воин”.

4. Доминирующая некогда военная тематика фактически сошла на нет. Лишь ”Белорусский вокзал” (тема памяти о войне) в начале периода и ”Восхождение” и ”20 дней без войны” дают новый взгляд на эту проблематику.

5. Как всегда, значительную часть фильмов составляют экранизации литературных, прежде всего *современных* произведений. Но даже беглый взгляд заставляет прийти к выводу, что все лучшее, что было создано литературой, *прошло мимо* кинематографа. И это неслучайно, это сознательная политика руководства. Назову такие романы и повести последних лет, не получившие разрешения на экранизацию, как ”Берег” Юрия Бондарева, ”Дом” Федора Абрамова (острая повесть о современной деревне), повести Юрия Трифонова (экранизацию ”Обмена” разрешили в Литве, что совершенно исказило смысл и тональность вещи), дожидается своего часа Валентин Распутин, некоторые экранизации Александра Вампилова не увидели экрана.

6. Благодаря целенаправленным усилиям руководства кинематографии современная тема стала доминирующей в 70-е годы. Здесь можно выделить три направления. а) Производственный фильм (действие происходит на заводе, на стройке, экономические проблемы сочетаются

с личными судьбами героев). "Премия" была, пожалуй, первой и единственной удачей. В дальнейшем все попытки реанимировать столь важную для начальства тему неизменно оканчивались неудачей. б) Молодежная тематика. Начатая удачной лентой Станислава Ростоцкого "Доживем до понедельника", она была продолжена такими картинами, как "Сто дней после детства", Сергея Соловьева, "Школьный вальс" Павла Любимова или первыми работами Динары Асановой из Ленинграда. Сюда же отнесем и "Чужие письма" Ильи Авербаха. в) Бытовой, семейный фильм. Это направление стало чрезвычайно популярным во второй половине 70-х годов. "Сладкая женщина", "Странная женщина", "Молодая жена", "Жена ушла" — эти и многие другие ленты рассказывают о положении женщины, о разводах, о любви. Причем в некоторых из них ставится вопрос о горьких плодах эмансипации, о тяжком бесправном положении женщины в советском обществе. г) В этот период были предприняты попытки активизировать жанр "политического фильма", столь модного на Западе. Однако слабые, фальшивые, запоздалые картины Витаутаса Жалакявичуса о событиях в Латинской Америке (Куба, Чили) показали практическую невозможность существования этого жанра в СССР: идеологические ограничения не позволяют художнику сказать правду и облечь ее в увлекательную художественную форму. Точно также робки были попытки создания политического кино на внутреннем, советском материале.

Здесь можно назвать лишь "Премию" и "Прошу слова".

7. Резкий спад интереса к кино (развитие телевидения, скучный репертуар) и уменьшение доходов, вызвал в середине 70-х годов попытку изменить направление развития киноискусства. Кинематографическое начальство при поддержке части режиссеров и сценаристов предложило сделать упор на массовых жанрах — мелодраме, комедии, фантастическом фильме. Теоретиком этого направления стал режиссер Андрей Михалков-Кончаловский, живущий ныне на Западе. Он предложил перестроить — производственно и репертуарно — советское кино по образцу американского. Многие деятели кино возражали против подобных тенденций, утверждая, что советское кино сильно своими традициями создания художественного, оригинального "штучного" фильма и что советская кинематография не располагает ни производственными мощностями Америки, ни профессионализмом американских мастеров кино. Однако официальная линия восторжествовала, и ее самым значительным плодом стал фильм "Москва слезам не верит" (режиссер Владимир Меньшов) — "фильм для всех", который понравился и 80 миллионам советских зрителей и избранной публике кинофестиваля в Западном Берлине, Леониду Ильичу Брежневу и членам американской Академии наук и искусств, присудившим ему премию "Оскар"... Вслед за тем появился фильм "Экипаж" (режиссер Александр Митта) — о катастрофе самолета, готовится фильм о

грандиозном пожаре на большом заводе и ряд других лент на столь же "оригинальные" темы.

8. В минувшем десятилетии не было у советского кино духовного вождя, каким был, например, в 60-е Михаил Ромм. Человек, чья совесть была камертоном для молодых и немолодых кинематографистов. И чье творчество (этого периода) находилось в тесной связи с совестью. Кинематограф 70-х, не располагавший возможностями литературы (самиздат, публикации за границей) оказался в арьергарде интеллектуальной жизни страны. С этим тесно связано отсутствие чисто художественных, стилистических поисков. В целом стилистика этих лет безлика, она служит лишь фиксации внешних форм жизни человека. Яркие поэтические ленты ушли в прошлое, также и документальное направление (эстетика достоверности) не получило развития.

И неслучайно оригинальный, авторский кинематограф Андрея Тарковского ("Зеркало", "Сталкер") не только не вызвал желания работать в этом направлении, но встретил враждебный прием даже у творческих работников. Уж слишком творчество неслыбаемого Тарковского отличалось от массовой продукции, бросало ей вызов. Столь же враждебно было и отношение к творчеству Отара Иоселиани ("Жил певчий Дрозд", "Пастораль"). Его поэтически-документальный стиль, нежелание идти на компромиссы,

предавать искусство, пришлось не ко двору в эти мрачные годы.

Безликая стилистика отражала нежелание кинематографа исследовать внутренний мир человека. В этих условиях угас и такой самобытный русский талант, каким был Василий Шукшин. Посмертное приобщение его к "лику святых" не может заставить забыть, что власти так и не дали ему поставит фильм о Разине, ибо страх перед правдой истории так же силен в СССР, как и боязнь правды о современной советской жизни.

9. Анализ недавнего прошлого — задача благодарная и не всегда результативная. Можно ли сегодня предсказать направление развития советского кино в нынешнем десятилетии?

Думаю, что с некоторой степенью приближенности — возможно.

Уже сегодня доминирует в репертуаре массовый, облегченный, рассчитанный "на всех" фильм — золотая мечта кинематографического начальства. Пошлая мелодрама, убогая комедия (острый сатирический "Гараж" едва смог выйти на экраны), примитивный приключенческий фильм — заполнили экраны страны. В определенной степени допущена жестокость, как средство приманить зрителя. Но пока еще (временно) не допускается секс.

Ужесточение идеологического давления на кино, примитивно понимаемая пропаганда вызывают к жизни многочисленные экранизации "произведений" Брежнева, а если говорить о более серьезных вещах — развитие жанра

эпики. Можно назвать два фильма: "Сибиряда" Андрея Михалкова-Кончаловского и "Вкус хлеба" Алексея Сахарова. Обе эти картины совершенно провалились у зрителей. Хотя эпика в принципе может дать интересный результат (яркий пример — "Апокалипсис" Копполы), для этого необходимо свободно выбирать материал и работать над ним по законам искусства.

Годами молчат такие режиссеры, как Тарковский, Иоселиани, Климов, Авербах, Герман. Наиболее талантливые, спорные картины запрещаются ("Тема" Глеба Панфилова, "Агония" Элема Климова), а на экраны выходят такие пропагандистские "шедевры", как "Секретарь райкома" Резо Чхеидзе (Грузия), "Ленин в Париже" Сергея Юткевича (где дух(!) Ленина ведет полемику с молодыми контестаторами 68 года), убогая производственная стряпня "Коней на переправе не меняют" Гавриила Егиазарова или постановочный боевик "Тегеран-43" Александра Алова и Владимира Наумова. Все эти картины выходят на экраны в 1981 году и определяют лицо сегодняшнего кинематографа.

Трудно ожидать в ближайшие годы художественных свершений, хотя популярность советских фильмов у широкого зрителя возможно будет возрастать за счет заимствованных сюжетов и разного рода зрелищных приманок. Но все же существование в СССР таких режиссеров, как Тарковский, Иоселиани, Никита Михалков,

Элем Климов, Алексей Герман, Глеб Панфилов, Илья Авербах может служить залогом того, что хотя бы изредка мы будем общаться с подлинным оригинальным искусством. Удовлетворимся пока этой надеждой.

НАЦИОНАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ

Дж. Мэйс

УКРАИНСКАЯ НАЦИОНАЛЬНАЯ ПРОБЛЕМА И ЕЕ РЕШЕНИЕ СТАЛИНЫМ

Для истории Восточной Европы характерна многолетняя борьба за обладание отдельными территориями и государственную самостоятельность народов. Не удивительно, что на этом пространстве без точных этнических границ, эта многолетняя борьба вызвала у каждого народа серьезные претензии к своим соседям. Однако в наши дни для того, чтобы оправдались надежды на свободное демократическое развитие всех этих стран, необходимо понять и устранить взаимные обиды. Настоящая статья написана в надежде начать обсуждение проблемы, которое способствовало бы такому взаимопониманию.

Среди русских эмигрантов существует устойчивое убеждение, что в основном хорошее русское самодержавие было свергнуто коммунистами, установившими режим с самого начала и со всех точек зрения худший, чем его предшественник. С точки зрения колониальной политики это было совершенно не так. Между национальной политикой русских царей и Сталина с его преемниками наблюдается удивительная преемственность. Только небольшой промежуток времени в 20-х годах, когда бывшим и будущим колониям России была предоставлена возможность ограниченного самостоятельного национального развития при режимах в чем-то близких к "странам народной демократии" Восточной Европы, оказался счастливым исключением. Эта короткая временная передышка в насильственной руссификации была отнюдь не идеальной, но все же она заметно отличается в лучшую сторону от всего, что ей предшествовало и за ней последовало.

Украинцы рассматривают историю русского управления как непрерывную цепь угнетения и насилия.

Они всегда считали Переяславскую раду, скорее покорением, чем воссоединением "братских народов", как заявляет сталинская и послесталинская историография.¹

И действительно трудно утверждать, что украинская нация процветала под русским управлением. Ее автономия была постепенно уничтожена, ее православная церковь была поглощена московской, ее экономический рост надолго приостановился, ее правящие классы были ассимилированы.

Как и чехи после битвы в Белых горах, украинцы стали нацией священников и крестьян; они являются одним из немногих народов в мире, уровень грамотности которых уменьшился с семнадцатого по девятнадцатый век. С 1875 по 1905 годы русское самодержавие для подавления национального самосознания решилось на такую суровую меру как полное запрещение печатания на украинском языке.² Когда после отмены крепостного права началось быстрое промышленное развитие Украины, оно также носило русский характер. Тот факт, что крестьяне Центрально-черноземной области были беднее, чем их украинские соседи, обеспечивал преобладание русских на всех шахтах и заводах, создаваемых на Украине. И поэтому украинцы фактически не участвовали в развитии своей страны.³ Ксенофобия Черной Сотни нашла у русских, живущих на Украине, более плодородную почву, чем в какой-либо иной части Империи. Даже либерально-демократическая русская интеллигенция не поддерживала такого скромного требования, как ограниченная украинская автономия. Когда в 1917 году Русская Империя распалась, украинцы имели очень малочисленный, но тем более важный слой национальной интеллигенции, а подавляющее большинство их оставалось крестьянами, рассматривавшими города своей собственной страны как чужеродные организмы, населенные иностранцами.

Две революции на Украине

В 1923 году, когда большевики всеми силами пытались "укорениться" на Украине, Моисей Равич-Черкасский, бывший бундовец, перешедший к большевикам, опубликовал первую историю Коммунистической партии (большевиков) Украины. Его основной тезис, официально отброшенный после 1927 года, состоял в том, что советская власть и коммунистическая партия на Украине имели два корня: один – русское революционное движение, другой – украинское социалистическое движение. Он считал, что КП (б) У возникла в результате объединения в 1920 году боротьбистов (бывшая левая фракция украинской партии социалистов-революционеров) и большевиков.⁴ Если такой синтез и существовал когда-нибудь, то продолжался он очень недолго. Но мысль, на которой он построен, совершенно справедлива; разделение между городом и деревней на Украине было как социальным, так и национальным, и в 1917 году произошли одновременно две отдельные революции на одной и той же территории: одна – русская, пролетарская, другая – украинская, аграрная. В городах Украины, на ее заводах и шахтах революция носила такой же характер, что и в остальных частях империи, но для украинского крестьянства, составлявшего четыре пятых населения страны, революция была одновременной битвой за социальную справедливость и национальную независимость. Причем оба революционных движения на Украине насчитывали десятилетия независимого развития.

Во время Гражданской войны украинское революционное движение столкнулось с тремя различными противниками: русская контрреволюция, большевизм, Польша. Из трех Деникинская Добровольческая армия была наибольшим злом, так как несла восстановление дореволюционного режима и помещичьего землевладения. Деникин стремился к восстановлению "единой и

неделимой России”, которая включала бы все три главные части: Великороссию, Малороссию, Белороссию. В его планах не было места для Украины и украинцев. Деникин считал, что украинское движение возникло в результате немецких интриг и деятельности украинской ”полуинтеллигенции”, и, если устранить и то и другое, то стремление к украинской национальной независимости исчезнет. Когда Добровольческая армия оккупировала страну, украинские школы и кооперативы были закрыты, белая администрация опиралась на бывших помещиков, которые не только хотели вернуть обратно свои владения, но и часто использовали свое положение для сведения счетов с крестьянами, разделившими их землю. Даже в Харькове, в котором большинство русского населения радовалось приходу Белых как освобождению и источнику дешевого хлеба, после нескольких месяцев белого террора встречали большевиков как освободителей.⁵

Для большевиков формула ”самоопределение вплоть до отделения” означала лишь теоретическую возможность, ответ социал-демократов на стремления угнетенных народов. В действительности такое отделение считалось необязательным и даже нежелательным и означало право, которым нельзя было воспользоваться. Включение этой формулы в советскую конституцию призвано лишь украсить фасад колониального управления.⁶ Украинские деятели находили это решение неудовлетворительным. Лев Юркевич (Рыбалка), один из лидеров украинской социал-демократии отверг ленинскую формулу, как ширму. Он говорил, что если украинцы не получат независимости, они будут сражаться за нее. Эти слова были пророческими.⁷

Через несколько дней после известия о свержении самодержавия в марте 1917 года в Киеве возникла Центральная Рада, ставшая органом Украинского национального движения, а позднее и территориальной автономии, в ее состав входили и национальные меньшинства, в том числе и русские.

Практически каждый город имел в то время свой Совет рабочих и солдатских депутатов. А так как украинское "рада" переводится как "совет", возникало немало недоразумений, связанных с этими различными организациями. Георг Лапчинский, член Первого советского украинского правительства, а позднее лидер федералистской оппозиции в КП(б)У вспоминал, что осенью 1917 года на каждом политическом митинге находились украинцы, выступавшие и за Советскую власть, и за Центральную Раду, так как она тоже Советы.⁸ Сама Рада также использовала эту формулу. В ноябре 1917 года Николай Порш, генеральный секретарь труда Центральной Рады, официально информировал Сталина (бывшего в это время комиссаром по делам национальностей):

"Мы считаем, что центральная Рада является по своему составу Советом рабочих, солдатских и крестьянских депутатов, которые были выбраны на съездах крестьян, рабочих и солдат."⁹

Слабость большевиков на Украине продемонстрировали выборы во Всероссийское Учредительное собрание, в котором украинские социалистические партии получили абсолютное большинство, а большевики собрали только 10% голосов. Несмотря на это, они пытались взять власть в декабре 1917 года, призывая Всеукраинский съезд советов сформировать Советское правительство. Однако, когда большевики и их сторонники прибыли в Киев, они потонули в массе окружающих их делегатов украинских сельских организаций, представлявших крестьянские массы. Потеряв надежду победить, делегаты большевиков переехали в Харьков, где под охраной Красной гвардии из русских рабочих организовали собственный съезд и объявили о создании Первого советского правительства Украины.¹¹ В последующие годы на Украине не раз возникали местные и общие правительства, опиравшиеся на Красную армию и не скрывавшие порой своей ненависти ко всему украинскому.

В 1917 году киевских большевиков возглавляли Юрий Пятаков и Евгения Бош, которые до революции отвергали ленинскую формулу "права наций на самоопределение" и разделяли мнение Розы Люксембург, о том что при капитализме освобождение народов является фикцией, а при социализме необходимость в нем отпадает.¹² Когда Красная Армия вступила в Киев в январе 1918 года, ее командующий ген. Муравьев писал в обращении к населению о восстановлении Советской власти: "Мы принесли эту власть с дальнего Севера на остриях наших штыков."¹³ В то время людей, говоривших по украински на улицах подозревали в контрреволюции, нередко арестовывали и расстреливали. Выдающийся украинский большевик Владимир Затонский впоследствии вспоминал, что тогда он сам был чуть не расстрелян.¹⁴

Христиан Раковский, один из людей, возглавлявших Советскую власть на Украине в 1919 году, утверждал, что украинский язык – это кулацкая речь и восстановление его как официального языка на Украине было бы реакционным мероприятием.¹⁵

В действительности Советский режим был главным образом заинтересован в Украине, как в источнике снабжения товарами, продовольствием и хлебом. В 1919 году Ленин посылает своего наиболее энергичного заготовителя Александра Шлихтера на Украину с приказанием немедленно собрать 50 миллионов пудов хлеба для России. Но то, что Шлихтер называл "кулацким бандитизмом", было так сильно, что удалось набрать только 8,5 млн. пудов, из которых две трети остались на Украине для нужд Красной Армии. Вспоминая то время, Шлихтер писал:

"Образно выражаясь можно сказать, что каждый пуд заготовленного хлеба был окрашен каплями крови рабочих."¹⁶

Конечно, те кого одна сторона называла бандитами, другая могла бы назвать борцами за национальное освобождение или просто крестьянами, которые пытались защитить продукты своего труда. Говоря об

этом времени, большевистский историк Равич-Черкасский признает, что деревня представляла собой единый фронт против большевиков.¹⁷ Уже после окончания гражданской войны, в 1921 году тысячи партизан продолжали действовать в украинских деревнях. В опубликованных на Западной Украине в 1932 году материалах, впоследствии подтвержденных советскими учеными, говорится, что на 1 апреля 1921 года на Украине и в Крыму насчитывалось 102 банды, в некоторых из них было до 800 человек. Таким образом, даже не считая составлявшей 10-15 тысяч человек армии Махно, десятки тысяч "бандитов" сознательно боролись против большевиков и большинство из них были украинцы. Хотя мы и не имеем конкретных данных, но судя по сообщениям украинских советских газет, вспышки "кулацкого бандитизма" существовали до середины 1924 года, а до середины 1923 года он был распространен очень широко.

Русское население Донбаса, включая большевиков, не желало иметь ничего общего с остальной Украиной. Они считали Донбас частью России, а местных украинских жителей считали кулаками, или контрреволюционерами, мнение которых можно просто не принимать во внимание. В 1918 году там было организовано независимое от Советской Украины правительство Донецко-Криворожской республики. Конечно, для представителей господствующей нации было не просто понять национальное движение к самоопределению части населения, представленной массами крестьян. Никола Скрышник в 1920 году считал такое непонимание главной слабостью Советской власти на Украине:

"Наша трагедия на Украине состоит в том, что с помощью рабочего класса, русского по национальности или руссифицированного, который относится к украинскому языку и культуре, как к чему-то малозначительному, мы должны завоевать на свою сторону крестьянство, сельский пролетариат, людей, которые по национальности украинцы и в силу знания своего исторического прошлого натсороженно относятся ко всему русскому (московскому)".¹⁹

В 1923 году скрыпниковские предложения стали частью официально принятой линии на развитие украинской национальной культуры.²⁰

Проблема украинизации

Путь признания большевистской партией политики украинизации был длинным. Он начался в январе 1919 года, когда Сергей Мазлах и Василь Шахрай, два большевика из Полтавы, тогдашнего центра украинского движения, выступили с критикой большевистской национальной политики. Основная их мысль заключалась в следующем:

”Украина точно такая же страна как Россия, Германия, Франция, Италия, Норвегия, Англия и другие. Как и они, она не только имеет право, но и фактически должна быть такой же суверенной и независимой как все другие государства.”²⁰

Некоторые большевики понимали, что в случае признания этого очевидного факта Украина могла бы поддержать их.²¹ Но это мнение игнорировалось. Летом 1919 года в Киеве сформировалась дискуссионная группа, ставшая зародышем так называемой федералистской оппозиции в КП(б)У во главе с Георгом Лапчинским. Группа требовала независимого Украинского государства и коммунистической партии, которая была бы, по своему составу и политике украинской, однако без поддержки из Москвы они вряд ли могли добиться успеха в преимущественно русской по составу КП(б)У. Лапчинский с возмущением вышел из большевистской партии и вступил в партию укапистов (бывшая левая фракция украинских социал-демократов). Он вновь вернулся в КП(б)У в 1925 году, вступив в нее вместе со многими укапистами.²²

Хотя голоса за союз с украинцами были в КП(б)У довольно слабыми, в украинском революционном движении были мощные силы, стремившиеся к сотрудничеству с большевиками в проведении

национальной политики. В 1920 году Владимир Винниченко, бывший Генеральный Секретарь Украинской Центральной Рады и глава Украинской Директории до разрыва с Петлюрой, ездил в Москву и Харьков, соглашаясь занять пост Вице-президента Украинского Совнаркома и министра иностранных дел. Но скоро стало ясно, что большевики заинтересованы в изменении существующего правительства только для того, чтобы с помощью пропаганды добиться признания своей власти украинцами, и он через две недели уехал за границу. ²³ Боротьбисты (левая фракция украинских социалистов-революционеров) надеялись заслужить признание большевиков, демонстрируя полную лояльность, порой граничащую с подбострастием, и около 4000 из них вступили в КП(б)У в 1920 году во главе с тремя лидерами: Василем Еллан-Блакытным, Александром Шумским, Григорием Гринько, занявшими высокие посты. ²⁴ Почему левое крыло украинских социалистов так отчаянно стремилось к сотрудничеству с большевиками в строительстве Украинского национального государства? Дело в том, что они исходили из мысли, которую советская официальная историография называет антиленинской идеей о "безбуржуазности украинского народа". Иногда эту идею приписывают Винниченко, иногда Грушевскому. Вероятно эту идею никто не выдвигал, просто дело в том, что украинцы не имели своей национальной буржуазии. Но этот факт Советская власть всегда пыталась опровергнуть. Ведь как можно бороться с буржуазным национализмом, если нация никогда не имела собственной буржуазии!

В 1917 году все главные политические лидеры были настолько проникнуты идеями "безбуржуазности", что даже и не пытались организовать партию из представителей украинской буржуазии. В то время было невозможно быть известным политиком, в то же время не называя себя социалистом. Иначе и быть не могло, так как представители так называемых эксплуатируемых классов на Украине не были по национальности украинцами. Украинский народ значило

украинское крестьянство, а с каким классом могли бы крестьяне сотрудничать, как не с рабочим? Поэтому мысль, высказанная Лениным, в работе "Государство и революция" (автономные общины трудящихся, независимые от влияния извне) казалась идеальной для крестьянских масс, естественные интересы которых и заключались в независимости от внешнего влияния. К сожалению, сходство между ленинским режимом и его утверждениями в "Государстве и революции" было чисто случайным.

В 1921 году 10-й съезд РКП(б) одобрил новую экономическую политику, которая означала конец продразверстке и давала некоторую самостоятельность крестьянам. В то же самое время было декларировано равенство всех языков в Советских республиках. НЭП смог устранить большую часть социального недовольства сельского населения Украины большевиками, но формальное уравнивание в правах местных языков с русским не удовлетворило украинцев. Так называемый бандитизм не исчез на Украине, и у большевиков оставался только один путь к укреплению советского режима – убедить население, что советское правительство было в какой-то степени их собственным. Именно по этой причине 12 съезд РКП(б) принял политику "коренизации", в соответствии с которой следовало на всей территории вне собственно русских областей "пустить корни" в местную почву, развивая национальные языки и культуру. По этой программе, вызвавшей неудовольствие местных коммунистов и государственных служащих, требовалось изучать местные языки и обычаи, увеличивать численность нерусских элементов в партии и госаппарате на местах и в столицах республик и областей, короче заменить старую политику руссификации новой политикой: деруссификации, белоруссизации татаризации, иудизации и т.д. На этом новом пути наибольшие трудности для Москвы возникали в связи с политикой украинизации.

Неприятности возникали потому, что украинцы, включая и украинских коммунистов, воспринимали этот курс необычайно серьезно и пытались вести себя так, как будто Украина действительно была независимым государством. Равич-Черкасский обращался и к правительству, когда критиковал русских коммунистов за несерьезное отношение к новой политике:

”До настоящего времени не только русская буржуазная интеллигенция, но и некоторые коммунисты распространяют взгляды, которые немногим отличаются от тех, что были по отношению к Украине у Германии. Многие члены РКП(б), находящиеся в плену у буржуазных ассимиляторских предрассудков, думают, что УССР, КП(б)У – маскарад, фикция, игра в независимость. В лучшем случае они допускают, что во время борьбы за власть на Украине против националистической Центральной Рады и Директории Коммунистической партии и советской власти необходимо было прикрыться стремлением к национальной независимости, теперь власть на Украине укрепилась и необходимость существования КП(б)У и УССР исчезла.

Мы считаем, что только люди, которые живут только настоящим днем, могут так рассуждать. Они не видят 20-миллионное украинское крестьянство, которое встанет в ряды городского пролетариата при развитии индустрии. Сегодня в украинских городах большинство руссифицировано. Но деревня – резерв, из которого украинские города будут пополнены. Массы украинского народа, которые устремятся к культурной жизни и творчеству масс в сфере экономического строительства, будут украинизировать Украину усиленными темпами.”²⁵

Тем временем даже в центре придерживались такого же мнения. Даже сам Сталин в 1923 году заявил:

”Украинский народ существует, и обязанность коммуниста развивать его культуру. Нельзя идти против истории. Очевидно, что если русский элемент до сих пор доминировал в городах, с течением времени эти города будут неизбежно украинизированы.”²⁶

Тогда никто бы не мог предположить, что через десять лет автор этих слов докажет, что имея необходимые силы, против истории идти можно.

Политика украинизации была сопряжена с риском, так как с исчезновением русифицированного пролетариата, служившего главной опорой режиму, могло приветси к укреплению украинской независимости. В надежде участвовать в развитии национальной культуры из эмиграции вернулись многие украинские социалисты, среди них бывший Главнокомандующий вооруженными силами Петлюры Юрко Тютюнник, Президент Центральной рады Михайло Грушевский. Советская пресса называла это движение "украинским сменовеховством" и представляло его как аналог политики Устрялова.

Высшей точкой этого медового месяца между режимом и национальной интеллигенцией был май 1924 года, когда 66 выдающихся украинских деятелей, включая нескольких бывших министров украинских правительств, направили обращение 7 съезду КП(б)У. Декларация 66 отмечала, что украинцы — нация трудящихся, естественным союзником которой является пролетариат. Только русификаторская политика первых советских правительств на Украине нарушила этот союз. Теперь, когда большевики поняли прежнюю ошибку и приняли политику украинизации, украинцы готовы совместно с ними участвовать в строительстве рабоче-крестьянского государства.²⁷ Те, кто подписал эту декларацию, понимали ее как договор между украинским народом, представленным его лидерами, и советской властью. Время было отнюдь не идеальным. Последний вершитель политических вопросов на Украине сидел в Москве. Многие писатели не могли печататься из-за цензуры, первые выпады марксистско-ленинских "новых людей" против украинских ученых предвещали ненастье в будущем. Однако по сравнению с национальным угнетением во времена самодержавия и сталинским террором в будущем, этот период кажется почти золотым временем. В эти годы

наблюдался бурный расцвет украинской культуры и научной жизни. Впоследствии они получили название — "расстрелянное возрождение", так как были оборваны начавшимися репрессиями.²⁸

Надежды на подлинную украинизацию разделяла и часть партии во главе с такими коммунистами, как Александр Шумский, Николай Хвилевой, Михаил Волобуев. Они требовали большей независимости для Украины, чем Москва могла разрешить, что вызывало глубокий кризис режима. В 1925 году бывший боротьбист и тогдашний наркомпрос УССР Шумский, глава делегации коммунистов Западной Украины на встрече со Сталиным, требовал снятия Л. Кагановича, недавно назначенного Первым секретарем КП(б)У и проводившего интенсивную украинизацию, как не украинца. Сталин ответил только, что не считает это целесообразным.²⁹

В то же время писатель Хвилевой выступил с призывами к украинской интеллигенции: интенсифицировать национальную жизнь, освободить культуру от русского господства, вернуться к европейским образцам, утерянным Украиной в ее колониальном прошлом. Он призывал украинцев возглавить "Азиатский ренессанс" освобождающихся колониальных народов, передавая им достижения европейской культуры, он считал, что Украина, благодаря своему колониальному прошлому и статусу европейской державы может сделать это наилучшим образом.³⁰

Сталин вмешался в дискуссию Шумского и Хвилевого с письмом к Кагановичу и другим членам ЦК КП(б)У в апреле 1926 года. В это время оформился оппозиционный блок Зиновьева и Троцкого и, возможно, сталинское письмо было вызвано стремлением получить поддержку со стороны КП(б)У, преимущественно русской в то время. Во всяком случае Сталин обвинил Шумского в замазывании "темных сторон" украинизации. Их, по мнению Сталина, представлял Хвилевой, насаждавший антирусские шовинистические настроения, не встречавшие должного отпора у

коммунистов, и угрожавшие как разрывом Украины с Россией, так и достижениям русской культуры и ее "высокому выражению" – ленинизму. Сталин утверждал, что слишком быстрые темпы украинизации, которых добивается Шумский, ущемляют права русских рабочих на Украине и отчуждают их от власти.³¹

Престиж сталинских слов изолировал Шумского среди лидеров КП(б)У. Но большинство членов ЦК КПЗУ (Коммунистическая партия Западной Украины была тогда автономной частью компартии Польши) поддерживала Шумского. Разрыв в КПЗУ наступил, когда они обратились с просьбой о рассмотрении их вопроса в Коминтерн. Однако их позиция была осуждена, и Шумский был переведен на работу в Россию. Хвилевой проявил себя в это время как мастер приспособленчества. Он полностью признал ошибки, обещал никогда больше их не повторять и вернулся тут же к проведению прежней политики, но более искусственным образом. Однако в 30-х годах жестокое запрещение интеллектуальной жизни окончательно подрезало ему крылья, и в 1933 году он покончил с собой, протестуя против голода, созданного режимом в деревне.³²

Михаил Волобуев – третий национальный уклонист, осужденный в 20-х, не был так известен, как Шумский или Хвилевой. Он был всего лишь малоизвестный учитель в партийной школе, опубликовавший только одну короткую статью. В 1928 году он напечатал в журнале "Большевик Украины" большую (в двух частях) статью "О проблемах украинской экономики". В этой работе, опираясь на множество фактов, он показал, что проблемы украинской экономики игнорируются общесоюзными органами управления и что страна эксплуатируется не меньше, чем это было при старом режиме. По Волобуеву, для СССР было бы более полезно, если бы его составные части имели более высокую экономическую независимость. Эта точка зрения была отброшена, как "экономическая платформа национализма".³³

Советская Украина при Николае Скрыпнике

Среди старых большевиков было немного украинцев: Григорий Петровский, Дмитрий Мануильский, Влась Чубарь, Владимир Затонский и Николай Скрыпник. Скрыпник вступил в Российскую Социал-демократическую партию в начале века, перед ее разделением на большевиков и меньшевиков. После разрыва он примкнул к ленинской фракции и всегда придерживался ее позиции. Его карьера типична для профессионального революционера. Поездки по стране с ленинскими поручениями, аресты, бегство из Сибири и даже недолгая эмигрантская жизнь в Европе. Он всеми силами содействовал победе Ленина, занимая пост Реввоенкома Петроградского совета, а затем был послан на Украину, как ленинский персональный представитель. Короткий период накануне немецкой оккупации он возглавлял правительство Советской Украины и был автором решений Таганрогской партийной конференции, на которой возникла КП(б)У. В 1920 году он стал сторонником новой национальной политики, которая позднее получила название украинизации. В дискуссии при создании СССР и после нее он был одним из главных защитников прав Союзных республик.

Когда Шумский атаковал Кагановича, Скрыпник защищал советскую официальную политику и в 1927 году его лояльность была вознаграждена постом Народного Комиссара Просвещения Украины (Укр. Наркомпроса). Московские ставленники приходили и уходили, а Скрыпник оставался на Украине и постепенно стал первой фигурой в политической иерархии республики. Когда Кагановича на посту Первого секретаря КП(б)У заменил Станислав Коссиор, положение Скрыпника стало особенно очевидным. Он был сильнейшим из "сатрапов", руководивших разными административными областями Советского Союза в 20-х годах — бесспорным хозяином Советской Украины.

Снятие Кагановича явилось прямым следствием политики украинизации. Если в 1926 году во время борьбы с объединенной оппозицией Сталин нуждался в поддержке русских коммунистов Украины, то в 1928 году, выступая против Бухарина, он стремился заручиться помощью украинцев. Политика украинизации усилила украинские компоненты внутри партии настолько, что вместо обвинений в национальном уклоне, Сталин предпочел подкупить Скрыпника снятием Кагановича.³⁵

Скрыпник претендовал и на теоретическую разработку национального вопроса в стенах Украинского института Марксизма-Ленинизма. Он считал, что Украина — лучшая лаборатория для изучения вопроса, так как эта бывшая колония стала Советской республикой с собственными национальными меньшинствами, права которых нуждались в защите. Возможно, Сталину были и не очень приятны теоретические претензии Скрыпника, так как он сам считался ведущим теоретиком национального вопроса.

Назначение Скрыпника Наркомпросом позволило ему интенсифицировать программу украинизации в образовании, культуре, науке.

С уходом Кагановича позиция Скрыпника оказалась почти совсем независимой от центра (отчасти она похожа на положение Гомулки в конце 50-х годов). И Скрыпник без колебаний использовал свое положение для ускорения украинизации.

Проводимая политика сделала Скрыпника популярной фигурой среди украинцев. С помощью своего авторитета он воздействовал на правительство и ему удавалось довольно много добиться. Он отстаивал право украинской культуры на самостоятельное развитие. Например, он возражал тем, кто нападал на Хвилевого за его старые работы, и выступал против тех, кто не считал эпическую поэму древней Руси "Слово о полку Игоревом" частью украинской литературы.

Скрышник проводил украинизацию так быстро, как это не было возможно раньше. Многочисленные заводские и городские газеты, публиковавшиеся по-русски, начали быстро переводиться на украинский. Даже главная газета Одессы, которая никогда не была украинским городом, начала выходить на украинском языке. Служащие учреждений, не знавшие украинского языка, должны были его выучить, иначе им грозило увольнение с работы. Университетские лекции, которые раньше были на русском теперь читались на украинском, и оказалось невозможным получить высшее образование на Украине, не зная украинского языка.

Тем, кто отстаивал права русских на Украине Скрышник говорил, что их положение много лучше, чем положение украинцев в России. 3 миллиона украинцев на Северном Кавказе имели только 240 школ с преподаванием на родном языке, а 2 миллиона русских на Украине имели 1771 школу на русском.³⁶ И, конечно, высшее образование в России также невозможно было получить, пользуясь украинским языком. Скрышник громко жаловался на недостатки национальной политики в русских областях, населенных украинцами, и стремился обеспечить фактический культурный протекторат над ними, утверждая при этом, что только посылает школьных учителей и учебники.³⁷ Он зашел столь далеко, что утверждал, что неудачная политика России по отношению к живущему в ней украинскому населению, позволяет "фашистам" Западной Украины дискредитировать Советскую власть в глазах украинских масс, и что только присоединение смежных областей с украинским большинством к территории Украины может решить проблему.³⁸ Вряд ли Сталин одобрял такие территориальные претензии одного из своих подчиненных.

Византийские интриги, предвещавшие будущие грозы, можно было усмотреть в неожиданной атаке на одного из сотрудников Скрышника, Матвея Яворского, считавшегося "сторожевым псом" украинской

историографии. Яворский был атакован секретарем русской секции историков-марксистов Павлом Гориным на Всесоюзной конференции марксистских историков.³⁹ Чуть позже "Правда" опубликовала рецензию, в которой Горин энергично нападал на книгу Яворского "Краткий учебник по истории Украины", в заключение рецензии говорилось, что вызывает недоумение позиция украинского Наркомпроса, разрешившего опубликование столь ошибочной книги.⁴⁰ На страницах русских и украинских исторических журналов замелькал термин "яворщина", под которым фактически понимали попытку продемонстрировать независимость истории Украины от истории России. "Основная ошибка товарища Яворского, — писал один из критиков, — состоит в том, что историю Украины он считает особым самостоятельным процессом".⁴¹ Политическая подоплека таких утверждений заключалась в том, что если Украина не имеет самостоятельной истории, то она не является независимой страной и не должна рассматриваться как таковая. Это была замаскированная атака на Скрыпника и всю его политику. Яворскому вспомнили, что он был жандармом в австрийской армии, и за это он был в 1930 году исключен из партии. В 1933 году во время постышевского террора он был арестован и закончил свои дни в Гулаге. Последние сообщения о нем поступили с Соловецких островов, на которых он с горечью вспоминал свое большевистское прошлое.⁴²

Атака на независимость украинского культурного развития стала частью так называемой культурной революции (1928-1932). Однако, если в России нападению подвергалась так называемая "буржуазная интеллигенция", то на Украине в первую очередь были атакованы украинские коммунисты, обвинявшиеся в отклонениях от марксизма. Яворский был первой жертвой культурной революции на Украине, в то время как Микола Грушевский, лидер традиционной украинской исторической школы, продолжал свою деятельность до 1931 года. Вскоре вслед за Яворским

произошло падение другого помощника Скрыпника – философа Владимира Юринца, однако украинская "буржуазная" интеллигенция не преследовалась еще в такой мере, как после падения Скрыпника.

Скрыпнику было бы исключительно трудно пытаться защитить от нападков Всеукраинскую Академию наук, основанную в 1918 г., в которую входило немало известных бывших членов правительства Украинской Народной республики, а также Украинскую Автокефальную православную церковь, отделившуюся от русской во время революции. Они были удобной жертвой для тех, кто стремился к ослаблению Скрыпника, атакой украинских национальных институтов. Более того, Скрыпник, вовлеченный в лингвистическую дискуссию, закончившуюся принятием стандартной орфографии в 1928 году, высказывался в пользу очищения украинского языка от иностранных влияний и даже считал правильным использование латинских букв для передачи некоторых трудно воспроизводимых звуков украинского языка.⁴³

В ноябре 1929 года ГПУ "раскрыло" конспиративную организацию, так называемый Союз освобождения Украины (СВУ) и арестовала целый ряд известных ученых, академиков.⁴⁴ 22 декабря 1929 года Украинскую Автокефальную православную церковь привлекли к делу СВУ, и она была вынуждена объявить о самоликвидации с января 1930 года. В резолюции, принятой на так называемом "ликвидационном Соборе" провозглашалось отречение не только от религиозных принципов, но фактически и от независимости Украинского государства. Однако официальные критики утверждали, что само слово автокефальность "стало символом петлюровской независимости", а об украинизации церкви говорилось, как о способе разжигания национальной вражды.⁴⁵

Не нужно было большого воображения, чтобы перевести эти обвинения из абстрактных в конкретные. По сведениям ГПУ заговор СВУ во главе с бывшим лидером Украинской партии социалистов-федералистов,

академиком истории украинской литературы и постоянным критиком советского режима Сергеем Ефремовым и бывшим главой Автокефальной церкви Владимиром Чеховским возник в 1926 году. Однако в существование такой большой конспиративной организации, неизвестной ОГПУ, имевшему повсюду своих осведомителей, трудно поверить. СВУ обвинялось в том, что оно подготавливало уничтожение некоторых советских лидеров и среди них Скрыпника. Оно также якобы стремилось к реставрации капитализма, установлению фашизма, достижению независимости Украины с помощью иностранных государств и вооруженного восстания. По этим сведениям СВУ опиралось на кулаков и буржуазию, особенно на так называемую "кулацкую интеллигенцию" в селах и школах. Подобные обвинения были довольно типичными на процессах, инспирируемых в стране в последующие годы. Заговорщики организовали ячейки во Всеукраинской Академии наук и Автокефальной церкви. Наиболее серьезным политическим обвинением, выдвигаемым против них, была так называемая "диверсия на культурном фронте", заключающаяся в попытке отделить украинскую культуру от русской. По этому процессу было арестовано так много академиков, что некоторые институты Академии наук пришлось закрыть, например, все институты лингвистики, в которых предпринималась попытка как можно более удалить украинский язык от русского.

Короче, был уничтожен цвет украинской национальной интеллигенции, и развитие украинской культуры объявилось вредительством со стороны классового врага. Через три года было установлено, что сам Скрыпник также являлся одним из вредителей, хотя сущность этой его деятельности было нелегко назвать просто вредительством.⁴⁶

Скрыпник смог защититься от обвинений в соучастии в деятельности СВУ, выступив против этой организации в печати, но он не указывал, в чем конкретно вредительство состояло, особенно в близкой к сфере его интересов области лингвистики.⁴⁷

В это время Сталин предпринял некоторый маневр. Сигналом к нему послужила известная статья "Головокружение от успехов", обвинявшая местных руководителей в различных перегибах. Такое же отступление он предпринял в области национальной политики, критикуя на 16-ом съезде тех, кто утверждал, что слияние наций произойдет в стране в ближайшем будущем. Сталин заметил, что этого следует ждать очень не скоро.

Для союзных республик такое заявление означало возобновление политики коренизации, но передышка для Скрыпника оказалась очень непродолжительной.

В это время охота на национал-уклонистов в рядах КП(б)У временно прекратилась, но она продолжалась среди писателей и ученых. Одновременно были заметно ограничены основы политического влияния Скрыпника. Во-первых, была реорганизована система образования. Григорий Гринько, первый Наркомпрос Украины, создал систему образования в стране, заметно отличающуюся от системы, организованной Луначарским в России. Так называемая "система Гринько" была ликвидирована в конце 20-х годов, когда она уступила место единой общесоюзной организации. Скрыпник поддерживал эту реорганизацию, однако он возражал против централизации руководства образованием.⁴⁸ Тем не менее, постепенно это произошло.⁴⁹

Во-вторых, Украинский институт Марксизма-Ленинизма был в 1931 году обвинен в национальном уклоне и превращен во Всеукраинскую ассоциацию марксистско-ленинских институтов во главе с Шлихтером.⁵⁰

В-третьих, оказалось, что Скрыпник утратил поддержку местных партийных руководителей. С начала 1931 по середину 1932 г. были заменены 80% районных секретарей партии.⁵¹ Мы почти ничего не знаем об этих людях и об их перемещениях. Вероятно, многие потеряли посты в наказание за сопротивление распоряжениям центрального руководства во время ускоренной коллективизации и хлебозаготовок. Новые люди,

очевидно были преданы Сталину и не поддерживали Скрыпника, пытавшегося как-то смягчить наиболее жестокие аспекты коллективизации.

Коллективизация и голод 1933 года сыграли определенную роль в падении Скрыпника. О них будет рассказано в дальнейшем, а здесь следует отметить, что Москва считала работу КП(б)У во время коллективизации недостаточно энергичной. В январе 1933 года на пост 2-го секретаря КП(б)У Сталин назначил Павла Постышева, бывшего секретаря Харьковского обкома, проработавшего после этого несколько лет в Москве. Официально подчиняясь Коссиору, Постышев был, однако, фактическим диктатором и развернул активную борьбу с безымянным (первоначально) "буржуазно-националистическим" уклоном, довольно похожую на аналогичные кампании, проводившиеся в России.

1-го марта 1933 года "Известия" (украинская газета) объявили состав нового правительства. Скрыпник назначался главой украинского Госплана, а Затонский Наркомпросом Украины. А 10-го июня Постышев обвинил Скрыпника в укрывании националистических элементов и саботаже хлебозаготовок. Против Скрыпника выдвигались также и специфические обвинения. Например, он внедрил в украинский алфавит букву Г, что по словам Постышева, было на руку польским панам и отдаляло Украину от России.⁵² (Букву пытались вновь восстановить в середине 60-х годов, но это не удалось, видимо из-за падения Шелеста).

Вскоре бывший боротьбист Андрей Хвили сделал доклад о Скрыпниковском уклоне в лингвистике. Он объявлял всю борьбу за чистоту украинского языка вредительством, обвинял Скрыпника во внедрении новой орфографии 1928 года, и даже вспомнил о старом предложении Скрыпника использовать в некоторых случаях в украинском языке две латинские буквы. Он писал, что "товарищ Скрыпник не мог не знать, что это приведет к большей изоляции украинского языка от русского и сближению его с польским". Он

объявил, что руководители и коммунисты Наркомпроса будут освобождать орфографию от контрреволюционного мусора, внесенного в нее вредителями и предоставят новую очищенную орфографию в течение ближайшего месяца.⁵³

В периодической печати появилась также статья Хвили, в которой Скрыпник обвинялся в "лингвистическом сепаратизме в кулацко-петлюровском духе", сопоставимом с деятельностью СВУ.⁵⁴ Другие члены руководства КП(б)У выступили против Скрыпника, обвиняя его в разных уклонах. Панас Любченко, например, не только обвинил Скрыпника "в кулацком национализме", во вредительстве и сотрудничестве с СВУ, но и в ошибках историка Матвея Яворского.⁵⁵ Скрыпник, лишившийся всех иллюзий, осознав безнадежность своего положения, покончил с собой 6-го июля 1933 года.

Коллективизация сельского хозяйства и голод 1933 года

Несмотря на прогресс политики украинизации, подавляющее большинство украинцев оставалось крестьянами. Для этих людей НЭП и украинизация были двумя сторонами одной медали, и нетрудно увидеть, что и та и другая политика опиралась на Украине на ту же самую социальную силу – украинское крестьянство. И наоборот, без НЭПа украинизация потеряла политическую основу. Она не могла помочь объяснить крестьянам необходимость отнятия у них государством земли и объединения их в колхозы.

В течение 20-х годов официальная пресса постоянно утверждала, что главная задача партии на Украине – связь с крестьянством и особенно с сельской интеллигенцией.⁵⁶

Такая политика лишь отчасти снимала противоречия. Контакты с властями, даже самые безобидные, как например у сельских корреспондентов, вызывали настороженность и враждебность окружающих селян. Об этом открыто говорил Затонский на конференции селькоров в 1926 году.⁵⁷

О том, что большевики не чувствовали себя спокойно в украинской деревне свидетельствует сохранение комнеземов (комитетов незаможных крестьян) до 1933 года, в то время как их русские аналоги комбеды прекратили существование в 1920 году. Было только одно небольшое различие между комбедами и комнеземами: в последние, наряду с бедняками, входили в небольшом количестве (не свыше 15-20% состава) беднейшие середняки. Первоначально эти объединения имели во многих местах административную власть, так что государство обходилось даже без сельских Советов. В 1925 году была проведена реорганизация и административные функции были у камнеземов изъяты.⁵⁸

Опорой режима служила также секретная полиция с уполномоченными ГПУ в каждом районе и секретной сетью осведомителей.⁵⁹ Приведем несколько характерных секретных распоряжений одного из окружных отделов ГПУ:

"... Днями мы откомандируем в каждый район округа Райрезидента ОГПУ.

Поскольку наши райрезиденты не будут находиться на положении официальных сотрудников ОГПУ, а поэтому мы просим Вас лично создать необходимые условия для их конспиративной работы. Окроотдел считает, что для полноты строгой конспирации и успешности в работе, райрезидент должен получить для видимости (без оплаты) какую-либо работу в подведомственных вам учреждениях района (пом. страхового агента, пом. статистика-энтомолога райисполкома и т.д.). Во всяком случае, резидент должен быть обеспечен такой работой, которая позволяла бы ему разъезжать по району...

Совершенно Секретно
29 июль м-ц 1923 года".

”Работа по организации осведомительной сети в районах нашего округа проходит совершенно плохо, а местами даже из рук вон плохо. О каких-либо объективных причинах такого положения речи быть не может. Наши райрезиденты, как видно со всего, занимаются в районах чем угодно, только не тем, чем им следовало бы в первую очередь заняться. Окротдел ОГПУ в категорической форме и в последний раз напоминает вам, что первоочередным вопросом в вашей работе сегодня, должен быть поставлен вопрос об окончании работы, связанной с организацией агентурной сети Окротдела. Предельным сроком для окончания этой важной работы мы устанавливаем для вас 1-ое октября 1923 года.

*Совершенно – Секретно
шифровано код – ”Поселенец”.*

Август месяц 1923 года.

”ОГПУ УССР обратило внимание окротделов на все возрастающее влияние среди украинского населения т. наз. Украинской автокефальной церкви, возглавляемой Киевским митрополитом Василием Липковским...

... Усматривая в деятельности этой церкви особое опасное значение для Сов. власти ОГПУ-УССР потребовало от окротделов:

... Увеличения числа секретных осведомителей из числа верующих и привлечения для агентурной работы в ГПУ самих священников.

Сов. Секретно

Шифровано код ”Интернационал”⁶⁰

Октябрь месяц 1924 года”.

Осведомители помогали властям распознавать врагов действительных и потенциальных, и это делало позицию режима значительно более сильной, чем в начале 20-х годов, когда большевики противостояли деревне, как иностранцы, не знающие, кто есть кто. В любой момент, когда партия захотела бы взять курс на завершение работы, начатой Гражданской войной, у ГПУ все было бы подготовлено.

Политика "ликвидации кулачества как класса" и форсированной коллективизации была объявлена Сталиным 27 декабря 1929 года и была утверждена ЦК в резолюциях от 5 и 30 января 1930 года.⁶¹ Как это решение сказалось на Украине? Рабочие и служащие, мобилизованные партией как двадцатитысячники были посланы в села для проведения коллективизации и наделены при этом абсолютной полнотой власти. В деревне с помощью угроз эти новые властители пытались заставить крестьян вступить в колхозы и участвовать в уничтожении кулаков. Эти чужие для села люди спокойно проводили реквизицию имущества и выбрасывали на улицу в снег мужчин, женщин и детей. Раскулаченные не могли рассчитывать на поддержку соседей и родственников, которым угрожало за помощь кулакам такое же наказание. Местные церкви были закрыты, а священники, как и сельские учителя, если им не доверяли, арестовывались или спасались бегством из села.⁶²

Раскулачивание обозначало обезглавливание села, устранение лучших, активнейших крестьянских вожаков, людей, которые могли бы возглавить сопротивление.

Политика коллективизации на Украине проводилась более энергично, чем в России. На это указывают цифры роста числа коллективизированных хозяйств в %:

Дата	Украина	Россия
конец 1929	8.6	7.4
начало 1930	65	59
середина 1932	10	59.3

Эта тенденция продолжалась и в дальнейшем, и к 1935 году на Украине было коллективизировано 91.3% всех крестьянских хозяйств, в то время как в России близкая цифра (90%) была достигнута только в конце 1937 года.⁶³

Высокий темп коллективизации на Украине лишь частично вызывался стремлением властей решить в первую очередь зерновую проблему. Коллективизация на Украине имела и вторую, специфическую задачу, как писала "Пролетарская правда" от 22 января 1930 года: "Уничтожить социальную основу национализма – индивидуальное крестьянское хозяйство." Крестьяне отвечали сопротивлением. Это следует даже из советских источников. А.Ф. Шмыга отмечает, что число "зарегистрированных террористических актов" (говоря о них режим пытался возбудить среди крестьян ненависть к кулакам) выросло в четыре раза с 1927 по 1929 год и составило в 1929 году на Украине 1262.⁶⁵ Уже в течение первой половины 1930 года эта цифра была перекрыта – 1500.⁶⁶ Работавшие в это время в деревне вспоминают, что коммунистов нередко находили зарезанными, и порой их открытые раны были засыпаны колосьями пшеницы.⁶⁷

Во многих случаях крестьянки (вероятно, потому, что считалось, что женщин реже арестовывают, чем мужчин) избивали руководителей колхозов и делили собранное имущество обратно. Эти выступления получили названия "бабских бунтов".⁶⁸

Хотя идеологи режима утверждали, что коллективизация это переход от малопроизводительных мелких хозяйств к высокопродуктивным общественным колхозным хозяйствам, на практике она означала перевод в одно место инвентаря, скота и зерна, которые назывались с этого времени социалистической собственностью. Никакого роста от этого не происходило. Главным преимуществом был, однако, полный контроль властей над всей продукцией земледелия, так как государству гораздо легче взять нужное количество от собранного в одном месте, чем искать в каждом отдельном крестьянском дворе. Поэтому продукция падала, а заготовки росли. Хотя урожай 1932 г. в стране был несколько меньше, чем в 1927 году, заготовки государства выросли в 1.5-2 раза.⁶⁹

Экономическая депрессия, поразившая Запад в начале 30-х годов, снизила стоимость сельскохозяйственной продукции по сравнению с промышленными товарами, и Советский Союз, развитие которого зависело от ввоза промышленного оборудования, вынужден был увеличить экспорт сельскохозяйственной продукции для закупки тех же промышленных товаров. Возможно, именно это вызвало интенсивное наступление на крестьянство.⁷⁰

События в Казахстане в 1930 году подсказали Сталину, каким способом можно добиться подчинения крестьян. Казахи-кочевники реагировали на создание колхозов массовым забоем скота. Вслед за этим вскоре насупил страшный голод среди населения. Перепись 1939 года показала, что численность казахов сократилась на 22% по сравнению с 1926 г.⁷¹ Сопротивление казахов было подавлено, а урок, что голод является мощным оружием, был использован на Украине в 1933 году.

Доля изымаемого на Украине зерна была выше, чем в целом по стране. Хотя Украина произвела в 1930 году только 27% зерна, заготовки на ней составили 38% всесоюзных хлебозаготовок. Хотя Москва и признавала, что украинское сельское хозяйство расстроено коллективизацией, республика должна была поставить в 2.3 раза больше зерна, чем в самые благополучные годы, предшествовавшие коллективизации. В 1930 году с Украины было взято 7.7 млн. тонн зерна – 33% от урожая, составившего 23 млн. тонн. В 1931 году поставки сохранились на том же уровне, хотя урожай, согласно официальным цифрам, был только 18.3 млн. тонн, а значит заготовки составили 42% урожая. Уже в это время наиболее ответственные политические руководители предупреждали о грозящей катастрофе.⁷²

В 1932 году урожай оказался на одну треть меньше, чем в 1930, но все же он был несколько выше, чем в самый плохой год периода НЭПа (1928), когда голода не возникло.⁷³ В начале года передовицы

утверждали, что Украине необходимо наверстать отставание в поставках зерна, и местные руководители старались этого добиться.⁷⁴ Продолжались также настойчивые атаки на "опортунистов" среди местных руководителей, которые "не хотят разглядеть спрятавшихся кулаков", и создавалось впечатление, что не было существенной разницы в отношении между теми, кто немного недовыполнил поставки и теми, кто не выполнил их вообще.⁷⁵

Поставки трудно было выполнить еще и потому, что они трижды увеличивались.⁷⁶ Более страшных драконовских мер против крестьян предпринять было просто невозможно. 7 августа 1932 года было принято всесоюзное постановление об охране социалистической собственности. В соответствии с этим решением, каждый, кто подобрал колосок пшеницы или сахарную свеклу, объявлялся врагом народа и подвергался наказанию безо всякого снисхождения, не меньше, чем заключению на десять лет с полной конфискацией имущества. Во второй части постановления предусматривалось наказание сроком от 5 до 10 лет концентрационных лагерей лиц, которые пытаются уговорить других покинуть колхоз. В течение 1932 года 20% всех судебных дел было связано с этим постановлением. Сталин назвал этот закон "основой революционного законодательства настоящего времени".⁷⁷

На Украине в постановлении от 6 декабря 1932 года говорилось о шести деревнях, сорвавших план поставок зерна. Черный список, впервые введенный этим постановлением, вскоре стал использоваться повсеместно. Это означало полную экономическую блокаду деревень, не выполнивших полностью поставки. Она предусматривала немедленное закрытие государственных и кооперативных магазинов, отправку их товаров из села, запрещение всякой торговли в деревне, включая продажу обычных потребительских товаров и продовольствия, колхозом, колхозниками или индивидуальными хозяевами; полное прекращение кредитов и авансов; тщательную чистку колхоза и государственного аппарата на селе; очистку колхоза от

всех "чуждых элементов", "злоумышленников", расхитителей зерна, что в то время практически означало голодную смерть.⁷⁸ Те, кто выжил во время голода, свидетельствуют, что урожай 1932 года не был слишком плохим, более вероятно он был средним. Когда первая заготовительная компания проводилась в августе, подавляющее большинство крестьян во многих областях выполнило норму.

В октябре началась новая заготовительная компания и наложены новые поставки, равные половине предыдущих. Специальные "буксирные бригады" разъезжали с места на место, изымая у крестьян все, что они могли найти. В начале 1933 года был объявлен третий план государственных поставок и все, что осталось в два предыдущие раза было отобрано в эту компанию. Ни пищи, ни семян в деревнях не осталось.⁷⁹

Имеется так много трагических рассказов людей, переживших то страшное время на Украине, что просто невозможно привести их в этой статье. В некоторых районах люди начали пухнуть от голода уже весной 1932 года, но наиболее страшной оказалась зима 1932-1933 гг. Выжившие рассказывают о массовой гибели от голода, братских могилах, вымерших полностью деревнях, бездомных детях и взрослых, пробирающихся из деревень в города в поисках хоть какой-нибудь еды, о железнодорожных станциях, переполненных умирающими крестьянами, которые просят подаяния, лежа на земле, потому что они слишком слабы, чтобы стоять на ногах.⁸⁰ Многие голодающие пытались пробраться в русские области, где можно было достать хлеб. Иван Майстренко, бывший редактором газеты "Черноморська комуна" вспоминает о двух деревнях, расположенных на противоположных берегах реки, разделявшей Украину и РСФСР. Крестьяне с украинской стороны переплывали ночью через реку, для того, чтобы утром купить хлеб в русской деревне, так как это было возможно только на чужой стороне.⁸¹ Пытаясь локализовать голод в пределах Украины, ГПУ организовала контрольно-пропускные

пункты на границах РСФСР вдоль железных дорог, стремясь помешать проникновению голодающих в Россию и вывозу пищи в обратном направлении.⁸²

Одно свидетельство, не менее ценное, хотя и известное из вторых рук, приводится в мемуарах Хрущева:

”Микоян рассказал мне, что Демченко, который был первым секретарем областного комитета партии Киева, приехал к нему в Москву. Демченко спросил: ”Анастас Иванович, знает ли товарищ Сталин и другие члены Политбюро, что происходит на Украине. Если нет, я мог бы кое-что рассказать. Недавно в Киев пришел состав полный трупов людей, умерших от голода. Он подбирал трупы вдоль железной дороги на пути от Полтавы до Киева...”⁸³

Конечно, Сталин знал. В 1932 году Терехов, секретарь Центрального Комитета КП(б)У рассказал ему о голоде в Харьковской области, и Сталин обвинил его в клевете.⁸⁴ Позднее Раскольников и Якир обращались к Сталину по поводу голода на Украине и оба были отвергнуты.⁸⁵

По переписи 1939 года число украинцев в стране сократилось по сравнению с переписью 1926 года на 3.1 миллиона или 9.9%.⁸⁶ Причиной был голод. Если бы не было голода, несомненно бы наблюдалось заметное увеличение численности населения. Между переписями 1897 и 1926 годов, несмотря на демографические катастрофы Первой мировой войны, Гражданской войны, голода 1921 года – украинское население росло в среднем на 1.3% в год.⁸⁷ В 1958-59 гг. рост населения составлял 1.39%, а в 1969 году прирост украинцев уменьшился до 0.6%.⁸⁸ Официальные советские данные показывают довольно высокий темп естественного роста численности населения Украины перед коллективизацией: 2.4% в 1924 г., 2.15% в 1928 г. Даже в 1931 г. прирост составлял 1.45%.⁸⁹ А поскольку украинцы были сосредоточены главным образом в селах, где прирост населения выше, рост численности украинцев должен был превышать средние данные по республике.

Величина демографической катастрофы, понесенной украинцами, становится более понятной при сопоставлении темпов роста трех основных восточно-славянских народов и всего населения СССР в целом.

	население в 1926	в 1939	изменение в%
СССР	147 027 900	170 557 100	15.7
русские	77 791 100	99 591 500	28.0
белорусы	4 138 900	5 275 400	11.3
украинцы	31 195 000	28 111 000	-9.9 ⁹⁰

Сопоставление с белорусами важно в частности потому, что они находились под тем же самым гнетом русской ассимиляции, что и украинцы, но не пережили голода 1933 года. До голода численность украинцев росла более высокими темпами, чем белорусов. Предстоит в будущем определить потери от голода более точно, но приведенный пример позволяет утверждать, что оценка убыли 5-7 миллионов украинцев не является завышенной.⁹¹

Возможно также, что официальные советские данные не позволяют оценить потери населения достаточно полно. Советская перепись, проведенная в 1937 году, была ликвидирована до публикации результатов. Несомненно, это произошло потому, что перепись показала достаточно ясно величину потерь, понесенных советским населением. И совершенно не исключено, что организаторы переписи 1939 года предпочли несколько завысить полученные результаты, опасаясь разделить печальную судьбу демографов, проводивших перепись 1937 г. Еще более высокие оценки потерь приводят западные наблюдатели, опирающиеся на советские неофициальные источники. Так, Адам Гаваул, американец русского происхождения, знакомый со Скрыпником еще до революции, писал, что Скрыпник говорил ему о 8 миллионах погибших от голода на Украине и Северном Кавказе, а голод еще не кончился, когда Скрыпник покончил с собой.⁹² Другие советские

официальные лица называли ему цифры от 8 до 9 миллионов, погибших на Украине и Северном Кавказе и миллион или больше в других районах.⁹³ Вильям Хорсли Гент, британский психолог, работавший в тридцатые годы в лаборатории Павлова, пишет, что один советский деятель говорил ему, что не исключено, что погибло даже 15 миллионов человек.⁹⁴ Цифра десять миллионов приводится Сталиным, хотя он и не утверждал, что все они погибли. Вильям Черчилль приводит такой разговор со Сталиным:

”Скажите мне”, – спросил я, ”были ли невзгоды этой войны такими же тяжелыми для Вас, как потрясения периода коллективизации?” Этот вопрос сейчас же возбудил маршала.

”О, нет”, – сказал он, – ”политика коллективизации была ужасной борьбой”.

”Я думаю”, – сказал я, – ”что вы находите это столь трудным, потому что вы имели дело не с несколькими десятками тысяч аристократов и землевладельцев, а с миллионами простых людей”.

”С десятью миллионами”, – сказал он, поддерживая свою руку.⁹⁵

Но хотя подобные оценки и циркулировали среди советской элиты, из этого не следует, что она действительно имела полное представление о реальном размере потерь населения. Полная регистрация смертности в стране могла бы сделать такую оценку возможной, однако крестьяне, справедливо считая, что мертвые не боятся даже ГПУ, хоронили своих соседей и близких без всякой регистрации. Все, что мы можем сказать достаточно определенно, это то, что украинский народ потерял не меньше 10% своей численности, что напоминает страшные военные приговоры расстрела каждого десятого.

Голод как оружие национальной политики

Не приходится сомневаться, что все сельское население Советского союза пережило 1933 год с большим трудом. Но массовая смертность от голода была только на Украине, Северном Кавказе, включая Кубань и Поволжье. На Северном Кавказе было в то время больше трех миллионов украинцев, в 20-х годах там активно проводилась политика украинизации. Другая часть населения этой территории — казаки, считались активными противниками советской власти, так как поддерживали Каледина в 1917 году и служили базой для формирования Деникинской добровольческой армии. В Поволжье обитали многочисленные немецкие колонисты, активно сопротивлявшиеся коллективизации. По многочисленным данным представляется, что голод там был не таким сильным, как на Украине и Северном Кавказе. Можно заметить, что области, затронутые искусственным голодом, были населены жителями, представлявшими препятствие для сталинского плана создания политически однородной Российской империи. Территория, затронутая голодом, не полностью соответствует областям, поставляющим зерно, чего следовало бы ожидать, если бы вопрос коллективизации и хлебозаготовок мотивировался только экономическими причинами. Так не было голода в Центральном черноземном районе России, в то время как на Украине он охватил Волынь и Подолию, которые трудно отнести к основным зернопроизводящим областям.-

Некоторые русские эмигранты считают, что географическое распространение голода носило иные причины и было в достаточной степени случайным. Факт отсутствия голода в русских областях они объясняют тем, что население этой территории традиционно питается в значительной степени картошкой. Это правда, что картошка больше распространена в России, чем на

Украине. Она играет меньшую роль в рационе населения Восточной Украины по сравнению с Россией или Западной Украиной. И, возможно, это обстоятельство сказалось определенным образом. Но утверждение, что оно является главным фактором, представляется сомнительным, так как если бы действия режима вызывались только экономическими, а не национальными причинами, было бы разрешено ввозить на Украину такие недорогие продукты, как картошка, хотя бы с помощью мешочников. Однако контрольно-пропускные пункты были установлены по границе Украины и России, и продовольствие, которое пытались провезти на Украину, отбиралось. Хотя, вероятно, низкое потребление картофеля в Восточной Украине сыграло свою роль, это не исключает, однако, того факта, что русский коммунистический режим фактически поместил Украину в "черный список", чтобы проучить как следует украинских крестьян. Как сказал по этому поводу журналист Вильям Генри Чемберлин, они "дали урок жестоким методом голода".⁹⁶

Если мы спросим себя, какая национальная группа составляла наибольшую угрозу для нового централизованного и руссифицированного советского государства, которое создавал Сталин, мы придем к следующему выводу: украинцы, вторая после русских по численности населения национальность, осуществлявшая активную борьбу за национальную независимость, и создавшая при Скрыпнике с помощью политики украинизации некоторое подобие такой независимости; кубанские и донские казаки, служившие опорой Белой контрреволюции; немцы — приветствовавшие немецкую оккупацию Украины в 1918 году. Можно было ожидать, что эти национальные группы и в будущем окажутся в рядах активных противников режима. И именно территория, населенная этими национальностями, была охвачена голодом.

Довольно скоро после голода (в конце 1934 года) Сталин почувствовал себя достаточно уверенным, чтобы опереться на русские национальные элементы

своего государства. Тогда была запрещена, как антипатриотическая, школа истории М.Н. Покровского, служившая до того времени основным направлением для изучения истории в школе. Прежде, пока еще не были окончательно подавлены нерусские нации, было практически невозможно предписать местным руководителям производить налогообложение по национальному признаку. По этой причине на территориях, где проживали "неудобные" национальные группы, голод был создан с помощью преувеличенных норм поставок зерна.

На этих территориях проживали как русские, так и нерусские национальные группы, но в конце голода именно русские завозились на Украину для заселения опустевших деревень. Им давали специальные продовольственные пайки, чтобы они не вымерли вместе с местным населением.⁹¹

Можно найти немало официальных заявлений, связывающих воедино необходимость уничтожения украинского национализма, с задачами ликвидации трудностей в хлебозаготовках, что другими словами означало насаждение голода. Так, в 1933 году, например, утверждалось, что украинский национализм необходимо ликвидировать, потому что "национальные вредители" создают трудности в заготовках зерна, наоборот.⁹⁸ Довольно важная вещь, вытекающая из подобных официальных утверждений, заключается в том, что для большевиков эти два вопроса были связаны как курица и яйцо: они не имели оснований для того, чтобы отдать первенство тому или другому.

Еще в начале 1925 года Сталин писал: "Национальный вопрос есть по сути дела вопрос крестьянский".⁹⁹

При такой точке зрения, сокрушение крестьян было важнейшим условием окончательного решения национальной проблемы.

Что это было за решение? Для украинской нации оно заключалось в уничтожении ее как социального организма и политического фактора. Ее элита,

включавшая как национальных коммунистических руководителей, так и культурную и научную интеллигенцию, была уничтожена. Тем самым нация была обезглавлена. Украинизация закончилась и возродилась старая политика русификации. Украинская языковая среда и функционирование в государственном аппарате прекратились. Это означало новую русификацию городов и оттеснение украинского национального самосознания обратно в деревню, из которой оно появилось. Это означало подавление, угнетение и уничтожение. Коллективные хозяйства очень немногим отличались от крепостного права. Крестьяне были прикреплены к земле с помощью системы паспортов и прописки и отдавали большую часть продукции государству, которое в отношении них занимало примерно такие же позиции, как помещик по отношению к их дедам. Коллективизация была огромной трагедией для всех, кто ей подвергся, для русских в такой же степени, как и для украинцев. Но для украинцев это было особенно трагично еще и потому, что фактически была уничтожена их национальная независимая элита, что означало разрушение нации, превращение ее, как говорили немцы, в "Naturvolk".

Тем не менее, и сегодня есть некоторая надежда. Сталин сам нанес значительный удар своему "окончательному решению" украинского национального фолкса, когда в 1939 году с согласия Гитлера присоединил Западную Украину. После изгнания поляков из Западно-Украинских городов, они стали "украинскими", и сегодня, когда украинскую речь можно редко услышать на улицах Киева и Харькова, она повсеместно распространена во Львове или Тернополе. Во время хрущевской оттепели уничтоженная украинская литература опять, как и в 20-х годах, подняла голову. И в наше время русские диссиденты, как правило, относятся с пониманием и сочувствием к борьбе их украинских коллег. Но украинцев не устраивает положение провинциального младшего брата русских, независимо от того, находится "старший брат" в

Кремле или лагере. Русские должны прекратить считать Украину частью России и понять, что она никогда не будет русской провинцией, исключая военно-политическое подавление завоеванной территории. И это станет окончательно ясно, когда в будущем русские, поляки, украинцы и другие народы, живущие в созданной Сталиным системе, общими усилиями создадут новую Восточную Европу, под управлением свободы и надежды.

Примечания *

¹ Читателям, знакомым только с официальным советским взглядом, можно рекомендовать эссе украинского филолога М.Ю. Браичевского "Присоединение или воссоединение? Критические заметки по поводу одной концепции". Национальный вопрос в СССР. Сб. документов под редакцией Р. Купчинского. Мюнхен, 1975. Эта работа, написанная в 1966 году, чуть было не была опубликована, но в последний момент оказалась запрещена цензурой, после чего появилась в самиздате. Рассматриваемая в ней концепция присоединения Украины к России близка к взглядам советской историографии досталинского периода. См. например, М.Н. Покровский. Избранные произведения. М. 1965-1967, т. 1, стр. 456-517.

² Лучшая работа по этому вопросу – Федор Савченко. Заборона украинства 1876 р. Харьков-Киев, 1930. Переиздана в Мюнхене в 1970.

³ Николай Пореш, тогдашний лидер Украинской Социал-демократической рабочей партии; опубликовал ряд интересных статей по этим вопросам, используя результаты Первой русской переписи.

Микола Порш, Видносини України до інших районів Росії на робітничому ринку на основі першого вселюдського перепису," *Літературно-науковий вестник*, 1912, №2 и 3.

* По техническим причинам в украинских словах буква "і" заменена на "и".

- ⁴ М. Равич-Черкасский, *История Коммунистической Партии (б-ов) Украины* (Харьков: 1923), с. 3-5, 9-11, 165.
- ⁵ Peter Kenez, *Civil War in South Russia, 1919-1920* (Беркели: 1977), с. 151-160.
- ⁶ Франтишек Силницкий, *Национальная политика КПСС в период с 1917 по 1922 год* (Мюнхен: 1978), с. 33-41.
- ⁷ Существует переиздание этой работы по-русски и по-украински. Л. Рибалька. Российски социал-демократи и национальне питання. Мюнхень 1969.
- ⁹ Георг Лапчинський, "3 перших днів всеукраїнської радянської влади", *Летопись революции*, 1927 №5-6, с. 56.
- ¹⁰ Oliver H. Radkey, *The Election to the Russian Constituent Assembly* (Кембридж, Масс.: 1950), с. 29 и далее.
- ¹¹ 1917 год на киевщине. Хроника событий. Харьков. 1927, стр. 434-436, Равич-Черкасский, История КП(б)У, стр. 44-46.
Сталинская и послесталинская советская историография изображают харьковское охвостье съезда как Первый Всеукраинский съезд советов.
- ¹² Текст их декларации по национальному вопросу приведен в *Очерки по истории Октябрьской революции*. Тр. исторического семинара инст. Красной профессуры под ред. М.Н. Покровского. М.Л. 1927, т. 1, стр. 574-578.
- ¹³ В. Садовский, *Национальна политика Советив на Украины* (Варшава: 1937), с. 77.
- ¹⁴ *Будівництво Радянської України* (Харьков: 1927), т. 1, с. 11.
- ¹⁵ См. его доклад в Киевском Совете в книге: Павло Христюк, *Замітки і матеріали до історії української революції, 1917-1920 рр.* (Вена: 1921-1922), т. 4, с. 17.

- 16 А. Шлихтер, "Борьба за хлеб на Украине в 1919 году", *Летопис революции*, 1928 №2, стр. 135.
- 17 Равич-Черкасский, *История КП (б) У*, стр. 170.
- 18 "Противобольшевицьки повстання на Україні в 1921 (На основі офіційних большевицьких звідомлень і інших неопублікованих матеріалів сот. Н. П-та), " *Летопис Червоної калини*, т. 4: 6 и 9 (1932). О.О. Кутер, *Разгром збройної внутрішньої контрреволюції на Україні у 1921-1923 рр.* (Харьков: 1971), с. 18.
- 19 Микола Скрыпник, *Статті і промови з національного питання*, (Мюнхен: 1974), с. 11.
- 20 Его же, с. 18.
- 21 Сергей Мазлах и Василь Шахрай, *Дю хвили. Що діється на Україні і з Україною* (Мюнхен: 1974), с. 222.
- 22 Г. Лапчинский, "Гомельское совещание (воспоминания)", *Летопись революции*, 1926 №6, с. 39-44. Равич-Черкасский, *История КП (б) У*, с. 137-165.
- 23 Григорий Кострюк, *Володимир Винниченко та його доба* (Нью-Йорк: 1980), с. 210-225.
- 24 Iwan Majstrenko, *Vorotbism: A Chapter in the History of Ukrainian Communism* (Нью-Йорк: 1954), с. 206.
- 25 Равич-Черкасский, *История КП (б) У*, с. 5-6.
- 26 Его же, с. 181.
- 27 *Висти ВУЦВК*, 18 мая 1924, с. 3.
- 28 См. Юрий Лавриненко, *Разстріляне відродження. Антологія, 1917-1933.* (Париж: 1959).
- 29 Janusz Radziejowski, "Kwestiia narodowa w partii komunistycznej na Ukrainie radzieckiej," *Prze-glad historyczny*, LXII: 2 (1971), p. 492.
- 30 См.: George S.N. Luckyj, *Literary Politics in the Soviet Ukraine, 1917-1934* (Нью-Йорк: 1956).

- 31 **И. Сталин, Сочинения** (М.: 1946-1952), т. 8, с. 149-154.
- 32 Аркадий Любченко, "Його таємниця," *Наші дні*, т. 2: 5 (Май 1943), с. 4-5, 10-12.
- 33 М. Волобуев, "До проблеми української економіки" *Документи українського комунізму* (Нью-Йорк: 1962), с. 132-230. Всеволод Голубничий, "М. Волобуев, В. Доброгаев та їх опоненти," *Український збірник*, №5 (1956), с. 7-18.
- 34 Основные биографические работы о Скрипнике: Иван Кошелівець, *Микола Скрипник* (Мюнхень: 1972). Ю. Бабко и И. Билокобильський, *Микола Олексійович Скрипник* (Киев: 1967). *Шляхами заслани та боротьби (Документи до життєпису т. Скрипника)*. под. ред. М. Рубача (Харьков: 1932).
- 35 Edward Hallett Carr, *Foundations of a Planned Economy, 1926-1929* (Нью Йорк: 1969-1971), т. 2, с. 66.
- 36 Иван Кошелівець, *Микола Скрипник*, с. 161.
- 37 Микола Скрипник, *Статти й прошови* (Харьков: 1930-1939), 2, часть 2, с. 247.
- 38 Микола Скрипник, *Статти й промови з національного питання* (Мюнхень: 1947), с. 101-103.
- 39 Подробнее по вопросу "Яворщины", см. James E. Mace, "Politics and History in Soviet Ukraine, 1921-1933," *Nationalities Papers*, Fall 1982.
- 40 "Правда", 10 февраля 1929, с. 3.
- 41 "Историк-марксист," 12 (1929), с. 285.
- 42 С. Пидгайний, *Українська інтелігенція на Соловках (? : 1947)*, с. 58-67.
- 43 Микола Скрипник, "Підсумки правописної дискусії," *Вісти ВУЦВК*, 19 юня 1927, с. 3.
- 44 Григорий Костюк, "М. Зеров, П. Филипович, М. Драй-Хмара," *Українська літературна газета*, 4:1 (январь 1960), с. 8.

- 45 Bohdan R. Bociurkiw, "Ukrainization Movements Within the Russian Orthodox Church and the Ukrainian Autocephalous Orthodox Church," *Harvard Ukrainian Studies*, III/IV:1 (1979-1980), p. 111.
- 46 О процессе "СВУ" см. Гелий Снегирев, "Мама моя, мама...", *Континент*, №№11, 12, 13, 14, 15 (1977-1978). Обвинительный акт опубликован в газете *Висти ВУЦВК*, 28 февраля-9 марта 1930 года. О вредительстве в языкознании, см. *Висти ВУЦВК*, 11 марта 1930, с. 3.
- 47 См. Микола Скрипник, "Контр-революційне шкідництво на культурному фронті," *Червоний шлях*, 1930, №4, с. 141-142.
- 48 В.М. Даниленко, *Сотрудничество УССР и РСФСР в области образования и науки в период построения социализма* (Киев: 1981), с. 56.
- 49 *Культурне будівництво в Українській РСР. Важливіші рішення Комуністичної партії і Радянського уряду, 1917-1959* (Киев: 1959), 1, с. 411, 559-567, 593, 604.
- 50 Его же, 1, с. 543-544.
- 51 Мирослав Прокоп, *Україна і українська політика Москви* (Мюнхень: 1981), 1, с. 32.
- 52 *Висти ВУЦВК*, June 22, 1933, p. 1-2.
- 53 *Висти ВУЦВК*, June 30, 1933, p. 3.
- 54 А. Хвиля, "Викорини, знищити націоналістичне кориння на мовному фронті," *Більшовик України*, 1933 №7-8, с. 42-56. А. Хвиля, "На боротьбу з націоналізмом на мовному фронті," "За марксоло-ленінську критику," 1933 №7, с. 3-26.
- 55 *Висти ВУЦВК*, 6 юля 1933, с. 2, 4.
- 56 См., например, *Висти ВУЦВК*, 16 апреля 1924, с. 1 (передовая).
- 57 В. Затонський, *Лениновим шляхом (Промова на поширений нарад селькорів "Радянське село"* (Харьков: 1926), с. 21.

- 58 См. П.С. Загорський, П.К. Стоян, *Нариси історії комитетів незаможних селян* (Київ, 1960).
- 59 П. Лихо, "Советская власть на местах," *Український збірник*, кн. 8 (1957), с. 135-146.
- 60 P. Lutarewytch, "A Resistance Group of the Ukrainian Underground, 1920-1926," *Ukrainian Review*, No. 2 (1956), p. 90.
- 61 Очень много свидетельств очевидцев опубликовано в книгах: *The Black Deeds of the Kremlin: A White Book* в двух томах (Торонто-Детройт: 1953-1955). Олега Уорорау, *The Ninth Circle (Scenes from the Hunger Tragedy of Ukraine in 1933)* (Лондон: 1954). Дм. Соловии, *Стежками на голготу. Винищення в Україні мільйонів людей терором та штучним голодом в 1929-1933 роках* (Нью Йорк, Детройт, Скрантон: 1952). М. Вербицький, *Наибільший злочин Кремля. Створений советською Москвою штучний голод в Україні 1932-1933 р.* (Лондон: 1952). *Голод 1933 року в Україні. Свідчення провинищування Москвою українського селянства упорядкував* Юр. Семенко (Мюнхень, 1963).
- 62 Василь Гришко, *Москва сльозам не вирить. Трагедия України з перспективи 30 річчя (1933-1963)* (Нью Йорк, 1963), с. 22.
- 63 Его же, с. 21.
- 64 Процитировано в книге Федир Пигидо, *Україна під большевицькою окупацією* (Мюнхень, 1956), с. 107.
- 65 А.Ф. Чмыга, "15 съезд ВКП (б) о коллективизации сельского хозяйства и начало осуществления его решений на Украине," *Вестник Московского университета*, 1967, №6, с. 33. А.Ф. Чмыга, *Колхозное движение на Украине* (М: 1974), с. 302.
- 66 О.М. Крикуненко, *Боротьба Комунистичної партії за здійснення ленинського кооперативного плану* (Львов: 1970), с. 55.

- ⁶⁷ Victor Kravchenko. *I Chose Freedom: The Personal and Political Life of a Soviet Official* (Нью Йорк: 1946), с. 87.
- ⁶⁸ См., например, Ф. Правобережный, *8 000 000: 1933-7 рік на Україні* (Виннипег: 1951), с. 42.
- ⁶⁹ Naum Jasny, *The Socialized Agriculture of the USSR: Plans and Performance* (Стенфорд: 1949), с. 87.
- ⁷⁰ Эту стойку сделал В. Голуб, "Причины голоду 1932-1933 гг.," *Вперед: Украинський робітничий часопис*, 1958 №10, с. 6.
- ⁷¹ В.И. Козлов, *Национальности СССР (Этно-демографический обзор)* (М: 1915), с. 249.
- ⁷² В. Голуб, "Причины голоду 1932-1933 гг.," *Вперед*, 1958 №10, с. 6.
- ⁷³ И.Ф. Ганжа, И.И. Слинько, П.В. Шостак, "Украинское село на пути к социализму", в книге *Очерки истории коллективизации сельского хозяйства в союзных республиках* под ред. В.П. Данилова (М: 1963), с. 199.
- ⁷⁴ См., например, передовая в газете "Правда", 8 января 1932, с. 7.
- ⁷⁵ См., например, *Висти ВУЦВК*, 16 августа 1932, с. 1. Было тоже очень много статьи как это.
- ⁷⁶ Ганже, Слинько, Шостак, "Украинское село на пути к социализму," с. 203.
- ⁷⁷ Robert Conquest, *Agricultural Workers in the USSR* (Лондон, Сидни, Торонто: 1968), с. 24-25.
- ⁷⁸ *Висти ВУЦВК*, 8 декабря 1932, с. 1.
- ⁷⁹ Ф. Правобережный, *8 000 000*, с. 51-54.
- ⁸⁰ Кроме папках Гарвардского Проекта, см. работы цитированы в примечание 61. Западные журналисты свидетели голода 1933-го года Malcolm Muggeridge, *Winter in Moscow* (Бостон: 1934). Malcolm Muggeridge, *Chronicles of Wasted Time* (New York: 1973-1974), I, pp. 214-276. William Henry Chamberlin, *Russia's Iron Age* (Boston: 1934). Другие источники рассмотрены

в библиографических статьях: Dana Dalrymple, "The Soviet Famine of 1932-1934," *Soviet Studies*, XV: 3, p. 250-284; XVI: 3, p. 471-474 (1964-1965). Alexandra Pidhaina, "A Bibliography of the Great Famine in Ukraine, 1932-1934," *The New Review: A Journal of East European History*, XIII: 4 (1973), pp. 32-68. "Українська література про голод в 1932-1933 роках, Вільна Україна, № 18 (1958), с. 42-44.

81 И. Майстренко, "До 25-риччя голоду 1933 р.," *Вперед*, 1958 №7, с. 1-2.

82 Вербицкий, *Найбільший злочин Кремля*, с. 89-90. Leonid Plyushch, *History's Carnival: A dissident's Autobiography* (New York-London: 1977), p. 41.

83 N.S. Khrushchev, *Khrushchev Remembers* (Boston-Toronto: 1970), p. 73-74.

84 Roy Medvedev, *Let History Judge: The Origins and Consequences of Stalinism* (New York: 1972), p. 94.

85 Plyushch, *History's Carnival*, p. 40-41.

86 Козлов, *Национальности СССР*, с. 249.

87 Robert A. Lewis, Richard H. Howland, Ralph S. Clem, "The Growth and Redistribution of the Ukrainian Population of Russia and the USSR, 1897-1970," in *Ukraine in the Seventies*, Peter J. Potychnyj (Ockville, Ontario: 1975), p. 153.

88 В.И. Наулко, *Етичний склад населення Української РСР. Статистико-картографічне дослідження* (Київ: 1965), с. 85. В.И. Наулко, *Развитие межэтнических связей на Украине* (Київ: 1915), с. 67.

89 Наулко, *Етичний склад населення Української РСР*, с. 84.

90 Козлов, *Национальности СССР*, с. 249.

91 С. Максудов оценивает потери от коллективизации в СССР в 8 млн. человек. См. Максудов, "Потери населения СССР в 1931-38 гг.," *Внутренние противоречия*, №5.

- ⁹² Adam J. Tawdul, "10 000 000 Starved in Russia in Two Years, Soviet Admits," *The New York American*, August 19, 1935, pp. 1-2.
- ⁹³ Adam J. Tawdul, "Russia Warred on Own People," *The New York American*, August 19, 1935, p. 2.
- ⁹⁴ Dana J. Dalrymple, "The Soviet Famine of 1932-1934: Some Further References," *Soviet Studies*, XVI: 4 (1965), p. 471.
- ⁹⁵ Winston Churchill, *The Hinge of Fate* (Boston: 1950), p. 498.
- ⁹⁶ William Henry Chamberlin, *Ukraine: A Submerged Nation* (New York: 1944), p. 59.
- ⁹⁷ Oleha Woropay, *The Ninth Circle*, p. 58.
- ⁹⁸ Это ясно из доклада Постышева на ноябрьском (1933) пленуме. Хвиля и Любченко выступали летом 1933 года. P.P. Postyshev, "The Results of the Agricultural Year 1933 and the Immediate Tasks of the Communist Party of the Ukraine," in *Soviet Ukraine Today*, (New York: 1934), p. 11. *Виступи ВУЦВК*, 22 юня 1933, с. 2 и 30 юня 1933, с. 3.
- ⁹⁹ И. Сталин, Сочинения, т. 7, с. 72.

ИЗ ЖИЗНИ УКРАИНСКОЙ КАТОЛИЧЕСКОЙ ЦЕРКВИ

Украинская Католическая Церковь — одна из поместных церквей Вселенской Римско-Католической Церкви, итог многовековых экуменических начинаний Церкви украинского народа, которая никогда официально *не теряла и не порывала* единства со Святейшим Престолом после церковного раздора, наступившего в 1054 г. Однако в силу исторически сложившихся условий связь Украинской Церкви со Святейшим престолом ослабевала. Церковь на Украине претерпевала обеднение, оскудение, и, чтобы Церковь уберечь от полного упадка, а украинскому народу обеспечить действительно свободное исповедание изначальной веры — *католической* по существу, православной по терминологии, украинские владыки после долгих совещаний пришли к единому мнению: просить Святейший престол возобновить и юридически закрепить *единство* Украинской Церкви со Вселенской Церковью Христовой и повиноваться Ее Предстоятелю Наместнику Христа на земле Папе Римскому. Исторически это документировано на Брестском Соборе в 1596 г., который вошел в историю под названием "Брестская уния". С тех пор воссоединенная Украинская Католическая Церковь (которую нередко называют "униатской") терпит жестокие преследования в различной форме, начиная от неправильных информаций, фальсификаций, клеветы, вплоть до физической расправы, чтобы хоть в крови, но потопить ненавистную "Унию". Известны кровопролитные преследования на протяжении 1795-1875 гг., после которых на многих землях и следа не осталось от "Унии".

На территории Западной Украины, земли которой отошли с 1772 г. под власть Австрии и Австро-Венгрии,

Украинская Католическая Церковь получила условия к развитию, даже к процветанию. Население Западной Украины (бывшей так называемой Галичины или Галиции) исповедовало и исповедует *католическую* веру и совершает богослужения в *восточном* (византийско-украинском) обряде. И хотя в настоящее время, начиная с 1946 г., считается, что в Советском Союзе *нет* украинцев-католиков, а население исповедует православную веру, и в храмах богослужения в восточном обряде служатся официально православным духовенством, то это только формально соответствует действительности. Потому что лишь единицы считают себя истинно православными, остальное население в совести считает себя католическим, а значительная часть продолжает оставаться верной Святейшему Престолу и является сознательными, практикующими католиками. Так называемое "русское православие" силой и террором насаждается на западноукраинских землях.

Эта краткая информация о церковной жизни украинцев-католиков на Западной Украине, конечно, далеко не полностью может отразить всю проблему и всю церковную жизнь в настоящее время, в 1980 г., и даже не претендует на это. Однако пусть факты, приведенные из действительности, будут в какой-то степени информацией о нашей религиозной жизни, а также и *просьбой* ко всем католикам и даже ко всем людям "доброй воли" о молитве в нашем намерении, дабы крест господний в виде этих преследований нам честно нести и вытерпеть все испытания и выдержать до конца в Христовой вере и в Христовой Церкви, в верности Наместнику Христа, Святейшему Отцу, потому что в Его Лице мы верны Петру, мы верны Христу, Господу нашему.

Вскоре после смерти Первоиерарха Украинской Католической Церкви митрополита Андрея Шептицкого, последовавшей 1 ноября 1944 года, началась подготовка к "ликвидации" Украинской Католической Церкви. А именно, 6 апреля 1945 г. выпущена пасквильная брошюра с клеветой на бл. п. митрополита

Андрея Шептицкого, а в ночь с 10 на 11 апреля 1945 г. арестованы тогдашний митрополит Галицкий и Львовский епископ Каменецкий, сегодня Их Блаженство Верховный Архиерей кардинал Иосиф Слипый и 6 украинских католических епископов: Преосвященный Никита Будка, Преосв. Николай Чарнецкий (ЧНИ), Преосв. Иосафат Коциловский, Преосв. Григорий Лакота, Преосв. Григорий Хомьшин, Преосв. Иван Лятышевский. И лишь только в марте 1946 г. было сообщено, что военным судом все украинские владыки осуждены на долгосрочное заключение.

Созванный 30 марта 1946 г. "Львовский собор" провозгласил "ликвидацию" Брестской унии 1569 г. и "воссоединение" – возвращение украинского народа в лоно Православной Церкви к своей изначальной православной вере.

И ни слова нигде не упоминалось, да и сейчас мало об этом упоминается, что имели место *два* исторических извращения. Во-первых, "Львовский собор" 1946 г. вообще не был никаким законным собором: он был *незаконным и неуполномоченным* к ликвидации Брестской унии 1596 г., ибо хотя это и умалчивается, но он был созван и возглавлен всего лишь протоиреем при жизни всех 7 католических украинских владык. На упомянутом "соборе", вопреки всем церковным канонам как Восточной, так и Западной Церквей, *не было ни одного епископа* Украинской Католической Церкви: *все* они во главе с митрополитом находились в это время в заключении, как отказавшиеся "подписать православие", то есть были силой присоединены и подчинены иерархии той государственной институции, которая находится под управлением атеистов и имеет смелость называть себя Русской Православной Церковью и оставшиеся верными Святейшему Престолу и Святейшему Отцу, в это время Папе Пию XII.

На "львовском соборе" в 1964 г. присутствовали лишь протоирей, немногие священники, отдельные миряне (доставленные террором) и представители властей.

Во-вторых, грубо фальсифицируется следующий исторический факт, и нигде не приводится никакой информации о том, что *изначальная* вера украинского народа – *католическая* по существу, потому что была принята князем Владимиром в 988 г., то есть до церковного раздора, наступившего в 1054 г. В это время, несмотря на терминологию "православная вера", как она тогда именовалась, она по существу была католической, так как Византия повиновалась Святейшему Престолу и находилась в единстве со всей Вселенской Церковью. Конечно, за тысячелетие очень далеки по существу стали "православная вера" девятого-десятого века и "православие" XX века, тем более, "русское православие". Поэтому пора оставить злоумышленное извращение фактов, используя аналогичную терминологию, в настоящее время диаметрально противоположные понятия.

Очень знаменательные слова по поводу изначальной веры украинского народа сказал Святейший Отец Иоанн-Павел II в своем Пастырском Послании кардиналу Иосифу Слипому: "Христова вера на Русь пришла из Рима через Византию!" Но этот вопрос – это целая отдельная проблема, которая здесь только вскользь затронута, так как проливает свет на грубое извращение исторических фактов.

После "собора", с 1946 г., началась "ликвидация" всего, что католическое. Все монастыри (около 200 домов) были закрыты, монахи и монахини разогнаны. Всех священников, которые отказывались "подписать православие", около 2000 диоцезиальных священников и духовных лиц ждал один путь – заключение и, нередко без всякого суда, ссылка в Сибирь, в глухие районы, в лагеря с тяжелым режимом. Православие не подписал ни один епископ, ни один монах Украинской Католической Церкви, и поэтому многие из них навсегда покоятся под снегами Сибири. Из украинских владык в живых остался лишь митрополит, Их Блаженство Иосиф Слипый, которого в 1963 г., после 17-летней каторги, освободили в ответ на просьбы и

ходатайства и Святейшего Престола и многочисленных институций и организаций. Но даже и в Риме находящемуся Верховному Архиерею Украинской Католической Церкви не дают покоя и время от времени обливают в прессе грязью и всяческого рода клеветой.

Надо отдать должное всем украинским владыкам, пострадавшим ради Христа, дабы "все едино были", и привести краткие выдержки из энциклики Папы Пия XII "Восточной Церкви":

"Теперь на еще один народ, весьма нам дорогой, обращаем с печалью наше внимание, а именно на украинский народ... Особенно хотим упомянуть о тех епископах восточного обряда, которые – одни из первых – за веру претерпели горе, скорбь и оскорбления..."

Все католические приходы были насильственно ликвидированы. Около 5000 храмов и часовен поругано, осквернено.

"Православие" не подписали многие приходские священники и разделили судьбу епископов и монахов. Однако преимущественная часть приходских священников из женатого духовенства (имеющегося в Украинской Католической Церкви как разрешенное в восточном обряде) из-за боязни за судьбу своих семей "подписали православие", то есть официально порвали со Святейшим Престолом и повиновались Иерархии Русской Православной Церкви. (Кстати, многие из них теперь, уходя на пенсию или перед смертью, направляют официальные заявления с просьбой аннулировать их "подписание" и считать их католическими священниками.) Обычно, после "подписания" такого священника-отступника возвращали на его же приход и верующие-прихожане шли за своим пастырем, к которому привыкли, приходы действовали дальше. В скором времени приходские храмы, обслуживаемые такими священниками-отступниками, насильственно преобразовывались в православные, а миряне вынуждены были мириться с "нововведениями". Однако часть женатого духовенства, миряне, преимущественно в городах, а также в тех селах, где верующие были

сознательными, осведомленными католиками (и по несколько семей почти в каждом селении), продолжали и продолжают оставаться верными Святейшему Престолу и Папе Римскому. Духовенство подвергалось репрессиям, а миряне лишались католических священников. Свои духовные потребности украинцы-католики удовлетворяли и удовлетворяют в официально действующих римско-католических костелах (где все богослужения совершаются на польском языке), или обслуживали и обслуживают их украинские католические священники под угрозой заключения.

Священники Украинской Католической Церкви – и те, которые возвратились из ссылки, и вновь рукоположенные, которые приобрели необходимые знания и эрудицию в конспиративных условиях – все по сегодняшний день не имеют официальной регистрации к священнослужению, однако все имеют "регистрацию" к преследованиям... За совершение любого атрибута священнослужения – исповеди, погребения и т.п. – каждый раз священник штрафуются в размере 50 рублей (в то время когда среднемесячный заработок преимущественно составляет 70-90 руб.) и угрозой, что его ждет 7 лет заключения за совершение священнослужения. Для примера, священник Дидыч был трижды оштрафован по 50 рублей (в сумме – 150 рублей) за совершение погребения. Время от времени каждого священника вызывают в канцелярию по делам религий и требуют и принуждают подписать документ, что он обязывается не совершать никаких функций как священнослужитель. Конечно, такого никто не подписывает, но за это несет наказания – кого выписывают с места проживания, кого штрафуют или увольняют с работы. Кстати, все священники, не достигшие пенсионного возраста, вынуждены где-то работать в государственном учреждении. Преимущественно работают сторожами, кочегарами, разнорабочими, дворниками.

При обысках, устраиваемых ни за что ни про что в любое время, милиция, сотрудники КГБ (Комитета

государственной безопасности) изымают буквальным образом все, что необходимо и причастно к священнослужению: требники, книги, ризы, священные предметы для богослужения, не говоря уже о золоте — потирах, дискосах, дароносицах (монстранциях). После такой "ревизии" действительно невозможно совершить богослужение или другие священные службы.

Мы, украинцы-католики, не имеем никаких прав! Мы не существуем в Советском Союзе, несмотря на то, что статья 52 новой Конституции СССР гарантирует гражданам СССР право "исповедовать любую религию... и отправлять религиозные культы"... Но это право написано, по-видимому, для украшения Конституции... только и всего... И вся показуха различным делегациям, многократно прекрасно представленная, о "свободе советсти" есть только очковтирательство... Мы вполне отвечаем за эти слова, так как это подтверждает сама жизнь.

До сих пор, несмотря на неоднократные попытки, несмотря на трехлетней давности постоянные прошения о регистрации религиозной общины украинцев-католиков (в с. Мшана Городокского района Львовской области) в Совет по делам религий при СМ СССР, несмотря на неоднократные обещания "положительно решить вопрос", *до сих пор*, к началу 1980 г., *мы не имеем ни одной официально зарегистрированной святыни (храма), ни даже ни одного молитвенного дома. Мы "не существуем"...* Нас преследуют хронически, ехидно, заставляя на протяжении 30 лет забыть все католическое; нас силой пытаются обратить в атеистов, в крайнем случае "в русских православных мирян". Свыше 30 лет продолжается насильственная ликвидация Украинской Католической Церкви, католической веры на западноукраинских землях. Периодически нам угрожают, что "никогда вам не увидеть Церкви Шептицкого", систематически нас убеждают, что "Уния была насильственно навязана украинскому народу польскими магнатами и Ватиканом" и "ненавистна украинскому народу", что "Владимир принял

православную веру”, все статьи, книги, брошюры умело извращают факты, вкладывая в понятие православной веры православие наших дней, причем нередко из прочитанного напрашивается единственный вывод, что всегда был католический Запад и православный Восток. А т.к. многие семьи не имеют никаких книг, катехизисов, молитвенников или других источников познания христианской веры и истины, безусловно, такая фальсификация наносит определенный вред населению.

Однако сколько не пытаются “успешно вести атеистическую пропаганду”, она кончается тем, что в последнее время возрос интерес населения к религии. По-видимому, людям надоел атеизм и материальное благополучие, в силу слов, сказанных св. Августином: “Неспокойно мое сердце, пока в Тебе не очутится, о Боже”.

На нашей территории часть храмов закрыта, так как не везде есть приходские священники, или бывали случаи, когда миряне бойкотировали “подписанного” священника и он вынужден был оставить приход. В этих закрытых храмах верующие наводят порядок, дополняют необходимую церковную утварь и собираются на совместную молитву по воскресеньям и праздникам, а в мае, июне и октябре даже ежедневно – для пения молебнов к Пресвятой Богородице, к Сладчайшему Сердцу Иисуса и для совместного розария (“вервици”, ружанца) к Пресв. Богородице. Божественную Литургию поют сами (хоральные части), иногда удается совершить им сакраментальную Божественную Литургию и уделить необходимых Святых Таинств. И вот в последние 2-3 года началось “наступление” на эти католические храмы. За то, что люди молятся в этих храмах, верующих преследуют, а храмы разрушают, превращают в склады, закрывают. Представители местных властей (милиции, КГБ, партийных и исполнительных комитетов) приезжают автомашинами, нередко вооруженные, с овчарками, и не хуже немецких фашистов натравливают собак на людей, а храмы

превращают в побоище. Так было в селе Мшана Городковского района Львовской области. Без всякого предупреждения со стороны местных властей 8 декабря 1977 г. в 10 часов утра к храму примчалось 4 автомашины, полных милиции, КГБ-ов, представителей районных властей, вооруженных лиц с собаками. Верующим невозможно было близко подойти, на них натравливали собак, били. Храм был безжалостно обезображен – уничтожены совершенно все алтари, изломаны амвон (проповедальница), сидения (специальные длинные скамьи), поломаны иконы, хоругви, вырван со стены иконостас. Из храма увезено все – даже пустое святилище Святых Даров (табернакулум). Взято все, что только можно было увезти – церковные ризы, ряса священника, потиры, монстрация-дароносица, вся утварь, в том числе украшенные украинскими национальными вышивками скатерти, салфетки, полотенца (“рушники”), все обломки, иконы. Верующие обратились в Совет по делам религий при Совете Министров СССР (в Москве). Сперва на делегацию верующих кричали, пугали, потом, на следующий день, выслушали и обещали “рассмотреть” вопрос, даже приняли документы для регистрации религиозной общины, правда, потом этих документов “не оказалось”, и пришлось официально почтовым заказным письмом отправлять копии персональных данных “двадцатки” – 20 верующих – и заявление о регистрации религиозной общины. Хотя уже идет 3 год, но “воз и ныне там”, дело с места не сдвигается. Написано более 100 разных писем, просьб, документов, делегации верующих уже 11 раз побывали в Совете по делам религий, в Народном контроле, Прокуратуре, МВД и других компетентных учреждениях. Верующих или отсылают к Православной Церкви как единственно “украинской”, или много обещают и ничего не делают. Одним из трюков было обещание в Совете по делам религий при СМ СССР, что религиозная община будет зарегистрирована тогда, “если верующие откажутся от юрисдикции кардинала Слипого”. Никто такого заявления и

документа не подписал. В последнее время делегации было сказано, что в ихнюю поддержку обратился даже Папа Римский, однако правительство "никогда не сможет зарегистрировать Церкви, которая находится под юрисдикцией Слипого, потому что он – враг советского государства, так как сотрудничал с немецкими фашистами, и вообще Католическая Церковь враждебна советскому государству..."

Очень трудно совместить подобные заявления со статьей 52 новой Конституции СССР, где черным по белому написано, что граждане СССР имеют "право исповедовать любую религию". Надо уж быть последовательным и написать "любую религию, кроме католической" или, в противном случае, идя в ногу со статьей 52, не заявлять громогласно подобных нелепиц.

Миряне села Мшана подали официальное заявление и все необходимые документы, включая персональные данные 20 верующих так называемой "двадцатки верующих", необходимые для официальной регистрации религиозной общины любого вероисповедания. Кстати, в Совете по делам религий не приняли заявления и документов, где значилось, что верующие просят зарегистрировать общину Украинской Католической Церкви, хотя такая Церковь имеется и это – ее принятое название (во всем мире). Лишь после длительных мытарств и прошений было сделано "снисхождение" и документы приняты лишь тогда, когда верующие написали, что они "просят зарегистрировать религиозную общину Римско-Католической Церкви *восточного* обряда". Приезжало уже несколько комиссий из Москвы, из Киева, а храм в с. Мшана закрыт дальше, превращен в склад – сначала телевизионного завода, а теперь в храме сложены рулоны бумаги. Преследования продолжаются. Большинство мирян оштрафовано неоднократно по 10 рублей, а жители Гурка (Боса) Анна, Чорненька Мария, супруги Михайлишин Михаил и Михайлишина Анна – по 50 рублей каждый. Никого это не касается, что Михайлишина Анна воспитала 9 детей и не имеет ни пенсии, ни других пособий и

средств, чтобы уплатить штраф. Гражданкам Дуде Ольге и Олиярник Анне пришлось извещение явиться в район. Поскольку одна из этих женщин ездила с делегацией верующих в Москву, посчитала, что, может, должна явиться за результатом в район. Женщины поехали в Городок – районный центр, но оттуда их уже не пустили домой, а заключили в тюрьму на 15 суток "за хулиганство". Как оказалось, "хулиганством" им посчитали то, что одна из них осмелилась ездить в Москву, а другая женщина, больная и пожилая, вместе с другими мирянами пыталась защищать храм во время второго инцидента весной 1979 г. Так как в начале 1979 г. из храма были вывезены все телевизоры, верующие лелеяли надежду, что вскоре им отдадут храм, тем более, что неоднократно обещали и в Москве, и в Киеве урегулировать этот вопрос. Но, к своему разочарованию, в один день увидели опять вооруженных людей вокруг церкви, под конвоем которых в храм сгружали рулоны бумаги. Миряне пытались выяснить вопрос, почему без решения (отрицательного или положительного) в храм повторно сгружают продукцию производства, превращая святыню повторно в складское помещение, однако к ним была применена физическая сила. Пожилых женщин, которых было среди мирян преимущество, бросали в грязь, вырывали волосы из головы даже вместе с лоскутками кожи, избивали людей.

Местные власти истолковывают свое поведение "соблюдением порядка", так как в религиозной общине, не зарегистрированной официально, собираться на совместную молитву запрещено: но, с другой стороны, упорно не хотят зарегистрировать данную религиозную общину украинцев-католиков.

Верующих преследуют за то, что они хотят молиться, молиться в своем храме, построенном еще в 1771 г. их прадедами, и требуют не превращать дорогое и святое их сердцу место в складское помещение... Никто не требует чего-то невозможного... всего лишь зарегистрировать эту общину, уже третий год просящую

официальной регистрации, и отдать мирянам их храм... и на деле осуществить ту "свободу совести", которую так громко рекламирует статья 52 новой Конституции... только лишь и всего.

А сколько еще надо ждать осуществления этого?..

Вот как выглядит на деле "свобода совести" на западноукраинских землях согласно новой Конституции СССР.

В селе Колодинцы (Каменско-Бугского района Львовской области) храм был разрушен так, что даже электрические провода были выдернуты из стен, а на главном алтаре после разрушителей остались экскременты...

В селе Надорожная (Глумачского района Ивано-Франковской области) в храм ворвались однажды участковый, представитель КГБ, председатель сельсовета. Они начали душить старую, 80-летнюю женщину и требовали у нее ключ. Женщина прибирала в это время в церкви, ключа у нее действительно не было (так как ее туда привела другая женщина). На крик бабушки прибежал юноша Славик Гринчук. Их обоих забрали, заключили в тюрьму, потом оштрафовали по 50 рублей каждого и выпустили. А когда пожилая женщина в недоумении спросила, откуда ей взять такую сумму денег для уплаты штрафа, ей ответили: "Поди, пособираешь и уплатишь". И действительно, бабушке пришлось ходить попрошайничать, пока не собрала денег для уплаты штрафа.

Чтобы заставить и принудить католиков молиться в православном храме, никакими путями и средствами не брезгуются. Так, в 1979 г. в сельсовете составили фиктивный список верующих 20-ти человек из села Мужиловичи, якобы "просивших зарегистрировать им православный приход и назначить православного священника"; лишь потому, с той целью это делалось, чтобы помешать католическому селу Мужиловичи молиться в своем католическом храме.

Статья 52 новой Конституции гарантирует "право исповедовать *любую* религию, отправлять религиозные культы..."

А в действительности это выглядит так:

Во время праздника Воскресения Христова в апреле 1979 г. в селе Надорожная, где верующих обслуживает епископ Василик, начиная со Страстной Пятницы, на протяжении Страстной Субботы, Праздника Воскресения Господа нашего Иисуса Христа, на протяжении Светлых Понедельника и Вторника, то есть с 20 по 24 апреля 1979 г., церковь караулилась милицией, представителями КГБ, партийных и исполнительных комитетов почти из всей области. Лес, в котором находится церковь, неоднократно "прочесывался", так что не было даже речи пробраться к церкви епископу или священникам. У верующих, спешивших к храму, выдирали корзинки со "свяченным" – то есть с посохами. Посохи (пасхи) ломали, разбрасывали по лесу, топтали ногами, разбрасывали вокруг масло, сыр, колбасу, яйца раскрашенные ("писанки"), предназначавшиеся к освящению. Кого не поймали, побыстрее убегал. Чтобы не оставить людей без "свяченого" и без богослужения, в доме у мирян совершено богослужение и освящение посохов. Каждый наспех готовил из тех продуктов, что еще остались, чтобы успеть к освящению.

В церковную дверь набито столько железа, олова и гвоздей, что открыть ее было невозможно. Из-за боязни осквернения церкви в случае нападения милиции, верующие не открывали храма, а вокруг закрытой двери отпели Воскресную Утреню.

Не лучше положение было и во время праздника Рождества Христова – 6-7 января 1979 г. Церковь окружена милицией, подойти близко даже нельзя. Рождественское богослужение совершено в домах, а в храме удалось совершить богослужение верующим лишь 13 января.

В селе Верхний Гай возле Дрогобыча Львовской области за две недели до праздников был вызван папалмарь и предупрежден, чтобы в храме не было никакого богослужения. В дальнейшем всю утварь церковную надо передать в приходскую православную церковь

села Нижний Гай, потому что в храме будет организован склад.

Сердце изнемогало от боли, когда миряне плакали во время освящения посохов, которое удалось сделать под покровом ночи.

В настоящее время храм стал предметом периодических налетов милиции, представителей властей с целью овладеть им и превратить в музей. Уже несколько раз приезжал эскорт. Однако миряне ведут почти круглосуточное дежурство и — как когда-то дозоры запорожских казаков в степях во время нашествия татар — в случае опасности условным сигналом оповещают о тревоге. У церкви собираются все, кто может, с различными предметами домашнего и хозяйственного инвентаря — с мотыгами, вениками, косами, вилами, кочергами, чтобы отстоять свой храм. Миряне предложили, что они соберут необходимую сумму денег для построения здания музея с тем условием, чтобы храм, построенный их дедами и прадедами для молитвы, власти не трогали. Однако набеги милиции по 20-30 человек продолжают. Последнее такое нашествие имело место за 4 дня до Рождества Христова — в начале января 1980 г.

Неужели нельзя согласиться с предложением мирян, и если уж у государства не найдется денег для постройки здания, то согласиться с населением; за их счет возвести современное, соответствующее этой цели здание, а церковь оставить в покое. Наверно, тогда действительно принятое решение соответствовало бы духу ст. 52, население получило бы красивый музей, и не было бы ненужной "борьбы за храм".

Но этим фактом лишний раз подтверждается действительное положение вещей относительно "свободы совести", свободы исповедовать *любую* религию.

В селе Вильшаница возле районного городка Яврова (Львовская область) во время праздника Воскресения Христова в Страстную Субботу, 21 апреля 1979 г., старая василианская церковь и часовня в роще были окружены милицией, в нескольких местах на подступах

к церкви устроена засада на священника Кавацива Иосафата. Однако верующие вовремя успели заметить все это и в последние минуты, буквально в 20-50 метрах от села (приблизительно за полкилометра от храма), предупредить священника об опасности. Под покровом ночи удалось избежать опасности, хотя в погоню были пущены две милицейские машины, до 20 милиционеров. Верующие использовали тот момент, что никого из вооруженных вокруг храма явно не осталось, и отпели сами Воскресную Утреню и освятили свои пасхи сами водой из колодца, находящегося в часовне, посвященной Божией Матери.

В селе Голобутов (Стрыйского района Львовской области) во время Воскресной Утрени представители власти, милиции, КГБ пришли переодетые и замаскированные на богослужение с целью поймать священника. Однако миряне быстро опознали прибывших, поняли их намерения, оттеснили их во двор, к изгороди, а священник, переодетый в женщину, ушел от поимки и не был схвачен.

В селе Градовка (Гошаны) Городокского района Львовской области, вблизи г. Рудки, где верующих обслуживает украинский католический священник Есип Роман, на протяжении 6 дней, начиная с 19 и по 24 апреля 1979 г., храм был окружен милицией, представителями КГБ, местных партийных и исполнительных комитетов почти со всего района. На церковные двери наложен замок. Верующие трижды прорывались к храму, ломали замок, но открыть храм даже не хотели, чтобы уберечь от осквернения в случае нападения милиции. Тогда верующие собрались возле храма и начали петь страстные песни, представляющие страдания Иисуса Христа, а также о том, что Иисус призывал не плакать над ним, а заплакать над собой и своими детьми. Может, это подействовало – неизвестно. Через некоторое время от храма отступили, а верующие могли вокруг закрытого храма отпеть Воскресную Утреню и сами освятили посох (пасхи).

В этом же селе за 4 дня до Рождества Христова правление колхоза с представителями местных властей организовали совещание. На совещании предупреждали, что никаких богослужений чтобы не было, пусть не вздумают приглашать католического священника. Божественная Литургия была совершена днем в Сочельник 6.1.1979 г., а с 7 часов вечера, целую ночь до утра, милиция, представители партийных и исполнительных органов из района не покидали церкви. Миряне пели рождественские песни – коляды, и даже пригласили всех быть с ними и посмотреть, "что они делают против закона", за что их преследуют, что это за преступление – молиться и петь коляды. Только утром "комиссия" из района уехала.

Не немного большей свободой пользуется даже официально действующая Православная Церковь и римско-католические костелы.

За то, что во Львовском кафедральном соборе уделяется духовная помощь украинцам-католикам, периодически приходской священник "вызывается на протирку" в органы властей, один раз даже блаженной памяти священник Галаневич получил наказание – запрещение совершать какие-либо службы в течение месяца. Не совершалась Божественная Литургия, не исповедовались, не причащались верующие. Священник в сакристии (в служебных помещениях) молился, дабы Господь сократил эти дни тяжелого испытания, тайные агенты с утра до ночи следили, не удастся ли за малейшее нарушение закрыть костел полностью, а священники учили мирян братской любви, потому что фермент ненависти поляков к украинцам и наоборот тлел все время.

Православным священникам запрещено уделять Св. Таинства детям и молодежи до 18 лет. А поскольку Православная Церковь в России – это очень своеобразная институция, поскольку Ее Предстоятели являются атеисты и клир вынужден выполнять все их распоряжения, поэтому все крещения, бракосочетания, погребения – все подробно регистрируется и обо всем

информируются власти, ... а потом верующие терпят преследования за религиозное мировоззрение. Даже за христианское погребение родителей преследуют детей, даже если родители оставляют такое требование в завещании, все равно – дети несут наказание. Поэтому, чтобы избежать различных служебных неприятностей, не каждый решится явно исповедовать свою веру и свое мировоззрение.

В православных академиях и семинариях – по словам одного из учившихся, слушателя, – 3/4 кандидатов во пресвитера – явные атеисты, служащие КГБ, задание которых есть компрометация религии, шпионаж путем исповеди и т.п.

Детям запрещено ходить в церковь. Время от времени устраиваются комсомольские рейды, патрули учителей, по праздникам такие патрули не пускают детей в храм, в школе после этого детей "перевоспитывают" на атеистов. Нередко во время праздников всех входящих и выходящих людей из храмов снимают кинокамерой...

Детям в 1-2 классах и студентам раздают так называемые анонимные анкеты (но об их анонимности свидетельствует следующее: если кто-либо сдаст такую анкету незаполненной или "инакомыслящей", его сразу же заставляют "исправить ошибку"). Под диктовку учительницы дети пишут, порой даже не понимая в свои 7-8 лет, что они пишут, а именно, что они сами и ихние родители – неверующие и никаких религиозных культов не практикуют, икон дома не имеется. А после этого анкеты являются доказательством перед мировой общественностью атеизма советских граждан.

И такие бесподобства совершаются в год ребенка – в 1979 г.

Не лучше положение и в среде студентов. Поскольку поступить в высшее учебное заведение и даже в среднее специальное (типа техникума, училища) очень и очень трудно – часто не обходится без солидной суммы, – то большинство студентов считает, что в совести

можно оставаться верующим, а написать "нет", чтобы иметь покой. Если кто-либо решится написать правду, открыто заявляя о своем мировоззрении, его начинают перевоспитывать: прикрепляют к такому преподавателя и "мучают" до тех пор, пока не получают заявления об атеизме перевоспитуемого. Поэтому люди считают, что эти преследования излишни и незачем им подвергаться, скоро финал все равно должен быть один — атеизм. Люди для профилактики "ненужной нервотрепки" умалчивают свои убеждения. Священники, бесспорно, против такой постановки вопроса, но даже нечем людей учить и бороться с этим "стихийным бедствием". Людей приходится учить и воспитывать индивидуально. А за учение религии каждый подлежит наказанию, как нарушающий законоположение о религиозных культах. От атеистической литературы гнутся полки всех библиотек, клубов. Но книги религиозного содержания запрещены. Не удовлетворяет нужды верующих даже кустарный промысел — кто переписывает, кто фотографирует, снимает копии. Дело катехизации населения осложняется незнанием многими польского языка (даже среди польского населения, например, в районах Винницы, Киева), а излагать слово Божие на русском языке разрешено в Москве, Ленинграде, Одессе.

Сложное положение Украинской Католической Церкви еще больше осложняется следующими двумя моментами. Во-первых, и в настоящее время встречаются факты неправильного наставления и неправильного поведения относительно украинцев-католиков со стороны некоторых римско-католических священников (преимущественно поляков). Украинская Католическая Церковь расценивается ими как неполноценная, "инакомыслящая", некатолическая, низшей категории. Редко, но встречаются случаи, когда римско-католические священники отказывают пенитентам в исповеди или осуждают верующих, в том числе украинцев-католиков, что они принимают участие в богослужениях и принимают Св. Таинства, уделяемые украинскими

католическими священниками, — кстати, при полнейшей подробной информации и знании не только положения вещей и ситуации, а даже нередко при личном знакомстве с данным украинским католическим священником и его ортодоксальности. Быть может, эти нездоровые тенденции, окрашенные шовинизмом, усиливаются наставлением извне. Так, совсем недавно во Львовской кафедре (кафедральном римско-католическом соборе) побывала группа польских священников из Польши. Они были буквально возмущены тем, что собор посещают и участвуют в богослужениях украинцы-католики, и даже высказались за то, чтобы всех украинцев вообще "гнать подальше из храма", пусть не отравляют своим присутствием собор. Но того факта, что если бы не пожертвования этих ненавистных "кабанов", то ни один костел не продержался бы до сих пор — потому что поляков мало и то не все ходят в костелы, — этого "не видят", то есть это хорошо видят, но об этом молчат. Следовало бы немного поразмышлять всем тем высокопреподобным над тем, подобает ли людям их сана вместо действительно братской любви Христовой дышать шовинизмом к католикам другой национальности и к тому же преследуемым, и именно только потому, что они — католики и не хотят отступить от Христовой Церкви.

А второй нашей трагедией, уже внутреннего порядка, является тот факт, что в настоящее время львовский католический епископ Сернук под угрозой экскомуникации заставляет католических священников упоминать в богослужениях термин "православные христиане", оставшийся как архаизм из литургических текстов IV-IX веков, когда Восточная Церковь именовала себя "православной", хотя и была, как упоминалось выше, по существу католической. Может, где-то этот термин может быть употребляем без вреда и "свидетельствовать о духовной близости" Украинской Католической Церкви с Восточными Церквями, но в наших конкретных условиях употребление термина "православный" вносит непоправимый и никому не нужный

вред, замешательство и даже утрату веры среди мирян. В настоящее время на нашей территории термин "православный" имеет лишь одно значение: "некатолический", "изменник Христовой Церкви", "предатель". Не может термин "православный" быть употребляем и настоящим русским православным батюшкой, и священником-отступником, официально священнодействующим, и в то же время католическими священниками, преследуемыми именно за то, что отказались "подписать православие", то есть остались верными Вселенской Христовой Церкви. Глубокомыслящие и ревностные священники не выполняют этого абсурдного распоряжения епископа, но боязливые подчиняются нелепому приказу и приносят столько замешательства, что миряне "ищут правдивых католических священников" даже среди католических украинских священников, которые не упоминают этого злосчастного термина. Просим мы все усердно Господа Бога, чтобы просветил умы тех, кто этого не хочет понять, что пора этот термин "православные" в Украинской Католической Церкви отдать в архив истории, тем более, что без этого вполне достаточно восточной, своеобразной и красивой остается вся церковная культура Украинской Католической Церкви. И еще, без такого искусственного урезывания, отделения себя словом "православный" якобы от всех других католиков, более близко и более современно духу экуменизма сегодняшних дней.

Мы просили уже и просим дальше всех католиков и всех людей "доброй воли" молиться о нас. Мы не знаем, насколько выходят наши просьбы за пределы государства, в котором мы живем, но, по-видимому, что-то в какой-то степени доходит к вам, и, благодаря голосам в нашу защиту, наши преследователи вынуждены порой к ним прислушиваться. Только они очень коварны. В последнее время изменилась тактика наших преследователей: дело поставлено так, что как будто Католическая Церковь вроде никому не мешает, но всеми силами идет кампания любой ценой опорочить,

оклеветать Католическую Церковь, в частности Украинскую Католическую Церковь, и представить ее как враждебную, сотрудничавшую с немецкими фашистами... и т.д. Так, во второй половине 1979 г. "разгорелась" кампания вокруг инцидента с итальянским священником Бернардо Винченцо, якобы ехавшим с миссией к украинским униатским священникам, в частности к Преосв. Иосафату Федорику, от священника Ивана Ортынского, проживающего в ФРГ, якобы с большей суммой денег на "Подрывную работу". К делу был примешан Их Блаженство, Верховный Архиеп-ерей кардинал Иосиф Слипый. Организована пресс-конференция с журналистами, "состряпана шумиха" в прессе, по радио, телевидению об антисоветской деятельности Украинской Католической Церкви, сотрудничавшей с немецкими фашистами и продолжающей быть враждебной народу.

Может быть, что все это ускорило смерть Их Преосв. Иосафата Федорика, последовавшую 28 декабря 1979 г.

Поднятой шумихой местные власти на западноукраинских землях пытаются охладить пыл верующих и их законные требования о регистрации религиозных общин украинцев-католиков в с. Мшана Городокского района, а также в с. Завадов Стрыйского района Львовской области. От верующих этих сел поданы официальные заявления, документы и все персональные данные. А это действительно отважный шаг, потому что часть из подавших заявление в настоящее время работают и считаются с возможностью, что их всячески могут, вплоть до увольнения с работы, преследовать.

А тем временем религиозная жизнь в католических приходах продолжается. Ежемесячно, а порой даже 2-3 раза, в каждом католическом храме совершается сакраментальное богослужение, Божественная Литургия. Во время Великого Поста священники не успевают исповедовать всех желающих, да и так порой в любое воскресенье или праздник не всегда время позволяет всех исповедовать. Каждый раз Божественная Литургия оканчивается пением Молебна ко

Пресвятой Богородице или к Сладчайшему Сердцу Иисуса, супликацией. Во время Великого Поста очень торжественно правится размышление Страстей Господних во время Крестной Дороги. А для детворы самые дорогие – это праздники Пресвятой Евхаристии и Пресвятого Сердца Иисуса, когда во время Крестногохода со Святыми Дарами маленькие ангелочки, облаченные в белые платица, могут высоко ввысь бросать лепестки цветов к Иисусу-Младенцу в Святых Дарах и вместе со всеми вокруг храма идти и петь евхаристийные песни и соответствующие литургические песни (тропари), предназначенные для этих торжеств. Многим верующим очень дорогой, любимой и всем сердцем практикуемой стала практика Первых Пятниц в честь вознаграждения Пресвятому Иисусовому Сердцу, тем более, что сокращение евхаристийного поста до одного часа сделало для многих возможным принимать Святое Причастие (независимо от того, совершается Божественная Литургия днем или порой и поздним вечером и ночью).

А под закрытой церковью в селе Мшана, где миряне собираются на совместную молитву и в жару, и в мороз, уже третий год в Рождественскую ночь или в Рождественский Сочельник Иисус-Младенец рождается на алтаре под голым небом, как когда-то в Вифлееме, и приносит нам, украинцам-католикам, не только свою благодать, но и радость Рождества Христова и силу к победоносному Воскресению.

Мы благодарны всем, кто помогает нам и молитвами, и голосом защиты, пусть вознаградит вас всех Бог.

Молитесь, братья, католики всего мира и все люди доброй воли, дабы Всевышний сократил наши испытания и дал нам силу претерпеть все преследования во славу Божию и в подтверждение слов Иисуса Христа: "А врата адава не одолеют Ея" (Мт. 16:18).

PERSONALIA, ВОСПОМИНАНИЯ

Сурен Газарян

О БЕРИИ И СУДЕ НАД БЕРИЕВЦАМИ В ГРУЗИИ *

Смерть Сталина вызвала разные отголоски. Молодежь тяжело переживала эту потерю. Для этого у молодежи было достаточно оснований. Она росла и воспитывалась в условиях, когда все достижения советского народа приписывались только одному человеку, когда ежедневно и постоянно славилось имя этого человека, когда обожествлялось это имя. Когда все нововведения во всех отраслях нашего народного хозяйства: промышленности, сельского хозяйства, в науке и технике, в авиации и астрономии (да, астрономии тоже), на транспорте, словом, во всей духовной, материальной, культурной жизни советского народа все были обязаны гению этого человека. Оказывается, Отчественная война была выиграна только потому, что во главе армии и государства стоял он — "Непобедимый гениальный полководец". Молодежь мало знала Ленина, не была знакома с его учением. Имя Ленина предавалось забвению. В университетах и других вузах страны все меньше и меньше обращались к произведениям Ленина и все больше и "глубже" изучали "Вопросы ленинизма" и другие произведения Сталина. Ленинский союз молодежи незаметно, но настойчиво стал называться Сталинской молодежью, партия Ленина стала называться партией Ленина и Сталина, а иногда и просто Сталина. Советское государство, оказывается, обосновал Сталин, конституция страны — сталинская конституция, армия — сталинская, авиация — сталинская, летчики — сталинские соколы. Все сталинское. Даже кое-кто из наркомов позволял величать себя "сталинским наркомом".

Молодежь не имела никакого понятия о культуре личности, об антимарксистской, антиленинской сущности

* Отрывки из книги "Это не должно повториться", написанной в 1958-61 гг.

этого отвратительного явления. Она не знала, что вокруг одного человека кадят кадило, несправедливо относя к его гению все успехи, а неудачи и срывы были делом врагов народа, с которыми так последовательно и беспощадно справлялся он – ”непогрешимый марксист”, человек-бог.

Молодежь не могла не верить в то, что ежедневно читала в газетах, слушала по радио. Она не могла не воспринимать то, что говорилось учителям в школах, читалось профессорами в вузах.

Эта молодежь не имела никакого понятия о сущности преступлений 1937 года. Одни тогда были детьми, другие еще не родились.

Даже те, которые в 1937 году лишились отцов и матерей и воспитывались в детских домах, не знали толком, что произошло в 1937 году, в чем вина их родителей и кто является истинным виновником того, что они осиротели.

Вполне понятно, что для молодежи Сталин был признанным гением, незаменимым вождем всего советского народа, и было вполне понятно, что молодежь искренне оплакивала смерть Сталина и очень переживала эту потерю.

Среднее поколение людей также росло и воспитывалось в условиях культа личности. Когда в 1937 году происходило массовое избиение передовых людей нашей страны – руководителей партийных, советских, военных, научных и хозяйственных кадров, многие из молодежи были выдвинуты на руководящие работы. Часть таких людей была достойна этого выдвижения. Она хорошо понимала что к чему, знала о преступных нарушениях революционной законности, о жертвах беззакония. Многие знали, что несправедливо создается ореол вокруг имени одного человека. Эти люди, хотя и мало, но все же читали Ленина, были знакомы с его учением. Будучи выдвинутыми на руководящие посты они не могли терпеть ни бюрократизм, ни оторванность от масс, что насаждалась в то время. Они знали, как Ленин предупреждал партию о вредности бюрократизма.

Они понимали, что и бюрократизм и оторванность от масс и прочие уродливые явления, как подхалимаж, угодничество и так далее являются порождением культа личности одного человека. Но для них были созданы такие условия, что вести борьбу против этого зла они не могли. Такая борьба привела бы к увеличению жертв и не достигла бы цели. И в самом деле, сколько таких людей сегодня назначались, а завтра снимались и арестовывались. Чем-то они не угодили. На их места приходили другие, которые либо также не угодили и были ликвидированы, либо признавались "подходящими" и оставались.

Поэтому эти люди понимали, что с уходом Сталина умрет и культ его личности. Отсюда отношение этих людей к смерти Сталина.

Но нашлись и такие из этого поколения людей, которые обстановку культа личности принимали как должное. Пробравшись на руководящие должности, эти, так называемые, "коммунисты" способствовали насаждению диктуемого сверху бюрократизма. Они сами оторвались от людей, изолировали себя непроницаемой стеной, создавали вокруг своего имени ореол славы, восхваления и культа. Достижения руководимых ими предприятий они приписывали своему "мудрому руководству" и эти достижения отмечались в обстановке шумных самовосхвалений. А если не было достижений, не выполнялись планы, разваливалась работа, прибегали к очковтирательству, припискам, обману государства. Будучи противниками критики и самокритики, они беспощадно расправлялись с теми, кто поднимал свой голос против этих уродливых явлений. Неудивительно, что среди этих людей нашлись и такие, которые скатывались по наклонной плоскости, использовали свое служебное положение в целях личного обогащения. Всякие комбинаторы, взяточники, расхитители народного добра, мошенники, воры, жулики, спекулятивные элементы чувствовали себя вольготнее под крылышком таких руководителей, многие из которых сами сделали участниками всяких преступных шаек.

Обман, обмеривание и обвешивание покупателей приняли большие размеры в торговле.

Все эти уродливые явления — прямой результат культа личности Сталина и имели место только потому, что роль общественности была сведена на нет.

Сталин своими глазами никогда не смотрел, что делается в стране. В стенах закрытого Кремля, над которым и птицы без боязни лететь не могли, довольствовался докладами своих приближенных и в первую очередь Берии.

Эта кучка среднего поколения людей оплакивала Сталина. Она понимала, что многое может измениться и нечисти не останется места под советским небом.

Совсем иначе обстояло дело со старшим поколением людей.

Подавляющее большинство этого поколения — руководящие работники — было физически уничтожено. Уцелевшая часть была совершенно бессильна что-либо изменить при создавшейся обстановке.

Правильно было выждать и сохранить себя для будущего. Представители старшего поколения, уцелевшие и находившиеся у власти, поступили именно так. Эта тактика была единственно правильна потому, что создалось такое положение, когда борьба со злом не только не давала результата, но уносила новые и новые жертвы. Известно, что в последующие годы продолжались репрессии в отношении честных людей, ни в чем не повинных. Где-нибудь неосторожно пророненное слово служило поводом для ликвидации "неудобного" человека.

Старшее поколение людей хорошо знало Ленина, знало его учение. Многие из них работали с Лениным, воспитывались им, были его непосредственными учениками. Многим было известно содержание "завещания Ленина", характеристика Сталина, данная Лениным. С трибуны 14 съезда партии раздавались трезвые голоса старшего поколения людей о том, что предсказания Ленина сбывается, что Сталин злоупотребляет властью. Но партия, занятая тогда борьбой против поднявшего

голову троцкизма, оказала доверие Сталину. Воспользовавшись этим доверием и укрепив свое положение, Сталин в последующие годы направил оружие против лучших представителей ленинской партии, против ленинской гвардии.

Начался страшный 1937 год.

Не исключено, что 1937 год начался в декабре 1934 года роковым выстрелом в славного Сергея Мироновича Кирова.

Да, ряды старшего поколения, ряды старой гвардии большевиков сильно поредели.

Но всех не уничтожишь!

Уничтожено было много, но и уцелело немало.

Старшее поколение людей отнеслось к смерти Сталина, как к событию, которое положит конец уродливому явлению культа личности Сталина.

Куль личности Сталина в наиболее отвратительной форме проявился в республиках Закавказья, в частности в Грузии. В этом постарался Берия и помогли ему его подручные Багиров в Азербайджане и Арутинов в Армении.

Трудно найти человека с такими отвратительными пороками, каким был Берия. Интриган, карьерист, кровожадный, аморальный, развратник.

В жизни он руководствовался девизом: "Цель оправдывает средства". А цель у него всегда была низменная.

Он не останавливался ни перед чем для достижения своей цели. Ему надо было убрать с дороги неугодного человека, он убирал. Нужно было занять чье-то место, он интриговал, компрометировал человека, добивался его снятия. Ему нравились женщины, подростки, он не гнушался никакими средствами для достижения цели.

Берия приехал в Грузию из Азербайджана с сомнительным прошлым. У него были подозрительные связи с мусаватистами. Являясь оперативным работником ГПУ Грузии, он добился того, что стал председателем ГПУ. Председатель ГПУ Грузии по своей должности

являлся заместителем председателя ГПУ Закавказья. Но ведь Берия не мог быть заместителем. Он должен был быть первым. Начались подлые интриги.

Трагически погибли Александр Мясникян и Георгий Атарбекян и с ними председатель ГПУ Закавказья Могилевский. Когда-нибудь история прольет свет на это дело и выявит подлую роль Берии, устроившего катастрофу самолета, на котором они летели. Могилевский погиб. После него должность председателя ГПУ Закавказья занимали последовательно Павлуновский, Панкратов, Кашнельсон, Реденс...

Реденс оказался последним. Благодаря хитро устроенной интриге Берия, наконец, добился своего. Реденса отозвали в Москву, и Берия стал председателем ГПУ Закавказья.

Теперь Берия метил в партийное руководство.

Ему повезло. Интриганам это часто удается.

В районе Гагр была построена дача Сталина. Наружная охрана этой дачи была поручена ГПУ Грузии и Закавказья. В качестве председателя ГПУ Закавказья и руководителя этой охраны он получил доступ к Сталину. Берия сразу же использовал это. Он начал свои интриги против тогдашнего секретаря ЦК КП Грузии Самсона Мамулия.

Многие партийные организации совершали ошибки в период коллективизации. Разве не ясно, что основная ошибка исходила от самого Сталина, который затем легким маневром, известным выступлением "Головокружение от успехов", переложил ошибки на местные партийные организации. Партийные организации Грузии не избегали этих ошибок. Берия нашепывал тогда Сталину, сгущая краски, что Мамулия своими действиями дискредитировал идеи коллективизации в Грузии. Сталин дал себя уговорить. Самсон Мамулия был обвинен в "извращении политики партии в деревне" и снят с работы.

Берия стал секретарем ЦК КП Грузии.

Ряд старых большевиков Грузии обратился в ЦК ВКП(б) к Сталину с заявлением о том, что Берия по своим личным качествам не является подходящим человеком для партийного руководства.

Заявления этих людей остались без последствий.

Нет.

Они имели роковые последствия для авторов этих заявлений. В 1937 году все они были уничтожены.

Итак, Берия стал секретарем ЦК КП Грузии. Но ведь первый секретарь ЦК КП Грузии является одновременно вторым секретарем Закавказского Краевого комитета ВКП (б).

Опять "второй", что за напасть такая!

Первым секретарем Заккрайкома был тогда старый профессиональный революционер, всеми уважаемый и популярный Мамия Орахелашвили.

Нет, Берия не может терпеть положение второго человека. Он начал было интриговать против Орахелашвили, но в этом ему помог сам Орахелашвили. Он не мог работать с человеком, которого не уважал и добился своего перевода в Москву.

Берия, наконец, стал первым секретарем Заккрайкома ВКП (б).

Спрашивается, в чем дело? Кто так упорно шел ему навстречу и расчищал ему дорогу к следующей ступени власти?

Как это свойственно интриганам, Берия хорошо изучил слабые стороны Сталина. Он знал, что Сталин любит власть, величание его личности, приписывание ему заслуг, к которым он не имел никакого отношения.

И вот появилась на свет фальшифая книга: "Некоторые вопросы истории большевистских организаций Грузии и Закавказья".

Кстати, как только вышла эта книга, упорно говорили, что автором ее автором является не Берия, а по его заданию сострепали "книгу" его подручные Меркулов и Мильштейн, а также тогдашний наркомпрос Грузии Бедия.

И вот Берия торжественно преподнес Сталину свою книгу. Тот прочел и остался очень доволен. Еще бы! В ней говорилось, что вся партийная работа в Грузии и Закавказье с самого начала зарождения социал-демократических организаций была проведена только одним

Сталиным. Это он основал партию в Закавказье, он возглавил работу партийных организаций по борьбе против царского самодержавия, он представлял партийные организации Закавказья в РКП, он организовал знаменитую авлабарскую типографию... Он и больше никто! А старейшие революционеры Серго Орджоникидзе, Степан Шаумян, Миха Цхакая, Мешеди Азизбеков, Александр Мисникян, Алеша Джапаридзе, Мамия Орахелашвили, Авель Енукидзе, Саркис Касян, и много, много других? Где виднейшие социал-демократы Ладо Кецховели и Александр Цулукидзе? О них Берия не забыл, но, оказывается, они являлись лишь соратниками Сталина...

Фальшивую книгу широко пропагандировали. Она была рекомендована для изучения не только в Закавказье, но во всей стране. Берия приобрел ничем и никем не пробиваемую броню. Он стал одним из приближенных Сталина. Теперь он мог расчищать себе дорогу в Москву. Но сначала он должен был укрепить свое положение в Закавказье. С этой целью, в первую очередь, должность первого секретаря ЦК КП Грузии он оставил себе. Со стороны Азербайджана он был совершенно спокоен. Мир Джафар Багиров – его давнишний друг. Их дружба испытана не только временем, но и тайными связями со времен мусаватистов. Багиров не подведет. Плохо обстояло дело с Арменией. Секретарь ЦК КП Армении Агаси Ханджян что-то не проявляет склонности быть послушным орудием в руках Берия. Надо его убрать. Берия посылает своих людей в Армению со специальным заданием: добиться компрометации Ханджяна с тем, чтобы иметь основание убрать его. Нельзя читать без возмущения показания подручного Берия Жоры Цатурова, знавшего Берия по совместной работе в ГПУ Грузии и Закавказья, о том, как он приехал в Армению в качестве одного из секретарей ЦК и какие интриги вел вокруг Ханджяна. Но Ханджян пользовался большим авторитетом не только среди партийных кругов, но и во всем народе. Интриги не помогли, авторитет Ханджяна не пострадал.

Ну что ж, тем хуже для Ханджяна. Цель оправдывает средства.

Ханджяна надо убрать любыми средствами. Только такой изверг, как Берия, мог придумать подлый план убийства Ханджяна и вышолнить этот план своими собственными руками.

А план был разработан до мельчайших подробностей.

Ханджян был вызван из Еревана в Тбилиси на заседание Заккрайкома. В тот же вечер, после заседания крайкома, мы узнали, что Ханджян покончил жизнь самоубийством. Говорили о подробностях, о том, что Ханджян задумал самоубийство еще в Ереване, что в его кармане обнаружены два письма, написанные в Ереване перед выездом в Тбилиси. Одно письмо адресовано жене — Розе Виндзберг, в котором Ханджян прощается с женой, другое на имя Берия. В этом письме Ханджян якобы сообщает Берия, что запутался и не нашел себе другого выхода.

Все это было предусмотрено для инсценировки самоубийства.

Товарищи и друзья, которые хорошо знали Ханджяна, недоумевали: как мог, такой нестигаемый человек спасовать перед трудностями, "запутаться" и поднять на себя руки.

Спустя четверть века было установлено, что Ханджян был убит собственоручно Берия в его служебном кабинете.

Берия проливал крокодиловые слезы над своей жертвой и отправил тело Ханджяна в Ереван с почестями.

Не впервые Берия проливал крокодиловые слезы над своей жертвой. Еще не остыл труп отравленного им Нестора Лакоба.

Авторитет Лакоба, председателя ЦИК Абхазии, не давал покоя Берия. Отравленного Лакоба он тоже торжественно отправил в Сухуми и похоронил в центре города для того, чтобы в 1937 году сравнять эту могилу с землей.

После убийства Ханджяна в Армению секретарем ЦК был послан Гайк Амадуни, но, как видно, он не выдержал "испытания", в 1937 году был арестован и расстрелян. Тогда Берия послал в Армению своего верного ставленника Григория Арутинова.

Возникает законный вопрос. Согласно конституции Закавказская Федерация была упразднена. Закрайком уже был ликвидирован. Берия являлся только секретарем ЦК КП Грузии. Какое же отношение он мог иметь к Армении? На каком основании в 1937 году он посылает своего человека туда секретарем ЦК? Ответ ясен. Берия нужно иметь своего человека в Армении, а если это так, то можно и нарушить конституцию.

Арутинов лез из кожи, чтобы оправдать доверие своего хозяина, создать популярность Берия в Армении. Надо признать, что Арутинову трудно приходилось в этом. Берия слишком непопулярен был в Армении.

В 1937 году Берия сообразил, что наступил момент, когда дорога в Москву для него будет открыта.

И он усердствовал.

Беззакония 1937 года были повсеместным явлением и диктовались сверху, это бесспорно. Дирижерская рука Ежова простиралась всюду.

Но исполнители бывают разные.

Берия чувствовал себя в своей стихии и отличился. Преданная ему свора оголтелых негодяев типа Кобулова, Хазана, Кримяна, Савицкого и многих других изощрялась в изобретении все новых и мучительных пыток.

Партийные организации республик Закавказья, в частности Грузии, сильно пострадали от кровавого разгула Берия. Ленинская гвардия большевиков Грузии, Армении и Азербайджана в большинстве своем была уничтожена. Теперь ему стало легче проводить свою политику подхалимажа, угодничества, лести, самовосхваления, политику культа своей личности.

Я не знаю по какой причине руки Берия не дошли до Филиппа Махарадзе, старейшего большевика Грузии, председателя ЦИК Грузии.

У Берия было достаточно оснований, чтобы убрать Махарадзе.

Ведь Махарадзе тоже написал книжку об истории коммунистической партии Грузии. Выпустив свою книгу "Некоторые вопросы истории большевистских организаций Грузии и Закавказья", Берия начал проработку Махарадзе и его "Истории", обвинял его в том, что в своей книжке Махарадзе необъективно подошел к роли Сталина, умалил эту роль. Берия поднимал этот вопрос на активах тбилисской партийной организации, предлагая Махарадзе написать новую "Историю" с учетом того, что сказано о роли Сталина в его книге.

Махарадзе обычно отмалчивался или многозначительно говорил: "Да, новую книгу об истории Грузинской коммунистической партии я обязательно напишу".

И ничего не написал.

Совершенно ясно, что Берия был на него зол и хотел его убрать.

Богдан Кобулов с этой целью подготовил материал. По этим материалам Филипп Махарадзе являлся никем иным, как руководителем всей контрреволюционной работы в Грузии. Показания об этом давали Герман Мгаолблишвили, Карп Модебадзе, Давид Багратиони, Буду Мдивани, Шалва Элиава и много других. Нет надобности говорить о том, какими путями были получены эти показания.

Но кто-то помешал Берия.

Махарадзе умер своей смертью.

Итак, Берия готовил себе трамплин для прыжка в Москву.

Говорят, что его переезд в Москву и назначение наркомом внутренних дел СССР произошел необычным путем.

Возможно, что это и не соответствует действительности, но не исключено, что это было именно так.

Будто нарком внутренних дел Грузии Гоглидзе получил шифровку из Москвы за подписью Ежова с предложением немедленно арестовать Берия и доставить его в Москву. Гоглидзе пошел в ЦК и положил телеграмму на стол Берия.

Прочитав телеграмму, Берия спросил:

— Ты что, пришел арестовать меня?

— Так не арестовывают, Лаврентий Павлович, сами знаете, я пришел показать вам эту телеграмму.

Берия немедленно полетел в Москву к Сталину. Что там произошло, неизвестно, но Берия больше не вернулся в Тбилиси. Он был назначен наркомом внутренних дел Союза ССР. Ежов был снят с этой работы и назначен наркомом речного флота, а затем... Здесь уместно сказать: "Мавр сделал свое дело, мавр может уйти".

"Ежовые рукавицы" сделали свое разрушительное дело, теперь их можно передать Берия.

Берия забрал с собой в Москву самых преданных ему людей: Всеволода Меркулова, Богдана Кобулова, Сергея Гоглидзе, Владимира Деканозова, Сему Мильштейна и других. Без своего близкого окружения, конечно, Берия не мог чувствовать себя спокойно в Москве, а эти люди пользовались его неограниченным доверием.

Десятки других своих людей он перевел начальниками управлений НКВД по другим важным областям, наркомаами внутренних дел Украины, Белоруссии, республик Средней Азии и Закавказья.

Сталин умер.

Как мы отнеслись к этому событию? Мы, непосредственно пострадавшие от культа его личности, перенесшие так много обид, унижений, мучений, страданий?

Одни говорили так: "Мы забытые люди, нам говорят: "зря вы живете". Нам нечего ждать, пока преступник Берия здравствует и, судя по всему, плетет интриги, чтобы стать во главе государства".

Но это мнение было отражением настроений тех лиц, которые устали бороться за жизнь, потеряли всякую надежду.

Остальные придерживались другой точки зрения. Они говорили так: "Это ничего, что Берия находится у власти. Это временное явление. Вряд ли он чувствует себя хорошо. Он человек хитрый, как все интриганы, и

знает, что значил для него Сталин. Может быть "в верхах" остались отдельные приверженцы Сталина, и Берия рассчитывает на них в своих интригах, но все это вряд ли к чему определенному приведет. Теперь партия не позволит, чтобы кто-нибудь диктовал свою волю партии и народу. Не все сразу делается. Никогда не надо терять веру в партию. Даже в самые мрачные времена культа партия и народ делали свое дело, шагали вперед, строили и творили, воевали и победили, восстанавливают разрушенную войной страну. Нельзя остановить это движение вперед. Нам надо ждать, а теперьждемся наверняка".

Так рассуждали мы.

"Если бы это было так, то не положили бы Сталина рядом с Лениным, не оказали бы ему такие почести. Что-то не похоже на то, что может что-нибудь измениться", — возражали нам.

Но мы не сдавались.

"Как положили, так и могут убрать. Что и говорить, этого не следовало делать. Сталин преступник. Много крови на его совести, много славных жизней погубил он. Ему нет оправдания, и его прошлые заслуги, если они есть, не снимут с него ответственности за его преступления. Ему, конечно, не место с Лениным. Но мы не знаем какие обстоятельства привели наших руководителей к этому решению. Придет время, исправят и это".

Нам недолго пришлось ждать.

Радио сообщило об аресте Берия.

Одни ждали это сообщение с трепетом, для других это было полной неожиданностью.

А через некоторое время мы узнали, что Берия и его охвостье приговорены к высшей мере наказания.

Приговор приведен в исполнение.

Собаки подошли собачьей смертью!

Вот она, Правда!

Авторитет у народа надо заслужить. Искусственно нельзя его прививать.

Многое было сделано для того, чтобы создать вокруг Берия авторитет. Его книга не принесла ему ни имени, ни популярности. В Грузии сочиняли песни и посвящали Берия. Хотя эти песни назывались народными, но народ не знал, о ком поется в них. Даже в учебниках помещали портреты Берия и сочиняли разные сказки о нем, но школьники не знали, что за "очкастый" человек смотрит на них из книги. Подхалимы Берия в республиках Закавказья, особенно в Грузии, создавали культ личности Берия так же, как и Сталину, только разница была в том, что Сталину воздвигали громадные монументы при его жизни, а для Берия намечались места для его монументов. А пока во всех учреждениях и общественных местах "красовались" его бюсты. Именем Берия, как именем Сталина, назывались заводы, фабрики, парки, колхозы, совхозы, улицы в городах, даже целые районы. Но все это не принесло ему никакого авторитета. Берия остался временщиком. Широкие слои не знали Берия, поэтому его арест не вызвал такого резонанса.

Подумаешь, арестовали какого-то государственного преступника и расстреляли с его шайкой. Но для нас это было долгожданным событием.

Лед тронулся!

Вот она, Правда!

Дальнейшие события нарастали быстрыми темпами.

Партия сказала народу правду о Сталине.

Партия сказала о его ошибках и злоупотреблениях, о нарушениях революционной законности, о невинных жертвах.

Когда-то за знакомство с содержанием "завещания" Ленина полагался срок и не маленький, а теперь партия обнародовала завещание Ленина. Партия сказала народу о том, что предсказания Ленина сбылись и Сталин, сконцентрировав в своих руках власть, злоупотреблял ею.

Горько было сознавать эту правду. Тяжело было рассказывать об этом. Но как бы тяжело ни было, народ должен был знать правду и узнал. Так решила партия.

Партия осудила культ личности Сталина, как явление, ничего общего не имеющее с марксизмом и ленинизмом, с принципами коммунистической партии, с системой социалистического государства.

Партия решила вернуться к ленинским нормам партийного руководства.

Партия решила повести беспощадную борьбу против отвратительных последствий культа личности Сталина, против бюрократизма, оторванности от масс, против подхалимажа и угодничества.

Партия решила создать такие условия, чтобы никогда, ни при каких обстоятельствах, не имело бы места повторение прошлого — культа личности одного человека в любых его проявлениях.

Партия решила восстановить в стране революционную законность, обеспечить, чтобы никто и никогда не посягал бы на устои закона, на конституционные права советского человека.

Партия решила привлечь к государственному управлению широкие слои общественности, создавать товарищеские суды, народные дружины, общественный контроль и ряд других.

Партия решила пересмотреть все дела, по которым ни в чем не повинные люди сделались жертвами. Пересмотреть и восстановить их имена для своих близких, для потомков, для истории. Славные, добрые имена.

Вот она, Правда!

Выяснилось, что среди руководящих партийных работников нашлись такие люди, которые, являясь сторонниками культа личности Сталина, своими действиями помогавшие насаждению этого культа, отчаянно сопротивлялись этим мероприятиям партии. Эти люди не хотели, чтобы народу была сказана правда.

В своей борьбе с решениями партии эти люди опирались на свои авторитеты, прошлые заслуги и рассчитывали, что все это поможет им выйти победителем.

Разоблачение культа личности Сталина серьезно напугало всех тех, которые привыкли работать "по-сталински": подхалимов, угодников, любителей парадов и

почестей, очковтирателей, оторванных от людей бюрократов. Им было трудно привыкать к новым условиям работы, слышать критику в свой адрес и терпеть, открывать двери своих кабинетов перед народом.

А партия требовала этого.

Партия твердо заявила: кто не хочет работать по-ленински, по-коммунистически, кто не способен прислушиваться к голосу масс, пусть уйдет и уступит место другому.

Народ принял разоблачение культа личности Сталина с чувством глубокого удовлетворения. Наконец-то прояснилось небо. Мрачный период культа личности, сковавший крепким льдом сердца и мысли людей, отошел к истории, а творческая мысль человека вышла на широкую дорогу. Исчез страх за то, что чья-то творческая мысль встретит осуждение и автор будет обвинен в каком-то опасном "изм"е.

Опубликование материалов о культе личности Сталина, вызвало нездоровую реакцию в Грузии, на родине Сталина. Глубокие корни культа Сталина и Берия, насажденные в Грузии, были использованы охвостьем Берия, националистически настроенными элементами и всякого рода провокаторами. Они устраивали демонстрации, появились лозунги: "Сталин наш (он, мол, грузин), мы не дадим ревизовать его". Но богатая славными революционными традициями коммунистическая партия Грузии сумела обуздать все это охвостье Берия, повела большую разъяснительную работу среди молодежи и взялась за нужное дело ликвидации последствий культа личности в Грузии.

Все гнилое наслоение, вся нечисть, что своим существованием были обязаны культу личности, были сметены.

Прокуратура Союза ССР и ее органы на местах занялись пересмотром дел, по которым люди были необоснованно осуждены. Наконец-то был снят крепкий замок с архива, где хранились эти дела.

Многие ждали этого пересмотра еще в 1937 году, но не дождались.

Многие надеялись за долгие годы пребывания в тюрьмах и лагерях, но их надежды не сбылись...

Прокуратура была завалена просьбами о пересмотре дел. Писали оставшиеся в живых репрессированные, писали родные тех, которым не суждено было услышать голос Правды. Прокуратура была сильно перегружена, но она проявила максимум оперативности и гибкости, чтобы обеспечить своевременный пересмотр дел.

Неиспользованные бланки с печатным типографским шрифтом о том, что "нет оснований к пересмотру дела", теперь уже не нужны.

Я обратился с большим письмом в прокуратуру Союза ССР, в котором описал все то, свидетелем чего я был. Назвал людей, которых я встречал за время следствия, с которыми я отбывал сроки в разных тюрьмах. Прокуратура Закавказского военного округа переложила мое письмо в обширные показания в несколько десятков страниц и использовала их при пересмотре дел. Я оказался нужным человеком для прокуратуры. Еще бы! Живой свидетель, вернувшийся с "того света".

Пересмотром моего дела занялась особая инспекция отдела кадров комитета госбезопасности Грузии. После того, как дело было пересмотром закончено, мне было заявлено, что моя реабилитация будет зависеть от проверки всей моей деятельности как работника ВЧК-ОГПУ-НКВД.

Моя совесть была чиста, и я спокойно ждал окончания этой проверки.

Помню один эпизод. Мое дело находилось в процессе пересмотра.

Как-то в комендатуре КГБ я столкнулся с Давлианидзе. Я хотел пройти мимо, но он поздоровался, остановил меня и спросил:

- Ну, как дела, реабилитировали тебя?
- Еще нет.
- Я тебе помогу.

– Спасибо, ты мне уже один раз помог и очень здорово помог, достаточно вполне. Твоей помощи не надо, но говорить правду ты обязан.

– Ты сидел и не знаешь, что творилось тогда. Я им скажу всю правду.

Сперва хотели дать мне очную ставку с Давлианидзе, но потом мне сказали, что нет никакой надобности к очной ставке, и что Давлианидзе написал то, что от него потребовалось.

Очная ставка не состоялась. Но все-таки она имела место позже, в прокуратуре Закавказского военного округа, когда Давлианидзе был привлечен к ответственности за преступления, совершенные им в 1937 году.

Прокурор поставил перед Давлианидзе вопрос примерно так:

– Лично вами были составлены две справки на Газаряна. Одна справка датирована 1937 годом и в ней указано, что Газарян является членом контрреволюционного заговора и занимался вредительством. В другой справке, датированной 1954 годом, вы написали, что Газаряна вы знали как честного человека, авторитетного и всеми уважаемого в коллективе. Какая из этих справок соответствует действительности?

– Обе справки соответствуют действительности, – ответил Давлианидзе.

– Я ничего не понимаю. В 1937 году вы назвали Газаряна предателем и негодяем. За это могли его расстрелять. А в 1954 году вы возводите его до небес. Я еще раз спрашиваю, какая из этих справок соответствует правде?

– Еще раз отвечаю: обе.

– Тогда разъясните вашу мысль.

– Разъясню охотно. В 1937 году я работал с Газаряном. Он был моим начальником. Я знал его хорошо и знал как порядочного, честного и всеми уважаемого человека-коммуниста. И я его уважал. Вдруг Газаряна арестовали. Я был очень удивлен, но в правильности ареста Газаряна я не сомневался. Многие аресты тогда вызывали удивление, но никто, в том числе и я, не мог предполагать, что эти люди арестованы по ложному

бвинению. Вызвал меня мой начальник Богдан Кобулов и предложил мне составить справку для оформления дела Газаряна. Он дал мне материалы для справки. Из этих материалов усматривалось, что Газарян — участник контрреволюционного заговора. Я составил справку. К этой справке надо подойти с точки зрения 1937 года. Тогда вы сами поймете, что я поступил правильно. Прошли годы, и выяснилась вся изнанка дел 1937 года. Теперь я убеждаюсь, что Газарян был и остался честным человеком, поэтому не задумываясь пишу об этом. Появляется вторая справка. Она тоже соответствует действительности. Если бы в 1937 году я знал, что против Газаряна создается фальшивое обвинение и я своей справкой помог этой фальсификации, тогда я мог бы ответить на ваш вопрос, что первая справка ложная, вторая соответствует истине.

Спор между прокурором и Давлианидзе длился долго и, наконец, Давлианидзе признал, что справка, составленная в 1937 году ложная, а справка, составленная теперь, в 1954 году, правильна.

За ряд тяжких преступлений, совершенных Давлианидзе в 1937 году, он был приговорен к 25 годам тюрьмы.

Часто бывает так, что долгожданное событие происходит как-то неожиданно.

Однажды, к концу рабочего дня позвонили мне на работу и предложили немедленно явиться в руставское отделение комитета госбезопасности.

Хотя дамоклов меч больше не висел над головой, но по старой привычке я попросил сослуживца, соседа по квартире, зайти к нам домой и предупредить Марину, что меня вызвали в КГБ.

По дороге я долго думал о причине внезапного и немедленного вызова и ни до чего не мог додуматься. Когда пришел и назвался, меня сейчас же ввели в кабинет начальника. Я узнал его. Схиртладзе. В 1937 году он работал в нашем же отделе младшим оперативным работником.

Он меня принял приветливо, стоя, и, к моему удивлению, обратился ко мне со словом "товарищ".

– Вы меня узнали, товарищ Газарян?

– Да, узнал.

– Так вот. Я просил вас зайти к нам для того, чтобы поздравить вас и, поверьте, это делаю с радостью. Поздравляю, рад за вас.

Я был удивлен. Я забыл, что давно жду ответа о пересмотре моего дела, и вовсе не ожидал, что об этом скажут мне в руставском отделении КГБ.

– Но я не знаю, с чем вы поздравляете меня и за что я должен поблагодарить вас.

– Как за что? Получили ответ по вашему делу. Вы полностью реабилитированы.

Я сразу же почувствовал какую-то странную слабость во всем теле. Мне всегда казалось, что когда объявят о моей реабилитации, у меня сердце разорвется от радости. Я с удивительным спокойствием принял это известие, не поблагодарил за поздравление, и правильно сделал, за что благодарить? За что?

Я задал ему глупый вопрос:

– А что я должен теперь делать?

– Как что? Завтра же меняете паспорт, получите чистый, без этого пункта "39". Похлопочите о восстановлении в партии, да мало ли что, Господи!

– Да, конечно, – сказал я как-то рассеянно.

Он протянул мне справку военной коллегии: "... За отсутствием состава преступления... дело прекратить..."

Как метко сказал Горький, что чувства шире слов. Какие слова я должен подобрать, чтобы они передали все то, что я чувствовал в тот момент? Все пережитое за эти годы, долгие годы в тюрьмах и после выхода на свободу, все лишения и унижения, страдания – все хлынуло потоком. Никакой радости не было, а было чувство глубокой боли и обиды...

А что стало с теми извергами, которые бесчинствовали в 1937 году?

Следует прежде всего сказать, что 1937 год не следует понять как календарный год, ограниченный одним годом. Нет, 1937 год — это общее понятие, характерное и для последующих годов, когда беззакония и бесчинства продолжались, пока орудовали в органах безопасности Берия и его приспешники.

Прокуратура, в процессе пересмотра дел, сфабрикованных в 1937 году, выявила конкретных виновников и привлекла их к уголовной ответственности за нарушение революционной законности.

Была осуждена группа работников Украины, Ленинградской области и так далее.

Уголовное дело было возбуждено также в отношении закавказских работников.

Выездная сессия Военной коллегии Верховного суда СССР под председательством генерал-лейтенанта Чепцова приехала в Тбилиси для разбора дел ближайших подручников Берия, особо отличившихся своими зверствами. К суду были привлечены: Бухадзе, Рапава, Церетели, Хазан, Крымян, Савицкий, Парамонов и Надарян. Восемь человек.

Государственным обвинителем выступал Генеральный прокурор Союза ССР Руденко.

Обвиняемых защищали восемь защитников. Каждый имел своего защитника. Так требует закон. А как судили сами в 1937 году?

Суд начался 10 сентября 1955 года в доме железнодорожников на Плехановском проспекте. Зал вмещал около 800 человек и всегда бывал набит до отказа. Если бы зал вмещал в десятки раз больше людей, то все равно все желающие не могли попасть туда. Десять дней, пока шел процесс, Плехановский проспект у клуба железнодорожников был запружен народом.

В зал суда пропускали по билетам. В первую очередь билеты получали реабилитированные. Кроме того,

на каждое судебное заседание распределяли билеты по фабрикам и заводам, по учреждениям как Тбилиси, так и других городов Грузии.

На суде выступало несколько десятков свидетелей, в основном пострадавшие в 1937 году и члены их семей.

Среди свидетелей оказались некоторые работники НКВД Грузии, которые в процессе суда превратились в обвиняемых.

Был вызван в качестве свидетеля и я.

Одного за другим приводили арестованных к скамьям подсудимых. Рухадзе передвигался с трудом. Прежде, чем сесть, он бульдожьим взглядом осмотрел зал и кого-то искал. Рапава и Церетели опустили головы и ни на кого не смотрели. Хазан, Савицкий и Крымян, одетые в хорошие костюмы, бодро прошли и заняли свои места. У Парамонова был растерянный вид, а Надарян прошел с таким безразличием к своему стулу, будто все происходящее не имело к нему ни малейшего отношения.

Начался процедурный опрос обвиняемых. После выяснения анкетных данных суд спрашивал каждого из них, не имеют ли они возражений против состава суда и какие они имеют заявления суду.

Возражений против состава суда ни у кого не было, но у каждого из них было много заявлений суду. Каждый из них имел папку перед собой, каждый листал бумаги и делал заявления.

Первое заявление сделал Рухадзе. Он представил суду большой список документов и просил, чтобы эти документы были приобщены к делу. По его заявлению, эти документы должны были служить доказательством того, что он был только исполнителем и выполнял волю своих начальников.

Крымян просил затребовать из Армении какой-то протокол заседания ЦК КП Армении, где записано, что он, будучи наркомом внутренних дел Армении в таком году, поднял вопрос о реабилитации Егише Чаренца.

Так, по очереди, каждый из обвиняемых представил суду список документов и просил, чтобы они были бы найдены и приобщены к делу.

Надара я был исключением. Он не делал никаких заявлений, перед ним не было никаких папок и никаких документов он не требовал.

Процедурные формальности окончены. Прежде чем приступить к допросу обвиняемых, суд попросил свидетелей покинуть зал и перейти в комнату свидетелей.

Жаль, но ничего не поделаешь. Свидетель может оставаться в зале суда только после того, как он допрошен.

Но мне повезло. Приехавших из района свидетелей вызвали в первую очередь. Рустави тоже считается районом. Меня вызвали одним из первых.

Я не знаю, было ли это случайным совпадением, или специально было сделано, когда вызвали меня на трибуну свидетеля, в зале было много руставцев. Выяснилось, что именно на это заседание было послано 50 разовых билетов в Рустави.

Судья начал обычный анкетный вопрос. На вопрос о моей партийности я ответил:

– Член КПСС.

Вмешался Руденко:

– А почему во время предварительного следствия на этот вопрос вы ответили – беспартийный?

– Потому что когда я давал прокуратуре показания, я еще не был восстановлен в партии.

– А теперь восстановлены?

– Да.

– С вашим прежним партийным стажем?

– Да.

– Значит вы являетесь старым большевиком?

– Да.

Нет нужды разяснять, что именно хотел подчеркнуть Руденко своими вопросами.

Председатель суда обратился к каждому из обвиняемых в отдельности и спросил, нет ли между ними и мною личных счетов.

Нет, ни у кого личных счетов со мной не было. Все ответили на этот вопрос отрицательно.

Затем этот же вопрос был задан мне. Я ответил так:

— Нет, никто из подсудимых со мной никаких личных счетов не имел и не имеет, за исключением, пожалуй, Кримяна. Но я не знаю, можно ли считать личным счетом то, что я имею в виду.

— А что вы имеете в виду?

— Дело в том, что обнаженный перед вами в своей омерзительной нагоде, Кримян вдобавок ко всему вор.

Председатель суда перебил меня:

— Вор?

— Да. Обыкновенный вор.

Я рассказал суду о нечистых делах Кримяна и добавил:

— К сожалению, чичиковские "мертвые души" еще не извелись. Один из них — Кримян. Будучи работником НКВД Закавказья, он в какой-то артели, председателем которой был дядя Кримяна, числился как "мертвая" штатная единица и ежемесячно клал в карман зарплату "мертвой души". После того, как эти и другие материалы, о которых я вам доложил, были проверены и подтверждены, я добился увольнения Кримяна из экономотдела и вопрос о привлечении его к ответственности поставил перед наркомом. Из экономотдела его убрали, но не знаю почему к ответственности не привлекли. Кримян, узнав о причинах своего увольнения, разразился угрозами по моему адресу: "Я заставлю мать Газаряна заплакать". Я опускаю уличную, хулиганскую брань. Моя мать очень много и долго плакала. Шесть лет, с 1937 по 1943 годы она все время плакала и со слезами сошла в могилу. Это я и квалифицирую личным счетом.

Кримян, как я сказал, не был привлечен тогда к ответственности за свои нечистоplotные дела. Наоборот, эта нечистоplotность, как видно, привлекла внимание Берия и Кобулова, и они сделали его своим подручным. Кримяну ничего не стоило свести со мной

счета в 1937 году, когда он играл одну из первых скрипок в кровавом шабаше. Разве трудно было заставить Лорткипанидзе включить и мою фамилию в его так называемые "показания"?

Судья обратился к Кримяну:

— Обвиняемый Кримян, вы слышали показания свидетеля Газаряна? Что вы можете сказать по существу?

— Меня эти показания очень удивляют. Я знал Газаряна как уважаемого, авторитетного товарища и начальника. К аресту Газаряна я не причастен.

Все. Ни единого слова по существу моих показаний о его нечистоплотности.

Слово попросил Хазан:

— Я подтверждаю показания Кримяна. Он не имел никакого отношения к аресту Газаряна. Кримян правильно характеризовал Газаряна как человека, пользующегося большим авторитетом.

Руденко перебил Хазана:

— Это не помешало вам убрать Газаряна.

— Может быть, именно это и явилось причиной его ареста, — цинично ответил Хазан. — Распоряжение об аресте Газаряна мы получили от Берия. Оформить арест было поручено Давлианидзе.

— После ареста Газаряна и других работников НКВД было ли созвано партийное собрание наркомата? — спросил Руденко у Хазана.

— Да, — ответил Хазан.

— Какой вопрос обсуждался на нем?

— Коварные методы работы врага в органах НКВД.

— Кто делал доклад на эту тему?

— Я.

— Какое было вынесено решение?

— Все арестованные сотрудники НКВД, в том числе и Газарян, были исключены из партии.

— Значит авторитетного большевика, уважаемого в коллективе человека, и много таких же, как он, вы представили собранию классовыми врагами и добились исключения их из партии?

– Да.

– То, что Газарян присутствует сегодня здесь, это счастливая случайность. Можно сказать, человек явился с того света. А сколько человек, исключенных из партии по вашему докладу, к несчастью, не могут занять трибуну свидетеля на этом судебном процессе. За Газаряном стоят много немых свидетелей, и в этом повинны вы, Хазан. Вы это признаете?

– Да, признаю.

Затем председатель предложил мне изложить свои показания. Я рассказал обо всем. Начал с камеры, где я провел первые четыре дня заключения, говорил о Лакоба и Нахапетове, Чалмазе и Мебуке, Багратиони и Буачидзе, Абелове и Керкесалия, Гегия и Салуквадзе, и многих других.

Я рассказал и о себе, о пытках, которым я подвергался, о моем следователе Айвазове. Рассказал о Любе, о ее трагическом конце, о смерти матери, о трагедии детей.

Я говорил полтора часа и никто не перебил меня.

Когда я кончил, председатель обратился к обвиняемым и спросил, нет ли у них вопросов ко мне. Вопросов не было ни у обвиняемых, ни у их защитников.

Прежде чем сойти с трибуны свидетеля, я просил разрешить мне добавить несколько слов к моим показаниям.

Мне разрешили.

– Как будто я все сказал. Может быть время стерло кое-что из памяти. Ко всему сказанному хочу добавить несколько слов. В 1921 году, когда я молодым кандидатом партии был мобилизован в чека, на первой анкете, которую я заполнил, был девиз: "Чека – храм революции". Мы, старые чекисты, всегда свято чтити этот пролетарский храм, созданный Лениным и руководимый Дзержинским. Эти органы пользовались любовью со стороны широких масс трудящихся нашей страны. В своей работе мы всегда чувствовали эту любовь и помощь.

Но всякая грязь липнет к чистому. Обидно за поруганное имя нашего славного органа.

Обидно и очень больно за те благородные жизни, что они загубили. Нет славных революционеров Мамия Орахелашвили и Михаила Кахиани, Саака Тер-Габриеляна и Агаси Ханджяна, Гусейна Рахманова и Газанфара Мусабекова. Обидно за талантливых сынов грузинского и армянского народов Паоло Яшвили, Тициана Табидзе, Егише Чаренца и Акселя Бакунца и многих других. Больно и обидно за многолетние наши страдания и мучения, лишения и унижения. Обидно за жену, поставленную в условия, вынудившие ее лечь под поезд, оставив двоих детей. Обидно за поруганное и исковерканное детство моих и многих детей, обидно за слезы и голодную смерть моей матери и многих других матерей...

Но я чувствую сегодня большое моральное удовлетворение. После всего пережитого я сегодня стою здесь с высоко поднятой головой, с чистой совестью, а Хазаны, Крымяны, Савицкие и им подобные не смеют поднять головы и смотреть мне в глаза.

Я уверен, что справедливый суд сметет с лица земли всю эту нечисть, всю эту свору, но поганая смерть кучки негодяев не вернет многие тысячи благородных жизней лучших и нужных людей...

В перерыве между заседаниями окружили меня жены многих погибших товарищей.

— За 18 лет я впервые услышала живое слово о моем муже, скажите, пожалуйста, что еще вы знаете о нем?

Это была жена Кобиашвили, из-за которого Багратиони так сильно переживал.

— Вы нигде не встречали Виссариона Чичинадзе? — спросила высокая, худая, вся в черном, очень плохо одетая, поседевшая женщина.

Я не узнал жену Чичинадзе. Уж очень она изменилась.

— Спасибо вам за добрые слова о моем отце, — сказала очень милая, еще молодо выглядевшая Кето Орахелашвили.

– Может быть, вы еще что-нибудь знаете о страданиях и последних минутах жизни моего мужа, – с усиленным сдерживая слезы спросила жена Сосо Буачидзе.

Мне бы очень хотелось увидеть жену и дочь Багратиони, но ни той, ни другой не было там. Я потом узнал, что их не было тогда в Тбилиси.

Подошли ко мне руководящие работники треста Закавказского металлургстроя Петриашвили и Тодрия.

– А ведь я не знал, что вы старый большевик, – сказал Тодрия.

– Зато вы великолепно знали, как преследовать меня и таких, как я. Знали, как отравлять нам жизнь, – ответил я и отошел от них, чтобы не продолжать неприятный разговор.

На этом заседании присутствовал и Вишняков. Он тоже видел меня во время перерыва, но сделал вид, что не заметил. Слава Богу!

На процессе выявились омерзительные, страшные, неслыханные по своей жестокости подробности зверств, совершенных сидящими на скамье подсудимыми.

Один за другим поднимались на трибуну свидетели. Все новые и новые лица, новые подробности диких расправ.

Вот на трибуне светловолосая, с грустными глазами женщина. Она жена работника НКВД Осипова. Того самого, который присутствовал на суде, когда военная коллегия "разбирала" мое дело. Теперь его жена Рахиль Осипова приятным грудным голосом рассказывает:

– 19 января 1938 года арестовали мужа. Пришли домой, перерыли все. В соседней квартире жила семья Хазана. Дети играли вместе то у них, то у Осиповых. Рахиль подумала пойти к Хазану и узнать в чем дело. Через несколько часов после ареста мужа пришли за ней и вызвали ее к Хазану. Она обрадовалась: наконец-то узнает в чем дело. Хотела переодеться, но работник поторопил и сказал, что скоро она вернется. Пятилетняя дочь, увидев, что мать куда-то торопится, недовольно хныкала.

Майя, ты поиграй, я сейчас вернусь, – успокаивала она дочь. И ушла.

Привели ее в кабинет Хазана, усадили на диван, рядом уселся Кримян. Рахиль хотела спросить у Хазана о муже, но он сидел с таким видом, что она не рискнула. Хазан обратился к Рахиль:

– Расскажите нам о контрреволюционной работе вашего мужа.

У Рахиль отнялся язык, хотела что-то сказать, но не могла.

Хазан ударил рукой по столу.

– Вы что, не слышите?

– Вы меня? Seriously? – еле выговаривает она.

Неожиданно Кримян сильно ударил ее.

Потемнело в глазах.

– Уберите, – скомандовал Хазан.

Без обыска ввели ее в камеру.

Остались у нее на руках кольцо, золотые часы.

Сокамерницы отнеслись с недоверием. Что это за арестантка с золотыми украшениями...

Рахиль не могла осмыслить происшедшее. Ведь несколько дней назад дети вместе встретили Новый год. Хазан пригласил их на обед. Лазарь категорически отказался идти, но не говорил по какой причине. Они обрывали телефон, звали. Пошла одна, без Лазаря...

А теперь... "Расскажите о контрреволюционной работе мужа". Что творится, Господи?

Ночью привели ее в кабинет наркома Гоглидзе. Там спиной к ней стояли 5-6 человек. Среди них Кобулов и Хазан.

Когда Рахиль подошла к столу, то стоящие к ней спиной люди разошлись и стали за ней стеной. Тогда она увидела лежащего на полу мужа. Нога была положена на галошу. Не нога, а какой-то бесформенный обрубок, весь залитый иодом и кровью. Руки как-то страшно свисали, лицо окровавленное, волосы, запекшиеся кровью, стояли дыбом. Глаза были закрыты. Он открыл глаза, посмотрел на нее и, еле шевеля губами, спросил: "Где Майя?" Рахиль сама не знала где

ребенок, что с ней стало. "Чтобы ты знала, что я ни в чем не виноват".

Рахиль потеряла сознание...

Рахиль Осипову допрашивал Кримян. Он вызывал ее каждый день. На столе, кроме книги "История КПСС", графина с водой и стакана, ничего нет. На полу чемодан. Он подбирал хлысты из чемодана, мочил водой, подходил к ней и бил. Она падала, он обливал ее водой и снова бил. Потом садился на свое место и листал "Историю КПСС". Дальше все повторялось снова в течение нескольких часов. Все это происходило при полном молчании.

Так продолжалось двадцать семь дней.

Наконец, Рахиль вызвали в другой кабинет, говорили с ней по-человечески, подготавливали к тому, что она будет выслана. Затем перевели в тбилисскую тюрьму. Сидела девять месяцев без прогулки.

Затем вызвали женщин, объявили сроки. Рахиль получила пять лет. Жена другого работника НКВД Цомадоса – восемь лет. Та серьезно смутилась.

– Рахиль, почему тебе 5 лет, а мне 8, ведь твой муж старше по должности.

Но и Рахиль просидела все восемь.

Осиротевшую Маечку подобрали и приютили родственники.

Рахиль и на суде не могла узнать о судьбе мужа. Для самого суда этот вопрос остался открытым.

А дело? Можно же перелистать дело и узнать, при каких обстоятельствах был убит Осипов.

Дела нет.

Несколько десятков дел было уничтожено, в том числе и дело Осипова.

После показаний Осиповой прокурор обратился к Хазану:

– Из печати вышла книжка под названием "Моральный облик советского человека". Автор книги Александров. Вы не знакомы с таким автором?

– Эту книгу написал я. Александров – мой псевдоним, – ответил Хазан.

— Ах вот что. Значит, вы автор книги, которая называется "Моральный облик советского человека". Какое бесстыдство! Ведь вы зверь. Зверь жестокий. Трудно придумать что-нибудь более страшное, чем то, что вы сделали с Осиповой. И вы взялись читать мораль советским людям. Как только вам не стыдно, Хазан!

Среди обвиняемых самый молодой по возрасту был Парамонов. В 1937 году он был рядовым работником в одном из отделов НКВД Грузии, и я был очень удивлен, когда увидел его на скамье подсудимых.

Прокурор допрашивал Парамонова.

— Какое у вас образование, Парамонов?

— Низшее.

— Какую должность вы занимали перед арестом?

— Должность начальника следственного отдела НКВД Союза ССР.

— За какие заслуги подняли вас так высоко, Парамонов? Ведь у вас нет не только юридического образования, что обязательно даже для рядового следователя, но и среднего общего...

Парамонов молчал.

— Вы молчите, Парамонов, но ответ напрашивается сам собой. Для того, чтобы узаконить все незаконные дела, нельзя было найти более послушного человека, чем вы.

Среди прочих обвинений Парамонову было предъявлено обвинение в убийстве Григория Зеленцова.

Зеленцов работал начальником картографического отдела НКВД Грузии. В 1937 году он был арестован и приговорен к расстрелу. Но... не успели расстрелять. Перед тем, как вывести его на расстрел, привели в одну из комнат комендатуры, наверно, для выполнения каких-то формальностей. В это время вошли в эту комнату Крымян и Савицкий. Они стали издеваться над обреченным человеком. Что им надо было? Развлечься, что ли? А затем стали его избивать. Били до тех пор, пока на полу не осталось бездыханное тело Зеленцова.

Один из надзирателей показал, что и Парамонов участвовал в этом деле. Парамонов отрицал. Савицкий и

Крымлян утверждали, что Парамонов не причастен к этому делу.

На суде выяснилось, что надругательства и глумления над арестованными, приговоренными к расстрелу, принимали систематический характер.

Начальник отдела кадров НКВД Грузии Борис Морковин, на редкость прямолинейный, принципиальный, честный коммунист, был приговорен к расстрелу. Над ним тоже глумились Савицкий и Крымлян. "Морковин, представь нас к орденам", "Морковин, дай нам повышение", говорили они, ругая его матерно и жестоко избивая.

Много было разговоров в суде о двух камерах, в которых сажали людей. Не о тех ли камерах шла речь, в одной из которых я провел первые дни своего ареста?

Рухадзе просил затребовать документ, из которого усматривается, что он распорядился запечатать эти камеры и запретил сажать в них кого-либо.

Рапава опроверг эти показания Рухадзе и сказал, что он сам сидел в одной из них.

Да, Рапава тоже был арестован и вот при каких обстоятельствах.

В 1952 году, когда Рухадзе был председателем госбезопасности Грузии, возникло так называемое "мингрельское дело". По обвинению в антигосударственном заговоре несколько мингрельцев было арестовано, и среди них Рапава. Каким образом Рухадзе не учел, что при мингрельце Берия заводить такое дело равносильно игре с огнем, я не знаю. Все арестованные по "мингрельскому делу" были переведены в Москву. Распоряжением Берия это дело было прикрыто и все арестованные были выпущены на свободу. Когда они вернулись в Тбилиси, им была устроена торжественная встреча. Рапава был назначен министром госконтроля Грузии.

Чтобы больше не было таких поползновений, председателем комитета госбезопасности Грузии был назначен верный пес Берия Владимир Деканозов.

На суде выявились кошмарные подробности преступлений в отношении двух лиц – мужа и жены, совершенных по распоряжению Берия. Физическими убийцами являлись Рапава и Церетели.

Убили и инсценировали автомобильную катастрофу.

Они об этом рассказывали спокойно, будто речь шла об обыкновенном явлении.

Смотришь на них и думаешь, сколько в них подлости, гадости, зверства...

На трибуну поднимается пограничный офицер в звании полковника. 16 лет он провел в тюрьмах и лагерях.

Он был арестован с группой офицеров по обвинению в каком-то заговоре. Арестованных доставили почему-то на дачу Рухадзе, где он в домашней пижаме учинил допрос и тут же устроил пытки.

Спокойным, тихим голосом рассказывал этот офицер о том, какие мучения он перенес за эти долгие годы заключения.

Но его воля не была сломлена.

– Я верил, что настанет время, когда все эти преступники будут держать ответ перед советским народом и судом, – говорил убежденный сединами уважаемый человек, полковник советской армии.

На трибуну поднялась белая, как лунь, старуха, жена погибшего Дмитрия Орджоникидзе, брата славного Серго Орджоникидзе. Берия питал звериную ненависть ко всему тому, что было связано с именем Серго Орджоникидзе. Старший брат Серго был расстрелян, много родственников Серго пострадали.

Жена Дмитрия Орджоникидзе не могла закончить свои показания. Она разрыдалась и сошла с трибуны...

Суд подробно разбирал дело *об убийстве малолетнего сына Нестора Лакоба Рауфи* и трех его товарищей-школьников...

Малолетний Рауфь Лакоба и его три товарища были арестованы и заключены в лагерь. Не зная, за что они сидят и в чем их вина, ученическим почерком они написали заявление на имя Берия, просили выпустить их на свободу и дать возможность продолжать учебу.

Получив такое заявление, людоеды спохватились: "Каким образом сын Лакоба остался жив?" Авторы заявления были перевезены в Тбилиси и расстреляны.

На судебном процессе началась отвратительная перебранка по этому делу между вызванным в свидетели Пачулия и обвиняемым Рухадзе. Пачулия являлся тогда наркомом внутренних дел Абхазии и, следовательно, начальником Рухадзе, работающим в одном из районов Абхазии. Пачулия изворачивался, мол: "Я не я и хата не моя", но отказываться от своей подписи под документами, которые предъявил суд, он не мог.

Пачулия утверждал, что никаких пыток к обвиняемым по "абхазскому делу" он не применял. Нет же живого человека, кто докажет обратное? Он никак не мог предполагать, что есть живой человек, который видел своими глазами кровавые полосы Лакоба и Чалмаза.

Через несколько дней после этого процесса Пачулия был арестован и понес наказание за свои преступления.

Участь Пачулия разделил другой "свидетель" – Давлианидзе.

Десять дней длился процесс. Десять дней разматывал суд клубок тягчайших преступлений.

Но бандиты изворачивались. Только под давлением улики они опускали головы и цеплялись за спасительную соломинку: мы, мол, выполняли указания наших начальников...

Только один подсудимый – Надарая – был как-то в стороне от всего происходящего на процессе. Да и суд мало его "тревожил", мало спрашивал.

Надарая был дежурным комендантом НКВД Грузии. Неизвестно за какие заслуги Надарая попал в Москву в числе избранников Берия. Возможно, что его своеобразная заслуга перед своим начальником началась в Грузии.

В чем же все-таки заключалась заслуга Надарая?

Он, оказывается, выполнял роль охотничьей собаки, проявляя при этом отличные способности. Развратнику Берия понравилась случайно встретившаяся женщина

или девочка. В таких случаях Надарая получал короткую команду: "Достань". Надарая не знал промаха. Он выслеживал и доставлял жертву в специально предназначенный для этого дом. Попавшая в капкан жертва, как бы ни билась, не могла высвободиться из цепких когтей ищейки. Хозяин был доволен собакой.

Вот вся роль Надарая.

— А сколько было таких жертв? Сколько девочек на вашей совести?

Надарая удивлен таким вопросом прокурора. Разве он считал?

Десять дней с напряженным вниманием тысячи людей следили за ходом суда. Сыпались проклятия на головы преступников: "Чтобы вы подохли, окаянные изверги", "Как только земля носит таких супостатов?", "Расстрелять всех, как бешеных собак", "Нет, загнать их в клетки, как зверей и выставить напоказ, чтобы люди проходили мимо и плевали в их подлые рожи", "Что расстрелять! Надо каждый день отрезать от них по кусочку мяса и бросать воронам на съедение..."

Десять дней толпы людей стояли на Плехановском проспекте и ловили сведения из зала суда.

Судебное разбирательство кончилось. Прокурор Советского Союза произнес обвинительную речь. Он потребовал высшую меру наказания шести обвиняемым из восьми.

А защитники? На то они и адвокаты, чтобы искать букву закона или смягчающие обстоятельства, чтобы, цепляясь за них, просить суд быть снисходительным к своим подзащитным. Надо быть справедливым, защитники сделали все, чтобы спасти шкуры своих подзащитных.

Сказали последнее слово и обвиняемые.

Перед правосудием каждый из них дрожал, как осиновый лист.

Церетели что-то хотел сказать, но не мог. Заплакал. Нет ничего омерзительнее, когда бандит, убивший человека ударом молотка по голове, со слезами просит снисхождения.

Другой убийца, Авксентий Рапава, под возмущенный гул зала заявил, что все, что ему приписано, он совершил по прямому указанию своего начальника, поэтому он ни в чем не виноват и просит его полностью оправдать.

Рухадзе в своей длинной путаной речи продолжал ссылаться на документы, которые должны доказать, что он не всегда был слепым исполнителем распоряжений своих начальников, но и протестовал против неправильных распоряжений и выполнял их тогда, когда начальники вторично приказывали выполнить то, что ему предлагают. Итак, Рухадзе тоже совершил все, в чем его обвиняют, но за эти действия должны отвечать его начальники, а не он.

Крымлян знал, что никакие ссылки на начальников ему не помогут, поэтому он коротко просил: "Прошу сохранить мне жизнь и дать мне возможность не словами, а делами доказать, что я в состоянии искупить свою вину".

— Подлец, — возмущенные голоса неслись из зала, когда Крымлян произносил эти слова.

Парамонов сослался на свою молодость: "Молодость всегда нуждается в снисхождении к себе. Будьте и вы ко мне снисходительны". Иначе говоря: "Дядя, прости меня, пожалуйста, я больше не буду".

Хазан и Савицкий иначе построили свои последнее слова. Их речь приблизительно была такова: "Конечно, рассматривая наши дела с сегодняшней точки зрения, никакого снисхождения мы не заслуживаем. Но когда в комнате совещания вы будете решать нашу судьбу, то учтите и то, что мы молодыми людьми поступили в НКВД для борьбы с контрреволюцией. Плохо ли, хорошо ли, мы работали в пределах наших возможностей. Наступил злополучный 1937 год. Нас вызвал Берия. Не тот, который разоблачен как враг советского государства, а тот, который в качестве секретаря ЦК КП Грузии облечен доверием. Берия говорит нам, что мы плохо работаем, что перед нашим носом враг активно действует, а мы его не видим и, если мы не умеем

работать, то лучше вам идти на базар и торговать зеленью. Берия берет руководство нашей работой в свои руки, дает нам указания как вести следствие, как применять пытки. Ничего общего между этими указаниями Берия и теми, которые мы получали от наших начальников, не было. Тогда мы арестовали всех наших начальников, за исключением, пожалуй, Гоглидзе и Кобулова, проводили следствие по указаниям Берия. Арестованные признавались в контрреволюционных преступлениях. Тогда мы убеждаемся, что поступаем правильно. Гоглидзе и Кобулов нами довольны. Когда мы убивали людей под пытками, нас не наказывали, даже не упрекали ни в чем. Значит, и это можно. В нашем же здании заседала Выездная сессия Военной коллегии Верховного суда Союза ССР. Многие из арестованных жаловались суду, заявляли о пытках, показывали кровавые тела, отказывались от показаний, данных под пытками. Суд не только не обращал внимания на такие заявления, но беспощадно приговаривал этих людей к расстрелу. Мы еще раз убеждаемся, что поступаем правильно. Вот эту сторону дела если вы учтете в совещательной комнате, то найдете смягчающие обстоятельства в наших преступлениях”.

С легкостью фокусника они перекладывают на чужие плечи ответственность за собственные преступления. Ни слова о совести, о чести, о человеческой порядочности. До какого изуверства дошли мерзавцы. Убивать людей под пытками, а потом заявить: ”Мы думали, что поступаем правильно”.

Какая подлость!

Но что можно ожидать от такого человека, как Хазан, который убил своего же друга, глумился над его женой, совершил много тяжчайших преступлений, а потом спокойно взялся за перо, чтобы читать проповедь о морали. Что можно придумать аморальнее этого поступка?

Надаряя, молчавший все время процесса, не захотел говорить и теперь. Его последнее слово было очень коротким. Он сказал: ”Судите по совести и как велит закон, мне больше не о чем говорить”.

Справедливый приговор был встречен продолжительными аплодисментами. Церетели, Рапава, Рухадзе, Хазан, Савицкий и Крымян были приговорены к расстрелу. Парамонов был осужден на 25 лет, Надарая – на 10 лет.

По всей вероятности, участие Парамонова в убийстве Зеленцова суд счел недоказанным.

Возмездие задержалось, но оно пришло!

Мое состояние в те дни было лихорадочно. Марина, в связи с реабилитацией Гриши и своей, находилась в Москве. Я жил у Анаиды. Мое возбужденное состояние передалось и ей.

Я снова пережил все, что было пережито!

Получилось так, что в те дни я оказался в центре внимания. По существу я был единственный человек, живой свидетель, вернувшийся, как выразился прокурор, "с того света".

Полковник, о котором я рассказывал, прилетел откуда-то в последние дни судебного процесса.

Конечно, могли бы присутствовать на суде Акакий Кохреидзе и Сосо Мгебришвили, но первый лежал тяжело больной, а второй находился в далеком Норильске.

Меня окружали жены погибших в 1937 году людей. Каким-то образом узнавали адрес Анаиды и приходили туда.

Всех интересовал один вопрос. Встречался ли я с их мужьями в тюрьмах. Дело в том, что когда родные обращались в органы НКВД и просили сообщить о местонахождении своих близких, то получали стандартный ответ: "Сослан в отдаленный лагерь без права переписки".

Правду от них скрывали.

Одни давно перестали верить этим справкам и считали своих мужей погибшими, другие верили, надеялись и ждали их возвращения.

Не хотелось разрушить их иллюзии и надежды. Ведь они верили.

Выездная сессия Военной коллегии выехала в Баку.

Багиров и его охвостье также понесли заслуженное наказание.

ИЗ "ПОЛИТИЧЕСКОГО ДНЕВНИКА"

Рой Медведев

Как создавался "Политический дневник" *

Небольшой машинописный журнал или информационный бюллетень, получивший позднее название "Политический дневник", возник осенью 1964 года и существовал до начала 1971 года. Его объем был вначале небольшим – всего 25-30 страниц на машинке. В 1968-1969 гг. большинство номеров журнала достигало 100-120 страниц машинописного текста (через один интервал), т.е. 5-8 печатных листов. Главной темой, которая обсуждалась в первых выпусках бюллетеня, был вопрос об освобождении Н.С. Хрущева с поста руководителя партии и государства, а также все более настойчивые попытки реабилитации Сталина. Постепенно тематика и структура журнала расширялись и усложнялись, в нем появились разделы: "Обзор главных событий месяца", "О некоторых письмах, статьях и рукописях", "Из литературной жизни", "Заметки по истории", "Заметки по проблемам экономики", "Национальные проблемы", "О проблемах народного образования" и некоторые другие. В 1968-69 гг. главное внимание уделялось событиям в Чехословакии, в "Политическом дневнике" помещались переводы различных материалов из чехословацкой печати, критический разбор статей из советской прессы, отклики и заявления зарубежных компартий и др.

Никакой редакции или редколлегии у "Политического дневника" не было. Я был единственным его редактором и составителем, автором всех комментариев, а также всех заметок и статей, которые помещены в журнале без всякой подписи. Однако в сборе информации, в подготовке и предварительном обсуждении некоторых материалов, в перепечатке и распространении и хранении журнала мне помогали многие

* По-русски публикуется впервые.

люди. К сожалению, я могу назвать сегодня лишь некоторых из них.

С самого начала очень большую помощь мне оказал Е.П. Фролов, старый член партии, занимавший в 1964 году ответственный пост в редакции журнала "Коммунист". Человек сложной и противоречивой судьбы, Е.П. Фролов работал до войны в аппарате ЦК ВКП(б), лично знал всех почти ответственных работников партийного руководства – Бухарина, Молотова, Ежова, Кагановича, Суслова, Микояна, Маленкова, Лозовского и многих других. В 1937-1938 гг. он принимал участие в репрессиях, а в годы войны работал начальником отдела "СМЕРШ" в танковом корпусе. После войны Е. Фролов был одним из руководителей Информбюро, и как можно судить по некоторым документам из его личного архива (который мне пришлось разбирать после смерти Фролова в 1967 году), он был косвенно причастен к аресту ряда видных работников Информбюро в 1949-1950 гг. Однако по личным заметкам, письмам и дневникам видно, что он глубоко сожалел о своем прошлом и о содеянных им делах. Поэтому Фролов не только с воодушевлением приветствовал перемены 1953-1954 гг., но еще до XX съезда добивался освобождения и реабилитации более десяти известных ему партийных работников. Уже в 1956-ом году Фролов стал снимать копии с некоторых важных документов и закрытых писем, получаемых им на короткое время (он был в это время секретарем партийной организации редакции журнала), и знакомить с ними некоторых своих друзей. От Фролова я получил, например, 2 экземпляра машинописной копии секретного доклада Н.С. Хрущева на XX съезде КПСС. Прежде чем вернуть этот текст доклада в райком партии, Е.П. Фролов, запершись на всю ночь в своем кабинете, в течение 12 часов лично перепечатал весь этот доклад на своей машинке. Е.П. Фролов не только поддержал идею издания информационного бюллетеня, но в 1964-1966 гг. предоставил в мое распоряжение большое количество разнообразных материалов.

Большую поддержку оказали мне советами и материалами старые большевики П.И. Шабалкин, А.М. Дурмашкин, И.П. Гаврилов, А.Е. Евстафьев, которых также сегодня уже нет в живых.

С 1966 года очень активное участие в формировании "Политического дневника" принял молодой физик из г. Обнинска Валерий Павлинчук, пользовавшийся тогда большим влиянием среди ученых г. Обнинска. За распространение "самиздата" Павлинчук был в 1967 году исключен из партии. В начале 1968 года, подружившись с П. Литвиновым и П. Григоренко, Валерий Павлинчук стал одним из инициаторов создания другого информационного бюллетеня – "Хроники текущих событий", издания, которое было предназначено для самого широкого распространения. Однако он продолжал помогать сбору материалов и для "Политического дневника". К несчастью, В. Павлинчук тяжело заболел и умер летом 1968 года в возрасте всего около 30 лет.

Большую помощь советами и материалами оказывали мне М.А. Солнцева, Р.Б. Лерт, В.Ф. Турчин, С.О. Газарян, М.П. Якубович и некоторые другие. Ряд важных документов передали в мое распоряжение вдова И.Г. Эренбурга, которая немало материалов предоставила мне, писательница Е. Драбкина (по ее материалам был написан мной небольшой очерк "О необычной судьбе семьи и родственников Я.М. Свердлова"), писатель А.А. Бек, писатель А.К. Гладков, писатель Б. Ямпольский.

"Политический дневник" был ежемесячным изданием, хотя в летние месяцы, а также в 1965 году я подготовил несколько раз сдвоенные номера. В течение месяца я собирал в специальную папку самые различные материалы, заметки, тексты из "самиздата", наиболее интересные статьи из отдельных журналов и газет. По моей просьбе некоторые из друзей прочитывали все общественно-политические и литературные журналы за текущий месяц и присылали или приносили мне наиболее интересные выписки, вырезки из этих журналов, давали краткие аннотации

опубликованных литературных произведений. В конце месяца я садился за машинку и в течение 3-5 дней составлял очередной номер своего журнала. Потом он перепечатывался по очереди моими друзьями всего в 5 экземплярах. Размножить журнал в большем количестве экземпляров я не разрешал. Для чтения журнала мои товарищи приходили ко мне домой, также как и в другие дома, где хранились другие комплекты "Политического дневника".

Через 3-4 месяца я перечитывал каждый номер журнала и подвергал его основательной переработке, дополняя все разделы журнала новыми материалами и документами. После этого журнал заново перепечатывался профессиональной машинисткой также лишь в 5 экземплярах. Я оставлял у себя первый машинописный экземпляр, а остальные передавал друзьям для чтения, обсуждения и хранения. С каждого номера мой брат Жорес, который, естественно, во всех моих делах был главным моим помощником (также как и я в его делах), делал три фотокопии, хранившиеся в разных местах.

"Политический дневник" не был предназначен для широкого распространения, его читали (более или менее регулярно) и о его существовании знали всего 40-50 человек, в чем и состояло одно из важных различий его с таким информационным бюллетенем, как "Хроника текущих событий". Иногда меня спрашивают, какой смысл было создавать журнал, который не имел бы самого широкого распространения? Я и сам иногда задавал себе этот вопрос. Но, во-первых, в условиях, которые существовали (и по сей день существуют в нашей стране) широкое распространение журнала сразу же ставило его под удар властей. Такой журнал уже не мог быть "конфиденциальным", его было бы легко обнаружить, а его редакцию и редактора (в те годы никому не известного вне определенного круга советской интеллигенции) было легко вынудить к прекращению своего издания. Как известно, "Хроника текущих событий" сразу же попала под

Удары карательных органов и много раз меняла с тех пор свою "редколлегию". Но задачи "Хроники" были более просты — это было информирование общественности о многочисленных случаях нарушения прав человека, о положении заключенных и т.д. "Политический дневник" ставил своей задачей также и выработку концепции, он не был "беспартийным" изданием, он ставил своей задачей не только информацию, но также и критику, анализ, изучение действительности и т.п. И здесь было невозможно часто менять редколлегию, в те годы все это дело могли вести лишь несколько человек.

Кроме того, не стремясь расширять число своих читателей, мы стремились строго отбирать этих читателей, включая в их состав прежде всего людей, которые и сами стремились к политическому творчеству, к разработке марксистской теории, а также писателей и некоторых других наиболее видных представителей интеллигенции, вокруг которых также существовали в те годы кружки более молодых и творчески мыслящих людей. Но все же является фактом, что мы сознательно сужали возможности политического влияния нашего журнала, но зато сохранили для него возможность существовать и развиваться. А когда пришло время (по нашему мнению), я и Жорес приняли решение предать широкой гласности не только сам факт существования "Политического дневника", но и передать одиннадцать номеров этого издания для публикации за границей. От очень хорошо информированного человека мне стало известно, что когда в газетах "Нью Йорк Таймс" и "Вашингтон Пост" появилась обширная информация о существовании "Политического дневника", когда отдельные статьи из него были переданы по Би-би-си и другим радиостанциям, то все это было неожиданностью для соответствующих отделов КГБ. Это означает, что среди тех 40-50 человек, которые регулярно или нерегулярно читали мой бюллетень, не было ни одного осведомителя. Одиннадцать номеров "Политического дневника" (№№3, 9, 25, 30, 33, 43,

46, 55, 63, 67 и 72) были опубликованы отдельной книгой в Амстердаме на русском языке в 1972 году. В качестве издателя выступил Фонд им. Герцена. В 1975 году этот же Фонд издал вторую книгу, в которую вошли №№7, 28, 31, 48, 50, 54, 64 и 75 "Политического дневника". Я думаю, что в дальнейшем можно будет издать еще 15-20 номеров этого бюллетеня, которые содержат достаточно интересные и сегодня материалы и документы. Остальные номера журнала уже не представляют сколько-нибудь значительного интереса по различным причинам. Некоторые из них содержат материалы и документы, уже опубликованные за границей и хорошо известные заинтересованным лицам (например, письмо А. Солженицына IV съезду писателей, статью А.Д. Сахарова "Размышления о прогрессе...", открытые письма Л.К. Чуковской, письмо П.Г. Григоренко по поводу книги А. Некрича, поэму А. Ахматовой "Реквием" и др.). В "Политическом дневнике" в качестве статей я помещал предварительные варианты отдельных глав, вошедших ныне в мою книгу "О социалистической демократии", в книгу Ж. Медведева "Международное сотрудничество ученых" и в нашу совместную книгу "Н.С. Хрущев. Годы у власти". Многие заметки "Из истории" были использованы в книге "К суду истории". Разумеется, нет никакой нужды вновь перепечатывать эти материалы.

В числе нерегулярных читателей "Политического дневника" были А.Т. Твардовский, М.И. Ромм, Б.Л. Астауров, а также ряд других крупных писателей и ученых. Я должен особенно отметить помощь члена Президиума Академии Педагогических наук Ф.Ф. Королева, умершего несколько лет назад. После XXII съезда он сам предполагал написать книгу о Сталине и об особенностях советской бюрократии, собирал материал, но не сумел осуществить этого замысла. Работая в Академии пед. наук, я мог, не привлекая ничьего внимания, встречаться с Федором Филипповичем и обсуждать с ним любые вопросы. Человек большой щедрости,

Ф.Ф. Королев неоднократно давал мне большие суммы денег, которые были необходимы для перепечатки "Политического дневника", книги "К суду истории" и многих материалов "самиздата". Он помогал мне и в хранении тех материалов, которые я не хотел держать у себя дома.

В 1968 году регулярным читателем бюллетеня был и А.Д. Сахаров.

В своем автобиографическом очерке несколько лет назад А.Д. Сахаров упомянул о "Политическом дневнике" как о таинственном издании, о самиздатском журнале для партийных чиновников. Тогда А.Д. Сахаров еще не видел амстердамского издания "Политических дневников" и не мог понять, как попала в этот журнал его дискуссия с С. Генри по проблемам разоружения. Дело в том, что на всех выпусках нашего информационного бюллетеня не было слов "Политический дневник". На первой странице стоял лишь месяц и год, например, "ОКТЯБРЬ 1968 Г." или "МАРТ 1967 Г." Между собой мы называли это издание "месяцы". Название "Политический дневник" было проставлено позднее на всех тех номерах журнала, которые были переданы для публикации за границу. Что касается диалога между А.Д. Сахаровым и С. Генри, то текст этого диалога, как и ряд других интересных материалов из своего архива, был передан мне лично А.Д. Сахаровым после нашего знакомства в 1967 году. Со своей стороны я познакомил его со многими материалами "самиздата", которые хранил в своем архиве.

Мои друзья считали "Политический дневник" полезным и нужным изданием и оказывали мне посильную помощь. Однако эта работа была наиболее полезной для меня самого, помогая выработке своего взгляда на самые различные события и помогая высказать свои мысли и суждения без всякой оглядки на какого-либо редактора или "внутреннего" цензора. Однако подготовка каждого номера журнала отнимала много времени и сил. Несмотря на материальную помощь

Ф.Ф. Королева и некоторых других друзей, почти половина моей заработной платы, которую я получал в Академии педагогических наук, уходила на перепечатку журнала, а также различных вариантов книги "К суду истории". Я прекратил издание и работу над журналом просто потому, что устал. В одном из номеров журнала "Америка" я прочитал однажды статью о судьбе "маленьких журналов" в США, которые издаются отдельными частными лицами за свой счет с использованием доступной в США каждому простейшей печатной техники. Эти издания, содержащие в основном литературные произведения, чаще всего стихи и рассказы, издаются в США отдельными энтузиастами обычно в течение нескольких лет и прекращают свое существование прежде всего потому, что их издатели устают работать по вечерам, за счет своего свободного времени, они не могут также слишком долго покрывать значительные расходы на такого рода издания. Лишь очень немногие из таких "личных" журналов и небольших газет издаются по 10-15 лет, обычный срок "жизни" таких изданий 4-5 лет. Это же произошло и с "Политическими дневниками". Мне нужен был перерыв. Однако уже через несколько лет желание возобновить издание "своего" журнала опять стало очень сильным и у меня, и у моих друзей. На этот раз мы решили выпускать не сравнительно небольшой информационный бюллетень, а большой или, как говорят у нас, "толстый" журнал. Мы дали ему название "20-й век". Избранные материалы из этого нового журнала недавно появились на Западе на русском, французском, японском, немецком и английском языках.

1 октября 1976 г.

”УРОКИ ИСТОРИИ И СОВЕСТЬ ПИСАТЕЛЯ”*

Мне хочется высказать некоторые, связанные с историей Великой Отечественной войны, мысли, родившиеся у меня как у писателя, ряд лет работающего над этой темой. Сознаю, что некоторые из этих мыслей могут показаться спорными, что ведь именно в спорах и выясняется истина. Других путей для ее выяснения нет.

Люди, прошедшие войну, часто вспоминают тост, который произнес Сталин в мае 1945 года: ”За здоровье русского народа”: ”У нашего правительства было немало ошибок, были у нас моменты отчаянного положения в 1941-1942 годах... Иной народ мог бы сказать правительству: вы не оправдали наших ожиданий, уходите прочь, мы поставим другое правительство, которое заключит мир с Германией и обеспечит нам покой. Но русский народ не пошел на это, ибо он верил в правильность политики своего правительства и пошел на жертвы, чтобы обеспечить разгром Германии...”

Бесспорно, эти слова содержат и прямое признание ряда ошибок и справедливую оценку наиболее кризисных моментов 1941-1942 годов. Эти слова содержат и самокритику, поскольку, употребляя слово ”правительство”, Сталин привык подразумевать под этим себя.

Все это так. Но у всего этого была и своя оборотная сторона, что, на мой взгляд, вообще, как правило, надо иметь в виду, оценивая слова и дела Сталина. Сталин своим тостом отнюдь не призывал других людей, в том числе историков, к правдивым и критическим оценкам хода войны. Наоборот, сам, как высший судья, оценив этот этап истории, в том числе и свои отношения с русским народом так, как он их понимал, он как бы ставил точку на самой возможности существования каких

* Статья была подготовлена для журнала ”Вопросы истории” по просьбе Редакции, но не была разрешена к публикации. Распространяется в списках. ”ПД” № 37, Октябрь 1967.

бы то ни было критических оценок в дальнейшем. Слова этого тоста как будто призывали людей говорить о прошлом суровую правду, а на деле за этими словами стояло твердое намерение раз и навсегда подвести черту под прошлым, не допуская его дальнейшего анализа. И не трудно себе представить, какая судьба ждала бы при жизни Сталина человека, который, вооружившись цитатами из этого знаменитого тоста, попробывал бы на конкретном историческом материале развивать слова Сталина о том, что у правительства было немало ошибок, или как свидетель и участник войны, проиллюстрировал бы эти слова личными воспоминаниями.

Говоря это, я хочу подчеркнуть, в каком, еще куда более трудном, чем писатели, положении оказались в те годы люди, которые в разных военных должностях вынесли на своих плечах войну и которым было что сказать о ней.

Оценивая нашу сегодняшнюю мемуарную литературу о войне, надо иметь в виду, что у нее были насильственно задержанные роды, и она потеряла почти целое, самое драгоценное, если иметь в виду остроту памяти, десятилетие. И если, несмотря ни на что, она все же входит сейчас в пору своего расцвета, надо высоко оценить энтузиазм людей, решивших на примере собственной жизни и военной деятельности рассказать всю героическую и трагическую правду о том труднейшем в истории подвиге партии, армии и народа, который мы с законной гордостью зовем Великой Отечественной войной.

Очень большие задачи в этом смысле стоят сейчас и перед нами, писателями, хотя надо сказать, что литература немало сделала в этом направлении уже давно, еще в годы войны и сразу после нее. Я не разделяю по разным поводам возникавших в последние годы запальчивых теорий, объявлявших то одну, то другую из недавно написанных книг о войне, то "началом ее подлинной истории", то "первой настоящей правдой" (истории).

Конечно, только XX съезд партии открыл возможности для наиболее глубокого изображения истории Великой Отечественной войны. Но стремление, в меру своих сил, сказать правду о войне всегда владело каждым честным художником. Далеко не все можно было сказать по обстоятельствам времени, далеко не все сами художники считали возможным говорить, в произведениях того времени было не мало искренных заблуждений.

Все это так, и об этом нет нужды умалчивать. Однако нет нужды и забывать, как много правды о войне содержалось в лучших книгах того времени, в особенности написанных по горячим следам – между сорок первым и сорок седьмым годом – в таких вещах, как "Василий Теркин" и "Наука ненависти", "Во-локоламское шоссе" и "Письма товарищу".

Можно вспомнить и многое другое, я называю лишь примеры и хочу подчеркнуть, что правда о войне, сказанная тогда, когда ее не так-то просто было говорить, имеет в глазах читателей дополнительную нравственную ценность.

В разные времена бывали разные обстоятельства – это верно. Но в одни и те же периоды истории, при наличии одинаковых обстоятельств, у разных литераторов бывали и разные взгляды на ход исторических событий и разная мера мужества в их изображении. Нельзя не считаться со временем, в которое были написаны те или иные произведения, но нельзя и все сваливать только на время.

Для примера скажу, что сценарий, а потом и фильм "Сталинградская битва" и роман "В окопах Сталинграда" создавались об одном и том же событии и в одну и ту же эпоху, а в восприятии войны между тем и другим – пропасть.

Разница во взглядах на войну, на литературу о войне, на воспитательные задачи этой литературы существовала не только после войны и во время нее, но и до войны. У этого спора, который в другой исторической обстановке и в других формах продолжается и сейчас, глубокие корни.

Хочу процитировать два документа, относящиеся к февралю 1941 года, к преддверию войны. В обоих речь идет о готовившемся тогда в издательстве "Молодая гвардия" сборнике "Этих дней не смолкнет слава..." В первом из них говорилось так:

"... Сборник исходит из принципиально неверной установки о том, что "наша страна – страна героев", пропагандирует вредную теорию "легкой победы", и тем самым неправильно ориентирует молодежь, воспитывает ее в духе зазнайства и шапкозакидательства... Из такого утверждения можно сделать только один ошибочный вывод: незачем вести пропагандистскую работу, направленную к воспитанию у молодежи храбрости, мужества и героизма, поскольку каждый человек у нас и так является героем".

Во втором документе говорится то же самое, только другими словами:

”В материалах много ненужной рисовки и хвалебности. Победа одерживается исключительно легко, просто... все на-ура, по-старинке. В таком виде воспитывать нашу молодежь мы не можем. Авторы, видно, не сделали для себя никаких выводов из той перестройки, которая происходит в Красной Армии...”

Первая цитата взята из письма тогдашнего начальника Главного Политического управления армии Запорожца к Жданову, вторая цитата — из письма тогдашнего наркома обороны Тимошенко в ЦК комсомола Михайлову.

Литераторам, занимающимся историей войны, стоит задуматься над этими двумя письмами, написанными на ее пороге. О чем, на мой взгляд, говорят эти письма? После тяжкого разгрома кадров в 1937-1938 году и Финской войны, наглядно показавшей гибельные для армии результаты этого разгрома, был взят решительный курс на перестройку армии с целью вернуть ей действительную мощь и боеспособность.

Однако в идеологии были еще сильны настроения, порожденные предыдущим периодом, когда в обстановке репрессий 1937-38 года заикнуться о силе противника или о нашей недостаточной готовности к большой войне значило совершить политическое самоубийство.

Обстановка уже изменилась к лучшему, но настроения, рожденные 37-38 годами, продолжали давать себя знать самым опасным образом и в общественной жизни и в литературе.

Достаточно назвать как эталон этих настроений хорошо памятный людям моего поколения предвоенный роман ”Первый удар”, в котором мы, уже не помню, то ли за сутки, то ли за двое, расколачивали в пух и прах всю фашистскую Германию. И беда была не в бездарности этого романа, а в том, что он был издан полумиллионным тиражом и твердой рукой поддержан сверху.

Приведенные документы говорят о том, что хотя в нашем обществе перед войной уже начинался поворот в сознании, но инерция 37-38 годов была еще очень сильна, и это приводило к резкому столкновению взглядов на армию и будущую войну.

Заговорив об этом, хочу подробнее остановиться на трудной теме 37 и 38 годов или ”ежовщине”, как просто и коротко

заклеймил все это народ, и не задним числом, не после смерти Сталина, а сразу, тогда же. Кстати сказать, любителям уклончивых формулировок об "отдельных несправедливостях" и "некоторых нарушениях" не грех подумать над этой народной формулировкой того времени. Когда речь идет об "отдельных" или "некоторых" – в народе не рождаются такие слова, как "опричина" или "ежовщина".

В данном случае я буду говорить о 37 и 38 годах лишь с точки зрения их прямого влияния на нашу неготовность к войне. К сожалению, люди, от всей души клеймящие позорные события 37-38 годов, порой узко и односторонне трактуют влияние этих событий на дальнейшие судьбы армии. Прочтешь статью, где, в очередной раз, перечислив несколько имен погибших в 37-м году военачальников, автор намекает, что, будь они живы, на войне все пошло бы по-другому, и думаешь: неужели автор и в самом деле все сводит к этому?

Однажды, прочитав такие рассуждения, я даже попробовал мысленно представить: предположим в 37-м году не было бы всего остального, а был бы просто один трагический случай – авария летевшего на маневры самолета, на борту которого находились Тухачевский, Уборевич, Корк и другие жертвы будущего фальсифицированного процесса. Была бы эта потеря трагической? Конечно. Нанесла бы она ущерб строительству армии? Безусловно. Привела бы она через четыре года – в 41-м – к далеко идущим последствиям?

Спросил и мысленно ответил себе: нет, не привела бы. Потому, что потеря такого рода, при всем ее трагизме, заставила бы нас, по нашей революционной традиции, только теснее сплотить ряды, выдвинула бы новых способных людей, вылестованных партией и Красной Армией.

Нет, нельзя сводить все к нескольким славным военным именам того времени. И нельзя рассматривать возможную роль этих людей в будущей войне отторженно от той атмосферы, в какой они погибли, и которая еще сильнее сгустилась в результате их гибели с посмертным клеймом изменников Родине.

Во-первых, погибли не они одни. Вслед за ними и в связи с их гибелью погибли сотни и тысячи других людей, составлявших значительную часть цвета нашей армии. И не просто погибли, а в сознании большинства людей ушли из жизни с клеймом предательства.

Речь идет не только о потерях, связанных с ушедшими. Надо помнить, что творилось в душах людей, оставшихся служить в Армии, о силе нанесенного им духовного удара. Надо помнить, каких невероятных трудов стоило Армии — в данном случае я говорю только об Армии — начать приходить в себя после этих страшных ударов.

К началу войны этот процесс еще не закончился. Армия оказалась не только в самом трудном периоде незаконченного перевооружения, но и в не менее трудном периоде незаконченного восстановления моральных ценностей и дисциплины.

Не разобравшись в этом вопросе, нельзя до конца разобраться и в причинах многих наших неудачных действий в преддверии и в начале войны. Мне хочется поспорить с нет-нет да и проскальзывающей тенденцией противопоставления кадров, погибших в 37-38 годах, кадрам, которым — хочешь не хочешь пришлось принять на свои плечи войну.

Некоторым, видимо, кажется, что они отдают должное личности Тухачевского или Якира, намекая, что, командуй они в первый день войны фронтами вместо Кирпоноса или Павлова, все пошло бы по-другому. Такие, внешне эффектные противопоставления, мне лично кажутся не только легковесными, но и морально безответственными.

Да, по образному выражению одного из крупных военных, "война отбирала кадры". Не на месте оказались некоторые видные военачальники, жившие заслугами прошлого и отставшие от времени. Не на месте оказались и некоторые слишком поспешно выдвинутые перед войной молодые командиры.

Но война отбирала и отобрала кадры. И людям, во главе дивизий, армий, фронтов отступавшим до Москвы, до Ленинграда, до Сталинграда, но не отдавшим ни того, ни другого, ни третьего, а потом перешедшим в наступление, научившимся воевать и в конце-концов разгромивших сильнейшую армию мира — германскую армию — и дошедшим до Берлина, — им, этим людям, не надо противопоставлять ни Тухачевского, ни Якира, при всем глубоком уважении к их именам.

Когда мы говорим о просчетах Гитлера и германского генерального штаба, следует помнить, что один из главных просчетов был просчет в оценке кадров. В 37-38 гг. эти кадры действительно понесли страшный урон. Но Гитлер и германский генеральный штаб считали этот урон невозможным, а нашу армию, в условиях большой войны — небоеспособной.

Однако те кадры, которые сохранились в нашей армии, пережив тяжелейшие моральные испытания 37-38 гг. и еще не оправившись от них к началу войны, показали и свое мужество, и свою способность к росту и совершенствованию. Показали, что они люди той же советской военной школы, из которой вышли такие люди, как Тухачевский, Уборевич, Якир, и в конце-концов сделали то, чего не ожидали от них ни наши враги, ни наши союзники — вышли из этой страшной войны победителями.

Нам неизвестно и останется неизвестным, как воевали бы в 1941 году Блюхер или Белов, Дыбенко или Федько. Об этом можно говорить только предположительно. Но зато нам твердо известно другое: не будь 37 года, мы к лету 41 года были бы несомненно сильнее во всех отношениях, в том числе и в чисто военном, и прежде всего потому, что в рядах командного состава нашей армии пошли бы на бой с фашизмом тысячи и тысячи преданных коммунизму и опытных в военном деле людей, которых изъят из армии 37-й год. И они — эти люди — составляли бы к началу войны больше половины старшего и высшего командного состава армии. Нет никакой исторической необходимости персонифицировать эту огромную проблему, гадая — кто, на чем месте, где и как бы воевал. Главное в другом, в том, что с фашизмом воевали бы все, и война, отбирая кадры, — а война все равно бы их отбирала, выясняя истинную цену военачальников, — отбирала бы эти кадры, во-первых, в несравненно более благоприятной атмосфере, и, во-вторых, из куда более обширного круга людей.

Несколько слов о непосредственно предвоенной атмосфере. Людям, пишущим о войне, важна исходная точка. Сложность и противоречивость тогдашней обстановки у нас порой все еще примитивизируется и выглядит примерно так: после событий 37-38 гг. и Финской войны, открывшей глаза на наши слабости, армия стала перестраиваться; для ее успешной перестройки была создана нормальная атмосфера. Все уже шло к лучшему, и если бы вдобавок Сталин, поверив Рихарду Зорге, принял необходимые меры, все было бы в порядке.

Казалось бы, на первый взгляд, все правильно. Но это не так: подлинная историческая правда сложнее и противоречивей.

Да, каждый, кто в то время имел отношение к армии, хорошо помнит, с какой энергией после Финской войны новое руководство Наркомата обороны стремилось навести порядок в армии и прежде всего перестроить ее боевую подготовку.

Да, из Финской войны делались выводы, в том числе форсировалось опасно затянувшееся перевооружение. Но сказать, что при этом в стране и в армии уже создалась благоприятная для отпора врагу атмосфера – было бы неверно.

Иногда изображают дело так, словно осенью 1938 года, осудив так называемые "перегибы" и наказав за них Ежова, Сталин поставил крест на прошлом: людей уже больше не объявляли врагами народа, а лишь освобождали и возвращали на прежние посты, в том числе и военных. С одной стороны, это верно. В армию вернулась часть командиров, арестованных в 37-38 годах, и некоторые из них в войну командовали дивизиями, армиями и даже фронтами.

Но, с другой стороны, и в 1940, и в 1941 гг. все еще продолжались пароксизмы подозрений и обвинений.

Незадолго до войны, когда было опубликовано памятное сообщение ТАСС, с его полуупреком-полуугрозой в адрес тех, кто поддается слухам о якобы враждебных намерениях Германии, были арестованы и погибли командующий ВВС Красной Армии Рычагов, главный инспектор ВВС Смушкевич и командующий противовоздушной обороной страны Штерн.

Для полноты картины надо добавить, что к началу войны оказались арестованными еще и бывший начальник генерального штаба и нарком вооружения, впоследствии, к счастью, освобожденные.

Такова была в действительности предвоенная атмосфера на пороге войны с фашистской Германией. Сталин все еще оставался верным той маниакальной подозрительности по отношению к своим, которая в итоге обернулась потерей бдительности по отношению к врагу.

А теперь, представив себе эту – не мнимую, подлинную атмосферу того времени, – задумаемся, в каком положении находились те военные люди, которые, анализируя многочисленные данные, считали, что война может вот-вот разразиться, вопреки безапелляционному мнению Сталина, которое он ставил выше реальности.

Когда мы, спустя много лет, судим об их действиях в то время, надо помнить, что речь идет не о той мере мужества, которая необходима человеку, чтобы демонстративно подать в отставку после того, как единственно правильные, по его мнению, меры наотрез отвергнуты. К сожалению, дело обстояло не так просто и прямое противопоставление своего взгляда на будущую войну взглядам Сталина означало не отставку, а гибель с посмертным клеймом врага народа. Вот, что это значило.

И все-таки, мы знаем это по многим перекрещивающимся между собой мемуарам, находились люди, старавшиеся хоть в какой-то мере довести до сознания Сталина истинное положение вещей и, ежечасно рискуя головой, принять хотя бы частичные меры для того, чтобы не оказаться перед фактом полной внезапности войны.

Сталин несет ответственность не просто за тот факт, что он с непостижимым упорством не желал считаться с важнейшими донесениями разведчиков, главная его вина перед страной в том, что он создал гибельную атмосферу, когда десятки вполне компетентных людей, располагавших неопровержимыми документальными данными, не располагали возможностью доказать главе государства масштаб опасности и не располагали правами для того, чтобы принять достаточные меры к ее предотвращению.

Последним трагическим аккордом того отношения к кадрам, которое сложилось у Сталина до войны, были обвинения в измене и предательстве, выдвинутые им летом против командования Западным фронтом — Павлова, Климовских и ряда других генералов, среди которых, как потом выяснилось, были и люди, погибшие в первых боях, и люди, до конца непримиримо державшие себя в плену.

Трудно сказать, что двигало Сталиным, когда он объявлял этих людей изменниками и предателями: расчет отвести от себя и обрушить на их головы гнев и недоумение народа, не ожидавшего такого начала войны? Или — действительные подозрения? Думается, и то и другое — и расчет и подозрения, ибо ему уже давно было свойственно искать объяснения тех или иных неудач не в ошибках своих и чужих, а в измене, вредительстве и тому подобном.

От этой привычки потом, в ходе войны ему пришлось, хотя и с рецидивами, но избавляться.

В ходе войны, среди ее испытаний, проходили жестокую проверку многие довоенные представления, лозунги, концепции. Война одно подтверждала, другое отвергала, третье, в свое время отвергнутое, восстанавливала в его прежнем значении. Нам, литераторам, занимавшимся историей войны, важно проследить за тем, как изменялась психология людей, их отношения друг к другу, как изменялся стиль руководства военными действиями, как новое, рожденное войной и восстановленное в ходе войны, боролось со всем тем отжившим и скомпрометировавшим себя, что уходило корнями в атмосферу 37-38 гг.

Хочу привести пример операции, в которой наглядно столкнулись истинные интересы ведения войны и ложные, лозунговые представления о том, как должно вести войну, опиравшиеся не только на военную безграмотность, но и на порожденное 37-м годом неверие в людей. Я говорю о печальной памяти Керченских событиях зимы-весны 1942 года.

Семь лет назад один из наших писателей-фронтовиков писал мне следующее:

”Я был на Керченском полуострове в 1942 году. Мне ясна причина позорнейшего поражения. Полное недоверие командующим армиями и фронтом, самодурство и дикий произвол Мехлиса, человека неграмотного в военном деле... Запретил рыть окопы, чтобы не подрывать наступательного духа солдат. Выдвинул тяжелую артиллерию и штабы армий на самую передовую и т.д. Три армии стяли на фронте в 16 километрах, дивизия занимала по фронту 600-700 метров, нигде, никогда я потом не видел такой насыщенности войсками. И все это смешалось в кровавую кашу, было сброшено в море, погибло только потому, что фронтом командовал не полководец, а безумец...”

Я был там же, где автор этого письма, и хотя не вполне разделяю его лексику, подписываюсь под существом сказанного.

Я заговорил об этом отнюдь не затем, чтобы лишний раз недобрым словом помянуть Мехлиса, который, кстати, был человеком безукоризненного личного мужества, и все что делал — делал не из намерения лично прославиться. Он был глубоко убежден, что действует правильно и именно поэтому с исторической точки зрения действия его на Керченском полуострове принципиально интересны.

Это был человек, который в тот период войны, не входя ни в какие обстоятельства, считал каждого, кто предпочел удобную позицию в ста метрах от врага — неудобной в пятидесяти — трусом. Считал каждого, кто хотел элементарно обезопасить войска от возможной неудачи — паникером, считал каждого, кто реально оценивал силы врага — неуверенным в собственных силах. Мехлис, при всей своей личной готовности отдать жизнь за Родину, был ярко выраженным продуктом атмосферы 37-38 годов.

А командующий фронтом, к которому он приехал в качестве представителя Ставки, образованный и опытный военный, в свою очередь, тоже оказался продуктом атмосферы 37-38 годов, только в другом смысле — смысле боязни взять на себя полностью ответственности, боязни противопоставить разумное военное решение безграмотному натиску "все и вся — вперед", боязни с риском для себя перенести свой спор с Мехлисом в Ставку.

Тяжелые Керчинские события с исторической точки зрения интересны тем, что в них как бы свинчены вместе обе половинки последствий 37-38 годов — и та, что была представлена Мехлисом, и та, что была представлена тогдашним командующим фронтом Козловым.

Кстати сказать, мысленно восстанавливая всю эту драматическую Керченскую ситуацию, можно, не кривя душой, назвать имена целого ряда других, уже выдвигавшихся к тому времени в ходе войны людей, которые, оказавшись в положении командующего фронтом, несмотря ни на близость Мехлиса к Сталину, ни на его положение представителя Ставки, думается, уже тогда не дали бы ему подмять себя, спорили бы до конца, дошли до Сталина, и, возможно, убедили бы его в своей правоте.

И этих других людей нельзя выпускать из виду, исторически осмысливая те перемены к лучшему, которые постепенно совершались в армии в ходе войны, с ее первыми поражениями, с ее сложным и длительным переломным периодом, с ее все нараставшими и нараставшими по своим масштабам победами.

Общий ход войны у всех у нас на памяти. Нет человека, который бы не знал, куда мы отступали в сорок втором — до Волги, и куда мы пришли в сорок пятом — в Берлин; и какие столицы Европы мы освободили от фашистов — Варшаву, Будапешт, Вену, Прагу — через три-четыре года после того,

как фашисты входили в наш Минск, в наш Киев, в наш Калинин, в наш Севастополь.

И о каком бы дне войны мы не писали — о ее первом или о ее последнем дне, и в каком бы пункте не происходило действие наших книг — в осажденном Сталинграде или в окруженном Берлине — мы всегда должны держать в своей памяти и в своих чувствах весь ход войны, все ее испытания, все ее поражения и победы.

Нельзя писать о падении Берлина, забыв о Минском шоссе сорок первого года, и нельзя писать об обороне Бреста, не держа в памяти штурм Берлина, хотя павшие в сорок первом так и не узнали об этом.

Мы прошли через всю войну и мы помним ее всю — от начала и до конца. И мы не собираемся ничего выбрасывать из истории, потому что любые изъятия искажают общую картину. Только изобразив всю меру наших несчастий в начале войны и весь объем наших потерь — можно показать всю длину нашего пути до Берлина и всю меру усилий, которых потребовал от партии, от народа, от армии этот бесконечно длинный и бесконечно трудный путь.

И меня всегда удивляет, когда люди, сами прошедшие сквозь огонь войны, мало того, создавшие о ней сильные произведения, вдруг прибегают к исторически несостоятельным, уклончивым оценкам непровержимых фактов.

С этим явлением я, в частности, столкнулся, читая в прошлом году статью скульптора И. Вучетича "Внесем ясность".

Не буду вдаваться в отдельные аспекты этой полемической статьи, скажу лишь об одном ее абзаце, который прямо касается затронутой мною темы. Сначала процитирую:

"Но есть правда и есть только видимость правды, есть правда факта и правда явления. И надо обладать острым, пронизательным взглядом художника, чтобы отделить одну от другой. Конечно, правда, что в начальный период войны бывали случаи нераспорядительности, растерянности, а порой даже паники, на что сейчас особенно усиленно напирают некоторые недалекие литераторы в своих произведениях. Это правда, но только правда события, факта, а не правда жизни и борьбы народа в один из самых критических периодов его многовековой истории. Истинная правда состоит не только в том, что мы отошли до берегов Волги, а и в том, что мы, сломав у крутых волжских

берегов хребет фашистскому зверю, дошли потом до Берлина и водрузили над рейхстагом знамя нашей великой победы”.

Останавливаюсь на этом абзаце потому, что в нем изложена целая программа антиисторического подхода к истории войны.

Противопоставляя правду — видимости правды и правду факта — правде явления, что хочет сказать этим Вучетич? Если брать его формулировки, то случаи ”нераспорядительности, растерянности, а порой даже паники” в начале войны, что они были — правдой или только видимостью? Были они фактами или явлениями? Думаю, что все это, вместе взятое, было явлением трагическим и опасным, складывавшемся из множества фактов. Это была не ”видимость” правды, а самая настоящая, хотя и горькая правда. И только до конца поглядев этой правде в глаза, — что кстати сказать, надо отдать ему должное, хотя и с опозданием, но сделал Сталин, — можно с великими трудами повернуть общий ход войны. Это — во-первых.

А, во-вторых, если говорить о видимости правды, то видимостью правды как раз является та оценка, которую дал Вучетич начальному периоду войны, во время которого, по его словам, ”были случаи” — подчеркиваю это слово — случаи — ”нераспорядительности, растерянности, а порой даже паники”.

”Истинная правда, — пишет Вучетич, — состоит не только в том, что мы отошли до берегов Волги”. Разумеется! Истинная правда, если брать войну в целом, состоит не только в том, что мы отошли до берегов Волги, но и в том, что мы дошли до Берлина. Не только у нас, но, наверное, даже в ФРГ нет человека, который бы взялся оспаривать это.

Но если говорить об августе 42 года, то истинная правда заключалась как раз в том, что мы ”отошли до берегов Волги”, т.е. на самое далекое расстояние которое когда-нибудь отделяло нашу армию от Берлина. И нас не могли привести на берега Волги просто-напросто ”случаи нераспорядительности, растерянности, а порой даже паники”. Объяснять дело так, значит пытаться создавать видимость правды, потому что привели нас на берега Волги не те или иные, имевшие место на войне неприятные случаи, а куда более грозные исторические причины, в первую очередь связанные с тем, что мы теперь называем культом личности. И Сталин в тот критический момент или, выражаясь его собственными словами, ”в один из моментов отчаянного положения”, был куда ближе к ”истинной правде”

событий, подписывая свой знаменитый приказ 227, чем Вучетич теперь, через 20 лет после войны, объясняющий наше отступление до Волги "случаями растерянности, нераспорядительности, а порой даже паники".

Хотелось бы искренне посоветовать Вучетичу не проявлять в будущем такой растерянности, а порой даже паники, перед истинной правдой истории, и не пытаться подменять ее видимостью правды в искусстве. Это никому не нужно. Народ, победивший в такой войне, как Великая Отечественная война, партия, приведшая его к победе; армия, разгромившая наголову сильнейшую в мире германскую армию — могут позволить себе не бояться говорить полную правду обо всех этапах этой победоносно окончившейся войны, в том числе и о самых тяжелых ее этапах!

Часть этой сложной правды о войне — без готовности встретиться с которой литератору не зачем и приниматься за историю войны — связана с ролью Сталина в руководстве войной. Наш долг объективно, с помощью документов и живых свидетельств изучить и проанализировать эту роль со всеми ее положительными и отрицательными сторонами, не преувеличивая и не преуменьшая ни масштабов хорошего, ни масштабов дурного, ни очень крупных масштабов самой той личности.

Думается, вряд ли верно опускать в современных публикациях фамилию Сталина под теми или иными документами, подписанными им как верховным главнокомандующим. Или в ряде случаев — я говорю о тех случаях, когда речь идет изначально о нем — заменять его имя словом "Ставка".

Очевидно, когда так делают, то субъективно считают это элементами борьбы с культом личности. Но на самом деле это не так. Такие, всем очевидные умолчания и замены не помогают, а мешают подлинной борьбе с культом личности Сталина и его последствиями, мельчат ее, вносят в эту, абсолютно исторически справедливую борьбу, элементы мелких исторических несправедливостей, изъятий, подтасовок, которые, все вместе взятые, вызывают у читателей чувство протеста, а порой даже мешают правильно оценить и всю глубину ошибок и всю тяжесть преступлений, совершенных этой крупной исторической личностью.

Мы живем в далеко не безоблачной международной обстановке и, вспоминая о победах нашей Армии, нам нельзя не вспоминать и о том, начатом в 1941 году и связанном с жестокими

уроками истории долгом и трудном пути, которым мы пришли к Берлину.

Это необходимо в интересах наиболее правдивого изображения того, ни с чем несравнимого по трудности, подвига нашей партии и народа, о котором мы писали и будем писать, отдавая этому всю кровь своего сердца.

ВЫСКАЗЫВАНИЯ ЧЛЕНА-КОРРЕСПОНДЕНТА АН СССР А.Г. АГАНБЕГЯНА ПО ПРОБЛЕМАМ СОВРЕМЕННОГО СОСТОЯНИЯ СОВЕТСКОЙ ЭКОНОМИКИ

Известный специалист по вопросам математической экономики, новосибирский ученый А.Г. Аганбегян, прочел в июне 1965 года несколько лекций о современном состоянии советской экономики. Записи этих лекций (в издательстве "Мысль", в Ленинградском инженерно-экономическом институте) получили большое распространение. В своих лекциях Аганбегян приводит много данных, свидетельствующих о неудовлетворительности многих результатов семилетки с экономической точки зрения. Так, например, в беседе с работниками издательства "Мысль" Аганбегян сказал (если судить по краткой записи одного из слушателей):

"За последние 6 лет темпы развития нашей экономики снизились примерно в три раза. Темпы по сельскому хозяйству – примерно в 10 раз (с 8% в год до 0,8%), за это время рост товарооборота снизился, примерно, в 4 раза. За это же время очень снизился рост реальных доходов населения СССР, вообще говоря, они чрезвычайно низки (в настоящее время на душу населения СССР – средний реальный доход 40-45 рублей в месяц).

С 1958 г. по ряду показателей абсолютный рост тоже снижается. Самое удивительное в этом то, что снижение было для всех *совершенно неожиданным!*

... В 1958 г. наши экономисты предсказали, что в США и других ведущих капиталистических странах в ближайшее время начнется экономический спад. Самые оптимистические прогно-

*

"ПД" № 11, Август 1965.

зы наших специалистов в отношении ежегодного прироста в экономике США не поднимались выше 2,5%, а на практике получилось, что ежегодный прирост темпов в США, начиная с 1958 г. составил 5% (при этом следует учесть, что экономический потенциал США в 2 раза выше нашего).

У нас в те же годы происходит снижение эффективных производственных накоплений. Все время снижается прирост промышленной продукции. Усилился разрыв между возможностями технического прогресса и реализацией этих возможностей.

Мы имеем самую плохую и отсталую среди развитых стран структуру производства. Наши планы по новой технике (кстати сказать, не очень хорошие) выполняются не более как на 70%.

Главная отрасль нашей тяжелой промышленности — станкостроение — имеет, примерно, 2 миллиона станков. Станочный парк СССР по количеству равен американскому, но у нас работает только половина станков, остальные или не используются, или находятся в ремонте. У нас хуже используются основные производственные фонды, чем в капиталистических странах. В машиностроении — *огромная недогрузка.*

Половина леса, заготавливаемого в СССР, теряется; из оставшейся половины мы делаем в три раза меньше, чем в США, в 5 раз меньше, чем в ФРГ, в 8 раз меньше, чем в Швеции.

В последние годы у нас произошло *огромное* затоваривание, скопилось товаров у нас на сумму 3 миллиардов новых рублей, это больше, чем в кризисный год на Западе. Причем, если на Западе во время кризиса, с одной стороны — огромное количество товаров, которые не покупают люди, с другой стороны — отсутствие денег у покупателей, то у нас — с одной стороны, затоваривание, с другой — непрерывный рост количества денег у населения! Остановить этот процесс не смогло даже неоднократное повышение цен в последние годы. *Рост цен в СССР носит инфляционный характер.*

В настоящее время очень остро стоит вопрос о занятости населения (это явление на Западе называется — безработица). В предстоящие 5 лет у нас появится армия трудоспособной молодежи в 10 млн человек, которую нужно трудоустроить. Между тем в последние два года наблюдается значительный рост незанятости в стране. Это особенно относится к средним

и маленьким городам. В среднем, в таких городах 20-30% трудоспособного населения, желающего работать, получить работы не может. В крупных городах этот процесс охватил, примерно, 8% населения.

Плохо обстоит дело с повышением народного благосостояния. Здесь отставание относительно контрольных цифр очень сильное. Практически в последние годы произошло понижение уровня жизни. Таким образом, по этому разделу установки семилетнего плана тоже не выполнены.

Чрезвычайно тревожно все вышесказанное потому, что это не просто состояние нашей экономики на сегодня — это, кроме того, и тенденция, а это уже намного хуже! Никогда в СССР подобного не было! Мы можем, примерно, сказать, когда начался резкий спад, но никто не знает сегодня, когда началась эта тенденция и когда она кончится!

В чем причина этой тенденции?

Объективные причины — внешние. Мы значительную часть средств отпускаем на оборону, нам очень трудно тягаться с США, поскольку расходы на оборону у нас примерно равны, но наш потенциал экономически слабее американского в 2 раза. Из примерно 100 млн работающих в СССР, 30-40 млн заняты в оборонной промышленности.

У нас постоянный неэквивалентный обмен с другими странами. Мы торгуем, в основном, сырьем, так как многие страны (в том числе и социалистические) не хотят покупать у нас готовую продукцию из-за ее невысокого качества. Из-за неправильной организации добывающей промышленности, отсталости в технике, технологии и т.д., тонна добытого сырья нам стоит зачастую дороже той цены, за которую мы ее продаем за границу (мы, ведь, должны руководствоваться общемировыми ценами). Но внешние причины не являются главными в нашем тяжелом экономическом положении.

Главные причины — внутренние. Их — две группы.

- 1-я группа — неверное направление хозяйственного развития страны.
- 2-я группа — несоответствие системы планирования, стимулирования и управления советской экономикой современным требованиям жизни.

1-я группа

Многие годы мы придерживались курса сверх-индустриализации. Даже в последние годы, когда необходимость в этом отпала, продолжался прежний курс. Все это происходило при искусственном задерживании отраслей экономики, не относящихся к тяжелой промышленности, в ущерб им. В результате этого постоянно происходил неэквивалентный обмен в стране.

Сельское хозяйство. Колхозы дают ежегодно чистый доход, выражающийся в стоимостном отношении в 22 млрд рублей. Из этой суммы государство забирает 11 млрд: 1 – при помощи налогов и 10 – посредством "ножниц цен". Оставшихся 11 млрд явно недостаточно, чтобы, заплатив за технику, выделив средства в неделимый фонд и т.п. оплатить труд колхозника.

Подсчеты показали, что при современном состоянии дела колхозник в среднем может заработать в колхозе в день 1 руб. 50 коп., а на своем приусадебном участке – 3 руб. 50 коп. Выгодно ли ему работать в колхозе? Нет! При теперешнем положении дела, если разрешить людям уходить из деревни, то там практически никто не останется.

Полученные от колхозов деньги государство в основном вкладывает в развитие отраслей тяжелой промышленности (очень много в угольную и др.). В этом сегодня уже нет такой необходимости, потому что, например, мы получаем кокса больше, чем США, но при выплавке 1 тонны стали, мы расходует его в три раза больше, чем в США. На металлургические предприятия не подводится газ (нет труб, в главное желание: бесхозяйственность), поэтому мы расширяем угольную промышленность, а она поглощает огромные средства. В СССР постоянно не выполняются планы строительства, строительные организации, как правило, не осваивают выделенных им средств.

2-я группа

Наша система планирования, стимулирования и управления промышленностью сложилась в 30-е годы. После этого менялись только вывески, а все оставалось основанным на административных методах планирования и руководства. Очень тяжело

сказывается на нашей экономике чрезмерный централизм и отсутствие демократии в хозяйстве.

Как создаются планы народного хозяйства? Они составляются в совнархозах и республиках, затем поступают в Госплан СССР, который практически перечеркивает их, вместо этого дает им свой план, который зачастую ничего общего с реальными (в какой-то мере) планами совнархозов и республик не имеет. Обычно план Госплана требует в 3 раза более высоких темпов, чем этого хотели местные органы.

У нас фактически отсутствует регулирующая роль цены и стоимостных отношений. Главное — централизованное распределение.

Наша система экономических рычагов ничего общего с планом не имеет, она — против интересов хозяйства.

Фактически — противоречие между интересами государства и предприятиями. План Госплана совершенно несбалансирован, да это и невозможно сделать, ибо требовалось бы сбалансировать 4000 названий продукции, а это потребовало бы 4000³ человеко-часов! План несбалансирован самым элементарным образом, ибо, если б он был сбалансирован, то было бы невозможно что-то выполнить, а что-то нет, это вызвало бы полный крах экономики, но этого-то нет.

У нас совершенно отсутствует информация, никто по-настоящему не знает, что делается в хозяйстве. Цифры, публикуемые ЦСУ — дутые. Таким образом, у нас и планирование и управление экономикой происходит при отсутствии настоящей информации о состоянии дела.

ЦСУ при имеющейся там технике обработки статистических данных не может справиться с возложенной на него задачей. У них нет ни одной счетно-электронной машины, и они не собираются их приобретать!

Из-за нелепой секретности многих данных статистики экономистам чрезвычайно трудно работать. Мы, например, многие данные статистики (к примеру, средняя зарплата за квартал рабочих определенных отраслей промышленности СССР) получаем скорее из американских журналов, чем они исходят от ЦСУ.

Кстати, развернувшаяся в прошлом году полемика на страницах нашей печати между ЦРУ (США) и нашим ЦСУ нелепа,

поскольку американцы дали совершенно правильную оценку состояния нашей экономики, а Ставровский пытался доказать невозможное. Многие статистические данные, публикуемые ЦСУ, выглядят просто нелепо, если их анализировать. Так, утверждалось ЦСУ, что мы собрали урожай зерновых в 8 миллиардов пудов. Это ложь! Никогда мы столько не собирали. Если бы это было так, то мы бы продавали хлеб за рубеж, а ведь мы его покупаем! Мы в Новосибирске подсчитали довольно точно сколько нужно зерна для продовольственного потребления в СССР, прибавили необходимое количество для технических нужд. Далее, поскольку у нас писали, что много хлеба съели коровы и свиньи, мы прибавили и это количество. В итоге получилось – около 4,5 млрд пудов, а ведь мы собирали 8 млрд!!! Куда же девался остальной хлеб? Мы ведь не только не продавали его, но купили!!! ЦСУ считает хлеб в бункерах, а он от лежания высыхает 10%, затем считает кукурузу в молочно-восковой спелости и т.д. Вот как получаются эти цифры.

Сейчас экономисты предложили несколько вариантов реорганизации всей экономики СССР. Будут ликвидированы совнархозы, созданы тресты, концерны, фирмы, объединения и т.д. при их настоящей самостоятельности. Министерства отраслевые будут, но их функции станут иными. Они не будут мешать хозяйственникам. Правительство сейчас решает эти вопросы.”

“УСТАВ НРАВОВ” ВАЛЕРИЯ СКУРЛАТОВА

В последнее время одним из центров русского крайнего националистического и шовинистического движения становится, как это ни странно, Центральный Комитет комсомола, а также Московский и некоторые другие городские и областные комитеты комсомола. Под видом “патриотического” или “военно-патриотического” воспитания здесь проповедуются взгляды не только несовместимые с марксизмом, но и просто нелепые с точки зрения интересов такого многонационального государства, как СССР. Еще в конце 1965 года в Москве состоялся пленум ЦК ВЛКСМ, посвященный проблемам военно-патриотического воспитания молодежи. Перед пленумом работникам комсомольского аппарата было предложено подготовить различные пожелания и проекты для обсуждения. В этом деле принял участие и ответственный работник отдела агитации горкома комсомола кандидат философских наук Валерий Скурлатов. Он разработал и отпечатал на ротопринте свои предложения под названием “Устав нравов”. Несколько экземпляров этого “Устава” вышли за пределы аппарата ЦК ВЛКСМ и все дело получило огласку. Скурлатов был удален из горкома, получил партийное взыскание и работает сейчас в Институте информации АН СССР. Его “произведение” не является, однако, результатом бредовых размышлений какого-то экстремиста. В какой-то мере этот “Устав” отражает ту атмосферу полувоенной дисциплины и национализма, которые насаждаются сегодня среди руководящих комсомольских кадров. Ниже мы приводим с небольшими купюрами текст скурлатовского “Устава нравов”.

”1. Нравы или общественное поведение определяются ответом на такие вопросы, как ”в чем смысл жизни?”, ”в чем долг перед отечеством, мое место в судьбе своего народа?” Только после ответа на эти вопросы можно говорить о воспитании настоящей убежденности в правоте своего дела, своего поведения. Надо начинать воспитание молодежи с обсуждения этих

* ”ПД” № 18, Март 1966.

вопросов, привлекая материалы из жизни великих людей, великих революционеров. При этом следует решительно отмежеваться от головы, от разумного эгоизма, а в центр поставить сердце, голос крови.

Самоотверженная любовь к Родине, к товарищам, к своему делу, подвиг солдата, закрывающего своим телом амбразуру — все это не объясняется "разумным эгоизмом". Напротив, всякий скепсис, нигилизм и предательство — от головы, от эгоизма всяких мастей, а революционное сознание всегда отличается прежде всего страстностью, сердцем. Поэтому надо постоянно воспитывать молодежь в атмосфере революционной романтики, устремленности к революционному идеалу — в атмосфере самопожертвования "я" ради любимого "мы".

2. Общественно-политический идеал нельзя представлять как мещанское сытое благополучие, как жизнь без потрясений, без смертельной борьбы. Лишь перед лицом смертельной опасности раскрывается сущность человека, самобытная неповторимость его личности, лишь в горизонте смерти выявляется радость и гордость господина жизни, тридцать лет пьющего свежую кровь; страх смерти и отчуждение раба, триста лет питающегося мертвечиной.

Настраивать молодежь на перманентную смертельную борьбу не только на сегодня и завтра, но и на послезавтра. Связать эту борьбу с космической миссией своего народа. Борьба за космос и борьба за человека неотделимы. Космос — любимое дело молодежи, ее тоска по подвигу... Поэтому при четком определении общественно-политического идеала на первое место необходимо ставить революционное преобразование и суровое поддержание своего народа, своего космоса и, наконец, преобразование всего человечества.

3. Органической частью общественно-политического идеала должен быть нравственный "категорический императив", своеобразный "моральный кодекс" сердца. В отличие от "морального кодекса" головы, первое место в истинном "моральном кодексе" должен занимать долг перед *своими предками и потомками*, долг перед своим народом. *Где не уважают мертвых — там не уважают и живых*. Любовь к Родине — наилучшее противоядие от скепсиса, нигилизма, распушенности.

Любовь к Родине дает смысл жизни, спасает от одиночества и отчаяния, направляет все поведение человека. Любовь к

Родине — необходимое и достаточное условие гражданина. Должен быть создан культ предков, ибо "неуважение к предкам есть первый признак дикости" (А.С. Пушкин). Каждый человек должен с детства проникнуться культом горсти родной земли, пропитанной потом и кровью отцов.

4. В нравственном "категорическом императиве" должно быть четко определено — до инстинкта — что хорошо и что плохо в нравственной области. Решительное осуждение нигилистических теорий типа теории "стакана воды". На первых порах провести длительную кампанию о родовой, моральной и физиологической ценности девичьей чистоты и чести, о преступности добрачных связей. Не останавливаться вплоть до рекламы старинных крестьянских обычаев: мазанье ворот дегтем, демонстрация перед миром простыни после первой брачной ночи, телесные наказания отдающихся иностранцам, клеймение и стерилизация их.

5. Для страховки нравственной чистоты народа следует продумать поощрение различным видам стратификации — кастовая (типа законов офицерской чести, кодексов врача, учителя, студента, школьника, уставов землячеств и т.д.)

6. Не заниматься так называемым "половым воспитанием", не возбуждать интереса к проблеме пола. Пол — дело интимное, здесь все должно решаться само собой. Подавлять интерес к проблеме пола за счет поощрения интереса к романтике, революции, к путешествиям и особенно к романтике науки и творчества. Сублимировать пол в творчество.

7. С ранних лет не нянчить молодежь. Ввести телесные наказания! Розга лучший учитель. Удар по телу — закал духа. Продумать комплекс военизации молодежи, с начальной школы. Регулярные военные игры, походы, творчество боя. Культивирование законов солдатского товарищества и рыцарства...

8. Жестокое искоренение предателей, преступников, прелюбодеев, премудрых и бездумных... Не будет порядка в народе, если за каждый проступок не следует яростное возмездие. Два ока за око, два зла за зло, ибо преступник должен нести наказание вдвойне — за преступление перед собой и перед народом. Пьянство, хулиганство, проституция, трудные подростки будут уничтожены атмосферой товарищества, рыцарства и солдатской дисциплины...

9. С ранних лет увлекать спортом и вовлекать в спорт, особенно культивировать технические виды спорта. В соревнованиях закаляется человек, воспитывается личность...

10. Нет более подлого занятия, чем быть "мыслителем", "интеллигентом", премудрым пескарем, и нет более благородного дела, чем быть солдатом. Интеллигент – раб мертвого разума, а солдат – господин жизни, навязывающий мировому процессу свою волю... Судьба человека равна его силе и его породе; кто рожден рабом – тот всю жизнь останется рабом и побежденным, а кто рожден господином, тот и в смерти будет победителем. И чтобы народу не выродиться, чтобы не стать рабами и роботами – надо возродить и утвердить навеки здоровый и ведущий к истинному бессмертию культ – культ солдата.

10 ноября 1965 года."

ДОКУМЕНТЫ

Здесь публикуется запись о встречах Н. Хрущева с представителями интеллигенции (с пояснениями Максудова) и так называемый "секретный" доклад Н. Хрущева на XX съезде КПСС.

О тексте этого доклада трудно сказать что-либо определенное. В академических кругах США помнят, что на Западе текст был получен вскоре после XX съезда из Польши. Никаких подтверждений, что это и есть официальный текст доклада, — нет, так что приходится принимать на веру мнение сведущих людей, что этот текст — наилучшее приближение к тому, что было столь неожиданно и обнадеживающе прочитано Хрущевым на съезде.

ДВЕ ВСТРЕЧИ Н.С. ХРУЩЕВА С ПРЕДСТАВИТЕЛЯМИ ТВОРЧЕСКОЙ ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ (декабрь 1962 г. и март 1963 г.)

Встречи Н.С. Хрущева с представителями творческой интеллигенции: писателями, художниками, кинематографистами, музыкантами – вошли в историю советской культуры. Первая из них, состоявшаяся в декабре 1962 г., была реакцией верхов на два скандальных обстоятельства: на посещение Н.С. Хрущевым выставки современных художников в Манеже и на письмо группы писателей о мирном сосуществовании культур. Это письмо, подписанное И. Эренбургом, А. Сурковым, М. Роммом и 30-ю другими работниками искусства, трактовалось как защита сосуществования идеологий. Сама идея отхода от бескомпромиссной борьбы, да еще в заповедной, идеологической сфере, вызвала у партийных иерархов бурю негодования. "Мы против мирного сосуществования в области идеологии, – решительно заявил Хрущев, – давайте разберемся, что бы на самом деле произошло, если бы верх одержали сторонники мирного сосуществования различных идейных направлений в литературе и искусстве. В первую очередь они нанесли бы удар по нашим революционным завоеваниям в области социалистического искусства. Но дело вряд ли ограничилось бы этим. По логике борьбы не исключено, что эти люди, накопив силы, предприняли бы попытку выступления и против революционных завоеваний". (Речь Н.С. Хрущева на встрече руководителей партии и правительства с деятелями литературы и искусства 8 марта 1963 года. "Новый мир", №3, 1963).

Хрущеву активно не понравилась и выставка художников, на которую его с явно провокационными целями затащили руководители Академии Художеств. Они не соответствовали его эстетическим критериям,

выработанным еще в 40-е, 50-е годы. Он назвал "мазней" работы Фалька и Штернберга, обрушатся на современных художников и скульпторов: Неизвестного, Биргера, группу билютинцев. В итоге Никита Сергеевич решил собрать деятелей культуры и по-отечески их поучить. Такова подоплека декабрьского совещания 1962 г.

К совещанию в марте 1963 г., ставшему продолжением декабрьской встречи, набежали и другие вопросы: вышел сомнительный фильм Хуциева "Застава Ильича", обнаружилось "непорядки" в московской писательской партийной организации. Группа правых литераторов (Софронов, Кочетов, Грибачев) дружными рядами выступили с критикой молодежи и своих противников-либералов, им казалось, что снова приближается их час: какая-нибудь новая кампания борьбы против космополитов, — следовало спешно занять место в первых рядах борцов.

Встречи получили некоторое отражение на страницах советской печати. Были опубликованы выступление Хрущева, доклад Ильичева, покаянные письма некоторых участников (в частности, статья В. Аксенова) и торжествующие речи победителей. Сравнительно недавно интересное изложение событий дал в своих мемуарах Эрнст Неизвестный. Блестящим гротеском на обе встречи стали соответствующие сцены в романе Василия Аксенова "Ожог":

"... дорогие товарищи, дорогой кукита кусеевич с этой высокой трибуны я хочу критика прозвучавшая в мой адрес справедливая критика народа заставляет думать об ответственности перед народом перед вами мадам прошу прощения оговорка истинно прекрасные образы современников и величие наших будней среди происков империалистической агентуры дорогие товарищи как и мой великий учитель маяковский который по словам незабвенного иосифа виссарионовича был и является я не коммунист но...

Мощный рык Главы ворвался в дыхательную паузу Пантелея: — И вы этим гордитесь, Пантелей? Гордитесь

тем, что вы не коммунист? Видали гуся — он не коммунист! А я вот коммунист и горжусь этим, потому что я сын своего класса и никогда от папаши не откажусь!

(бурные продолжительные аплодисменты, крики "да здравствует дорогой Кукита Кусеевич!", "Слава ведущему классу!", "Позор Пантелею!", "Позор палачу португальского народа Салазару!") ...

Пантелей (из пучины обморока): Разрешите мне спеть, дорогие товарищи!

Крики из зала:

— Не давать ему петь! На виселице попоешь! За границей! Знаем мы эти песни!

Глава поднял вверх железные шахтерские кулаки. Сверкнули на нейлоновых рукавах бриллиантовые запонки, подаренные народом Камбоджи.

— Всех подтягивателей и подзуживателей, всех колорадских жуков и жужелиц иностранной прессы мы сотрем в порошок! Пойте, Пантелей! ... "

Многие из побывавших на встречах делали записи, пересказывали те или иные эпизоды и выступления своим знакомым. Те, в свою очередь, как это принято у нас, также записывали или запоминали наиболее выразительные факты. Несмотря на их фрагментарность и субъективность, эти записи представляют определенный интерес для истории нашей культуры. Публикуемые ниже "стенограммы" относятся именно к таким документам — заметкам, сделанным со слов очевидцев непосредственно после этих встреч.

Застенографировали эти рассказы Раиса Давыдовна Орлова и Лев Зиновьевич Копелев — люди, всегда активно и плодотворно участвовавшие как в самом общественном движении в нашей стране, так и в изучении (запоминании) истории этого движения. Имена рассказчиков назвать, к сожалению, пока невозможно. На мою долю выпала расшифровка записей, сделанных много лет назад, и сведение их воедино. Эта работа была напечатана в московском самиздатском журнале "Поиски и размышления" и перепечатывается с разрешения составителей журнала. Запись эта не является ни стенограм-

мой, ни научным исследованием, это живое свидетельство очевидцев. Она проливает свет на тот все более удаляющийся от нас этап истории советской культуры, который сегодня кажется в чем-то и либеральным. Мне кажется, этот документ будет полезен историкам и интересен читателям.

Максудов

Запись встречи, состоявшейся 17 декабря 1962 года

Н. Грибачев. Непонятно, чем занимается Всесоюзный секретариат!... "Литературная газета" работает плохо. О молодых и не говорю. Отрывочки из повести Аксенова — это не поиски, а распушенность. Почитайте! Не пора ли начать перестройку Союза. Создать Совет Литературы, единый Совет. Явно назрела и перестройка Московской организации. ... Может быть, я восторженный, лирический человек, но я верю, что мы будем хорошо работать, друзья!

А. Дейнека. Уже в 18-м году меня позвали оформить витрину. Время было сложное, мы мечтали. Не все были за Советскую власть. Одни старые художники не признавали ее, другие признавали. Были и потери. На войне погибли все мои духовные питомцы. Александр Герасимов говорил, что за год делает столько, сколько другие за десять. Искусство — сложная материя. Я написал в 41-м году картину "Сбитый асс". Оценили в тысячу рублей. А в 60-м году закупочная комиссия говорит: "Саша, покупаем за 45 тысяч". Жаль, что наш советский хлеб едят недобросовестные художники. Третьяков прогрессивнее, чем многие наши современники. Надо показывать разные направления. Не будем бить молодежь по головам, она не вся подгнившая. У меня, например, огромная библиотека абстракционистов. Пресекать новаторство нельзя.

Е. Евтушенко. Я говорил с одним шофером такси. Он спросил: "Будете ли вы писать правду?" — и добавил, — не может быть, чтобы наше правительство покрывало

неправду". Я был на Кубе. Научился там говорить по-испански, научился чувствовать. Фидель был грустный, когда уехал Анастас Иванович Микоян. Фидель спросил: "Мог ли Никита Сергеевич не делать доклад?" Я сказал: "Думаю, что не мог." Фидель: "Это – огромный подвиг, в такой тяжкий момент сказать своему народу правду. Но нужно верить в народ". Ленин говорил, что Россия выстрадала марксизм. Это наше прошлое. Сейчас Россия выстрадала коммунизм. Ко мне приходил человек в обмотках: "Ты внук Ермолая!" Мой дед-партизан, умирая, велел найти внука и сказать, что будет коммунизм. Я горжусь своим родом. ... В чем ошибка Сталина? Я думаю, что он верил в коммунизм. (Н. Хрущев – Не только верил, но и был предан ему всей душой.) Однако Сталин думал, что правды можно добиться, используя ложь. Партия борется на два фронта: и против ревизионизма, и против догматизма. Догматизм – самая злая сторона ревизионизма. Догматизм не изжит. Солженицына напечатали вопреки догматам. Догматики выдумывали нынешний ревизионизм. Я поддерживаю письмо писателей. Сколько было написано бездарных, догматических картин! Вот я смотрю на Вас, Никита Сергеевич, как плоха картина на выставке, на которой Вы изображены. Абстракционизм тоже может быть плохой и хороший. Например, в архитектуре, в тканях. С пачкунами нужно бороться. Но возьмем Пикассо. Неужели исключим его из числа борцов? На Кубе в одной хибарке жили два художника – абстракционист и реалист. Едва не подрались. Вот Эрнст Неизвестный. Его скульптура "Мальчик с мышью" – об Освенциме, она прекрасна, а Вы ему сказали: "Давай, уезжай!" (Реплика – Такого могила исправит.)

С. Герасимов. У нас пошла мода оплакивать сырых и убогих. Нарисовали хилого старичка, а это оказывается Толстой. Где же правда? ... Евтушенко мужествен и талантлив. ... Выставки художников следует устраивать на заводах, выносить их на суд народа. У нас кино ближе к народу, это не индивидуальное

искусство, оно не замкнуто в четырех стенах. Наша молодежь не вызывает сомнений, у нас в кино ничего не запрещают. Борьба художественных направлений — это не классовая борьба. Надо внушить художникам, чтобы прислушивались к массам. Но нельзя, чтобы все движение остановилось.

Г. Серебряков. Я хочу прежде всего поприветствовать Никиту Сергеевича. ... Евтушенко говорил о том, что якобы ненормальна ситуация, когда художники узнают о мире через Хрущева, а я считаю, что это прекрасно. Эренбург пишет не то. Поскребышев говорил, что Сталин любил и понимал писателя Эренбурга. Кое-кто из нашей молодежи оказался не на дороге, а в кювете. В заключение я хочу поблагодарить дорогого, очень любимого Никиту Сергеевича.

С. Щупачев. Презрительной критики заслуживает не только абстракционизм, но и натурализм. Социалистический реализм может иметь тысячи форм. Надо беречь людей, даже тех, кто ошибается. Хочу рассказать Московской организации. После пленума я получил горы записок — ни одной провокационной, ни одной злой. Отвечу Грибачеву резко и прямо. В товарище Грибачеве есть нескромность и самовлюбленность. Высокомерная, непартийная позиция. ... У нас хорошая, преданная молодежь. Половину доклада на пленуме я посвятил кровному родству поколений. ... С поэтами надо работать индивидуально. Надо ездить за границу. Поездки Евтушенко за границу полезны. ... Меня бьют по макушке, говорят, что я добр, а нужны строгие руководители. Нет. Доброта сильнее. Об общечеловеческих проблемах можем говорить правильно только мы, а не наши противники. ... С перестройкой организации я согласен.

И. Эренбург. Я не думал выступать. Побудил меня упрек в мой адрес. Мы написали письмо о "холодной войне", взяв это слово в кавычки. Даже здесь и сейчас

Грибачев и Щипачев продемонстрировали различные подходы, трения, хотя у них и нет разных идеологий. Товарищ Серебрякова, вы сказали то, что говорят обо мне враги. Поскребышев знал Сталина лучше, чем я. Я, правда, верил в Сталина и одновременно боялся его. Узнал, что лучшие командиры арестованы и не мог с этим согласиться. Такова моя драма, она, возможно, меньше Вашей, но она – моя. Нам нужно было сказать молодежи, почему мы молчали. Когда Арагон у меня спрашивал, что значат скобки за фамилиями космополитов, я уклонялся от ответа. А Сталин говорил – это пахнет антисемитизмом. У верующих туфля Папы римского вызывает трепет. И неверующие с уважением смотрят на вмятины в мраморе памятников. Я видел, как бойцы шли на смерть за Сталина. Серебрякова прошлое знает лично, а я не знаю, и не могу ответить, когда спрашивают: почему Вы уцелели?... Мы все занимаемся образованием, а не воспитанием. Никакая физика не воспитывает. Владимир Ильич говорил, что ему не нравится Маяковский. Он никому не навязывал Маяковского, но и не запрещал его. А Сталин сказал о нем: "Лучший, талантливейший...". Новое для нового – это шарлатанство. Но новое необходимо для поисков правды. Маяковского не было бы без Хлебникова. Однако Хлебникова читать нелегко. Билютинцы – абсолютные дилетанты без мастерства. Но я не согласен с Никитой Сергеевичем, что их нужно ссылать. Не думайте, что мне нравится абстракционизм. "Обнаженная" Фалька – картина того времени, когда праведники, те, кого Вы, Никита Сергеевич, зачислили в праведники, были вместе с ним. Сегодня же Кончаловский попал в праведники, а Фальк в грешники. Скажу по совести, я своих книг тех лет совсем не могу читать. Влияние Андрея Белого. Все изменяется, зачем же нападать сегодня на "Обнаженную". Говорят Жданов, когда слушал оперу Шостаковича, сидел слишком близко к духовым инструментам и был оглушен, поэтому и сказал – сумбур вместо музыки. ... Сегодня в Израиле заявляют, что я убивал евреев. Ваша трагедия, Галина

Серебрякова, не личная, она заключается в том, что артиллерия била по своим. Предложение к Вам, Никита Сергеевич – осторожней с молодежью. Мы битые, все битые, а молодежь не знала слепого ужаса. Мы с Вами, Никита Сергеевич, не доживем до коммунизма. Вы сейчас выступаете, а на местах начнут администрировать, выбрасывать картины. Я надеюсь, Никита Сергеевич, что Вы проявите большую терпимость и поймете, что это не враги. Культ "колесиков и винтиков" отменен.

В. Серов. Я согласен с Никитой Сергеевичем. Абстракционизм – наиболее реакционная из форм буржуазного искусства. Ошибаются Евтушенко и Эренбург. Мы не критиковали других художников, потому что те – просто бездарность. Абстракционисты – это принципиальная беда. Вы затаптываете искру в себе, товарищ **Неизвестный!**

Л.Ф. Ильичев – читает записку Е. Вучетича о том, что его статью не напечатали в "Правде" (*Реплика* – такое орудие надо держать в боевой готовности.)

Н.С. Хрущев. Записалось еще 32 человека. Есть чистые и нечистые. Всех надо выслушать. Соберемся после, товарищи. Идет война за умы людей, а ваши умы ценны не сами по себе – вы маршалы. ... Произведения о культуре личности – тяжелая тема. Кто хочет помочь партии, тот так осмыслит прошлое, что не будет разъединять, бередить, разоблачать. Многие критикуют нас, что, дескать, мы – сталинисты. Иной смотрит мне в глаза и, я вижу, думает: "Ты и есть первый сталинист". Кто судьи в литературе? Сами писатели. Но они – судьи пристрастные; как мать своему дитяти. Неверно считать, что все написанное от Бога. Тут говорили о Есенине. На мой взгляд, тот, кто кончает жизнь самоубийством, не достоин уважения. В нем есть что-то болезненное. Положение у писателей хорошее, но в их среде – много мусора. Вы сами разбирайтесь. Вот Полянский,

он у нас молодой, но уже дочь выдает замуж. Один студент принес им в подарок картину и непонятно, что это? Говорят, лимон. Так каждый может намалевать. Неизвестный! Если это у вас женщина, то вы педераст. А педерастам дают десять лет. Наверное, и Ной не брал всех в свой ковчег. (Реплика — Брал, брал.) Сравните автопортрет Лактионова и автопортрет абстракциониста Журковского. Отошли бы, посмотрели и сказали. Вот товарищ Евтушенко попал в защитники. Но я не нейтрален. Я привык бороться. Мне очень нравится рассказ про Пиню-анархиста, который первый полез драться в тюрьме. А я секретарь ЦК, вы меня выбрали. Эрнст Неизвестный смотрит на меня свысока. А вы вспомните медиума в "Плодах просвещения", как с ним там обошелся профессор. Я видел, например, плакаты МОПРа "Записался ли ты в Красную армию?" Вот это были призывы. А кого и куда зовут нынешние скульпторы? Евтушенко у Неизвестного мышь увидел. А я никаких мышей не увидел. Мы не считаем их врагами, контрреволюционерами. Но "живи и жить давай другим" — не наш лозунг. До съезда слушайте нас. Говорю не всем, а тем, кто с нами. ... В Берлине я подхожу к памятнику — плакать хочется. А этим — только медь переводить. О меди я спросил у Шелепина: откуда художники ее берут? ... Хочу высказать претензию товарищу Шостаковичу. Один раз джаз, другой раз джаз. Мы аплодировали, ведь музыканты не виноваты. А не понравилось. Мы утратили мелодичность. Я человек старорежимный, люблю песни Евтушенко, хотя есть и спорность. Не хочу обидеть негров, но джаз это для негров. А твист — это секта трясунов. Я не танцую, но на такое и смотреть противно. ... Я за войну в искусстве, а не за мир. Что делать с Неизвестным? Если вы убеждены, что он настоящий талант, пусть попробует, а не хочет — вот ему транспорт и пусть едет. ... Мы за сосуществование между государствами, а не за сосуществование в идеологии. Борьба не терпит компромиссов. Сталин не пригласил бы вас сюда. Сидели мы однажды в ложе на опере "Алеко", Сталин, я и Булганин. Сталин меня

спрашивает: "Как ваша фамилия?" — Отвечаю. — "А Ежов говорит, что вы — поляк". Вот это — культ. Но осудить культ не значит отпустить бразды правления. Когда милиционер ведет убийцу, за два квартала смотрят и не считают это насилием. Надо, чтобы мы вас поддерживали и вы нас. А кто не хочет, паспорт дадим. (Перерыв до января.)

Запись встречи, состоявшейся 7-8 марта 1963 года

Н. Хрущев. Холуй буржуазии могут выйти из зала. ... Эренбург пустил двусмысленное слово "оттепель". Для врагов у нас всегда мороз. (Кого-то послал за картиной.)

С. Михалков. Я не подготовился. (Читает письмо Бенуа против абстракционизма.) Западное общество не в состоянии сопротивляться абстракционизму. Но бывают и прогрессивные элементы. Больного Александра Герасимова вынудили на выступление, которое нас не сплачивает. ... ЦК настаивает. ... Значение эстетического воспитания. (*Л. Ильичев* — Я Вас поправлю. Это было устранено. Вы поднимаете ложную тревогу.) — Говорит о неправильном отношении к детским театрам. — Необходимо больше детских театров. Им нужны дотации. Они не могут самоокупаться. (*Н. Хрущев* — Глупо говорить о самоокупаемости детских театров. Тогда надо устранить народное просвещение.)

А. Прокофьев. Меня приписали к "правым" за то, что я критиковал "Треугольную грушу". Я получил удар шпагой от Рождественского (*Н. Хрущев* смеется). Молодые хотят прийти к славе любой ценой. Стихи Вознесенского крикливы, рассчитаны на моду. Маяковский давно описал Америку. Выступление Евтушенко — книжное. Не почувствовал я к нему великого доверия. (*Н. Хрущев* — Два года длится разговор, и он не кончится в 63-м году.)

А. Малышко. Стыдно нам, что мы боялись бороться с абстракционизмом. Художник-абстракционист подобен деревенскому юридивому. И Пикассо должен от многого очиститься. Мы принимаем только "Гернику", а то с Пикассо получается так – раз есть попы в Совете Мира, мы стало быть, тоже должны верить в Бога. Молодые писатели – Вознесенский, Ахмадулина – не вызывают такого восторга, как Шолохов и Твардовский. В Югославии издают Пастернака, Цветаеву, Вознесенского. О них говорят на конгрессах писателей соцстран и Европейского сообщества. О другом уже и говорить нельзя. За границу ездят писатели, которые преклоняются перед Западом.

П. Бровка. (цитирует Рыленкова: "Я не люблю абстрактного искусства".) Чего стоят утверждения некоторых "правдолюбцев", будто в годы культа мы ничего не создали? Конечно, и в нашей жизни можно увидеть отдельных страдальцев. Но журналы и газеты – не мешки, куда все можно свалить. Где же тогда работа редакций? (*Л. Ильичев* – Правильно.)

(После перерыва, когда толпятся у столов):

Л. Ильичев читает записку А. Жарова, в которой приведено раннее стихотворение Эренбурга: "... тащат девку насиловать. Это есть наш последний и решительный бой...".

Н. Хрущев. Я с уважением относился и отношусь к Эренбургу, но это... Я с интересом читал воспоминания Эренбурга. Я-то в Красной армии воевал, а он – то на Дону, то у белых. Нам тогда было легко, весело, а Эренбургу почему-то все время тяжело. Я видел беглецов, лакеев буржуазии, но мы торжествовали, а как были одеты... Эренбург не радуется революции, а страдает, глядя из окна чердака. Что же, как Вы к нам, так и мы к Вам, товарищ Эренбург. Сейчас враги осознают нашу мощь и нам предлагают идеологическое сосуществование. Какой-то корреспондент, Кобсон или Томсон,

говорил: разрешите свободно продавать наши газеты. Может быть, Вы назначите Аджубея редактором? Я отвечаю: "Вот ту газету, редактором которой будет Аджубей, мы будем продавать." Вы, товарищ Эренбург, неплохо умеете скрывать свои мысли, но мы умеем читать между строк. Товарищ Евтушенко, я в прошлый раз не дослышал. Вы сказали: "Времена не те." Речь шла о том, что перед войной "Правда" готовила разгромную статью против Утесова, а наборщики набирали ее под утесовские мелодии. Но и не те времена, когда существовал клуб Петефи. Москва — не Будапешт. Клуба Петефи не будет. И конца борьбы не будет. Глушить даже неверные мысли — неверно. Пусть и неверная мысль созреет. Надо, чтобы не партия, а вы сами боролись за чистоту своих рядов. Мне очень нравится и прошлое и сегодняшнее совещание. В первый раз я говорил о том, что джаз — это негритянская музыка, говорил даже Томсону — не ваша, а негритянская. А теперь скажу, что мы не против хорошего джаза, например Утесова. Не должно быть и милицейщины в искусстве. А то может случиться, что автомат испортится и все время будет красный свет. Даже чеховский мужичок не каждую гайку отвинчивал, чтобы крушения не было. Вот и мы будем одну отвинчивать, а другую завинчивать. Скажу о театрах. Не хватит ли водить на казнь шотландскую королеву? В Малом театре "Горе от ума" хорошо поставлено, но с подкашливанием и есть дань прошлому. Насчет "Заставы Ильича" — не верю я вам, товарищи Хуциев и Герасимов, не верю, что так бывает. Даже сука спасет своего щенка, а отец сына — тем более. А в этой картине как? Переключка с Грибоедовым. У отцов, мол, учиться нечему. Сатира бывает разная. ... Вот думают, что борьба с абстракционизмом идет потому, что плохо с харчами. Сидит такой деятель в клозете и придумывает. Наша разведка сообщает, что на Западе так говорят: "В сельском хозяйстве провал, в промышленности провал, начали заниматься абстракционизмом." Мы на это отвечаем: "Извините, партийное руководство мы ни с кем делить не будем!"

Вы думаете, при коммунизме будет полная свобода? Коммунизм — это стройное, организованное общество. Будет автоматика, кибернетика. Но будут и люди, облеченные доверием и указывающие, кому и что делать. Кто-то должен наблюдать за винтиками. Кто? Человек, облеченный высоким доверием.

Перерыв

М. Шолохов. (невнятно) В прошлый раз я с вожделением смотрел на Эренбурга, хотел скрестить с ним критическое оружие. Но вот, смотрите, я выхожу безоружным. (показывает руки.) Я хочу лишь ответить Эренбургу. Он говорил Серебряковой, что у него со Сталиным была любовь без взаимности. А как с нынешним составом правительства? Тоже без взаимности. А у нас любовь со взаимностью. (*Н. Хрущев* — Мы Вас любим и надеемся, что и Вы нас будете любить.)

М. Ромм. (начинает говорить, его не слышат. *Н. Хрущев* — повернитесь к залу, Вас не слышно. — Говорит извиняющимся тоном что-то о 20-м и 22-м съездах). Такие фильмы как "Два гроша надежды" и "Похитители велосипедов" мне нравились и нравятся. Но и наша кинематография интересна. (*Н. Хрущев* — А Хуцнев талантлив?) Я считаю, что талантлив. Я иначе истолковываю эпизод с отцом. Он не увиливает от ответа. Но мне трудно спорить с первым секретарем ЦК. (*Н. Хрущев* — Тогда Вы лишаете меня права подавать реплики. Я ведь тоже сын своего народа.) Наш кинематограф на правильном пути. Хотя есть и тревоги. Нам нужно рука об руку дружно работать. (*Н. Хрущев* — "Рука об руку", "дружно" — не те слова. Направление должно быть правильным!) Каждый из нас может 100 раз ошибаться. (*Н. Хрущев* — А не много ли 100 раз?) Мы слышали, что готовится ликвидация Союза кинематографистов. (*Н. Хрущев* — Будет двоецентрие.) Тогда Союз не будет стоить ни копейки. Вы сами сказали, что будет двоецентрие. (*Н. Хрущев* — А Вы положитесь на партийное руководство.)

Ек. Шевелева. Сегодня 8 марта, а выступают одни мужчины. (Читает стихи "Я верю в судьбу твою, Индия", рассказывает об Индии.)

Т. Хренников. Плохое воспитание дают молодежи в консерватории. Душок или даже дух либерализма. (Ругает "ночной город" в Большом театре.) Музыкальная общественность считает, что джаза не должно быть — разьедает. Москва — "джазоубежище". (Н. Хрущев — Это Министерство культуры так руководит!)

Г. Чухрай. Впервые участвую во встрече с правительством. Это высокая честь. Выступление абстракционистов вызывает тревогу. Лозунг сосуществования идеологий бессмысленен. Югославия показывает, к чему это ведет. Выступал я в Белградском университете — улюлюкали. Когда противник улюлюкает, это приносит радость и гордость. (Н. Хрущев — (елейно). Но сейчас Тито иначе смотрит на вещи.)

Принесли картины. Во время показа американской абстрактной картины И. Ильичев дает объяснения.

Н. Хрущев. — Зачем вы объясняете, картина сама за себя говорит.

Г. Чухрай. В фильме "Танец под дождем" половой акт на экране. Я там отчаянно спорил. Взывал к мужской гордости студентов. Я тоже люблю женское тело. Но надо защищать искусство. Некоторые жалуются, что надо иметь мужество, чтобы отстаивать социалистический реализм. Конечно, кому-то надо иметь мужество. Я прыгал с парашютом в тыл врага. Был ранен. Может показаться, что мой путь безоблачен. ... Согласен — опасность формализма и абстракционизма велика. Выслушал на прошлом совещании* речь Ильичева и думаю: нужно драться с догматиками и дуралеями. Вот

* Речь идет о встрече с творческой молодежью 26 декабря 1962 г.

на партийном собрании по поводу "Баллады о солдате". Секретарь спрашивает: "Почему вы показываете женщину, которая изменила мужу? Почему солдаты отдают мыло, значит, они не будут мыться? Значит, армия нечистоплотная?" Было и такое: "Опозорил советских людей, извратил картину тыла." "Баллада" – готовый фильм – отвергалась. Некоторые бездарности приняли ее как сигнал к пересмотру политики партии. XX съезд провозгласил доверие к художнику. Если мы ошибемся, нас надо как следует взгреть.

Н. Хрущев. Ну зачем же как следует? Надо просто исправить. Бывает, и мы ошибаемся, от ошибок никто не застрахован. Несчастье, что Сталин считал себя застрахованным от ошибок. Говорят, Евтушенко ошибался. А между тем отчеты из посольства ФРГ, Франции показывают – правильно себя вел.

Г. Чухрай. В Париже была дискуссия с французскими кинематографистами. Антигероизм – хитрая лошадка буржуазии. Кто будет совершать поступки, если нет героя. А человек из "Октября" выхватил одну фразу из моего выступления на симпозиуме и начал топтать ногами меня в грязи. Развелась публика, которая смотрит на наши споры, как на ристалище, а надо бороться за чистоту коммунистической идеологии. О Союзе кинематографистов – это настолько серьезно, что не уйду с трибуны, пока не скажу. Никита Сергеевич, если оставите Союз кинематографистов, честью клянемся, что не подведем.

В. Ермилов (во время его выступления Ильичев не переставая кивает). Средний уровень поэзии очень высокий. Какие основные опасности. Выдвинута теория реализма без прилагательных. Она – в книге американца Мэтьюсона "Положительный герой". ... Оскорбление В. Некрасова по поводу несостоявшейся встречи в Колумбийском университете. Роняет честь. ... Я подождал бы еще десять лет, а потом стукнул бы башмаком по столу – не знаю, можно или нет. (Н. Хрущев – Можно, можно.) За все ему, Некрасову, стыдно.

Берет на себя вину за то, что толкнули Корбюзье на строительство церквей. (*Н. Хрущев* — А какой дворец отбросил.) Со стороны Некрасова было глубоко недемократично говорить о фильме "Застава Ильича" до его выпуска на экран. Недостатки в работе Союза писателей: никто не изучает процессы, совершающиеся в зарубежных литературах. Иностранная комиссия могла бы обобщить результаты поездок. Не обобщает, превратились в туристское бюро. Что за люди инструктируют перед отъездом. Случайно концентрируется внимание вокруг некоторых имен. Поверхностность. Вредна огульная критика. Она имеет отрицательные последствия, создает иллюзию гонимости. Молодые писатели вводят в книги жаргонные словечки. (*Н. Хрущев* — Противно читать.) Из-за моды вне поля зрения остаются многие таланты: Межиров, Георгий Семенов, Ефим Дорош, Ольга Бергольц. Секции живут недостаточно творческой жизнью. Нет у нас чувства идеологического противника.

Перерыв

Н. Хрущев (отвечает Г. Чухраю). Кино — дальнобойное орудие. Он разложил своей речью руководство. Наше положение таково — Сталин был деспот. Но деспотизм свой использовал в интересах партии. Люди с душком хотели бы, чтобы коммунизм выбросили вместе с культом личности. К старому нет возврата. Когда раньше в деревне хоронили ведьму, то вбивали осиновый кол. И мы вбили. Но есть и другая сторона: Сталин направлял артиллерию по своим, а мы ее держим в порядке, чтобы бить по врагу.

Б. Иогансон. Некоторых людей захватил пафос отрицания. Этим пафосом продиктован "Один день Ивана Денисовича". Лучший памятник тем, кого нет среди нас, — пафос утверждения.

Н. Хрущев. Правильно. Нечего мусорные ящики описывать. Они будут и при коммунизме. Копаться в них — услаждать врагов.

Р. Рождественский. Нас зовут молодыми. А у нас уже растут дети. ... Наша партия — самая поэтичная. Мы живем в поэтическое время. У нас говорят, что поэзия победила хоккей, бокс. Проблема отцов и детей — выдуманная. Молодежь учится у старших. Нам говорят — гнилая молодежь. Лихие спекулянты на идеях, не научившиеся ничему. (Читает стихотворение "Выйдет, мальчики!". *Ильичев* хлопает.)

Н. Хрущев. Вы с коммунизмом бороться собираетесь? Становитесь в ряд.

Л. Соболев. Как получилось, что некоторые писатели либо сами пишут сумрачные вещи, либо поддерживают их? Нам внушают понятия о свободе творчества, близкие буржуазной демократии. Появляются обтекаемые произведения, обольстительные, парадоксальные. Нам нужен пафос, чтобы восхититься самими собой. А мы читаем сумеречные повести, в которых авторы не дают героям увидеть за деревьями леса. Почему мы стыдимся создавать положительные образы? Боимся упреков либералов. Мы видели плохое на войне, но ведь мы об этом не писали, и об этом не надо писать. (Слово "залакировал" никак не мог выговорить.) Где же свобода критики молодых по Ленину? Вот буржуазная пресса пишет по поводу четвертой генерации. Надо создать издательство "Коммунистический современник" и увеличить тираж "Литературной России". (*Н. Хрущев* — Выгодно не дробить издательства.) Надо печатать людей, которые не могут печататься.

А. Пластов. После встречи 17 декабря поехал в массы. Абстракционизм, соцреализм — этих слов не понимают. "Добрался, мол, до вас!" В деревне нет проблемы отцов и детей. Русский народ от века говорил на языке

социалистического реализма. Мне говорили: "В Москве с жиру бесятся. Водка замучала. Ну, лучше бы налоги больше брали, жили бы также, а мужчины были бы целее." – а рядом вздыхал старик: "И все с нас!" (Н. Хрущев спрятал голову.) Жалование получают. А зачем тогда на выставках премии? Мы боремся с абстракционизмом, зачем же открыли выставку Леже? Нельзя же все время жить в Москве. Тут правды не узнаешь. Здесь услышим, что надо говорить, а там – что надо делать. (Утомил аудиторию – 40 минут.) Ко мне придирались: "Почему тракторист на картине пьет молоко – это сметана на треть?" Мне задавали вопросы: "Абстракционисты русские или нет? Народные или нет? А если народные, то как они сами от себя оторвались?.. Сытые вы там, вот и выдумываете".

Н. Хрущев. Будем посылать лекторов, но там тоже спросят: "А сколько заплатят?" (рассказывает историю о знаменитом певце в своей деревне).

А. Платов. Лучший способ борьбы против абстракционизма – давать безупречные реалистические картины. Как трудно работать – прекрасная старуха, лучший работник, а лицо невыразительно.

Н. Хрущев. Я пошел бы на святую ложь, написал бы ее прекрасной.

Э. Неизвестный. Мы стремимся к высокой простоте. Не буду посвящать аудиторию в творческие искания. С верой смотрю в будущее. Может быть, наступит день, когда меня назовут помощником партии.

Н. Хрущев. Надо помогать художнику. Критика должна быть товарищеской. А Рождественский хочет свести счета в политике. Я не говорю, что стихотворение не партийно. Можете спать спокойно. Грибачев сказал: "Нет, мальчики!" Но он имел право это сказать – он хороший солдат партии. Он писал свое стихотворение только из хороших побуждений.

Продолжение встречи 8-го марта

Н. Хрущев поздравляет женщин, мужчин – как хороших мужей своих жен.

В. Василевская. Меня беспокоит, что некоторые неосторожно распространяют на Западе сведения об СССР. Приведу интервью в Польше одного советского поэта и одного прозаика: "Вопрос: Что думает о литературе их поколение? – Ответ: поэт: (*Крики – Кто? В. Василевская – Не имеет значения.*) Есть перпендикулярный разрез от Пушкина до Пастернака, отделяющий таланты от бездарностей. Бюрократы делят на поколения. – Вопрос: Чьи произведения выдержали проверку временем? Ответ: Гроссмана, Эренбурга, Солженицина. (*Голос с места – Кто это? Другой голос – Сережа, какое это имеет значение, кто это? Н. Хрущев – А все-таки, кто?*) Не хотела говорить. Поэт – Вознесенский, прозаик – Аксенов. Спросили: Какие цели ставите? – Ответ Вознесенского: "Красота, она переменит мир." Как можно так говорить?! Как можно давать такие интервью в Польше, где сильно буржуазное влияние. Там это воспринимается как директива. Советская литература была для них путеводной звездой. Плохое об СССР поляки знают с Запада, а хорошее – несите вы. Нет новых хороших книг, дайте старые. За что же мы боролись, если такие мрачные перспективы? Надо проверить "Международную книгу" и издательства на иностранных языках. В Париж можно все посылать, а в страны, где идет борьба – нет.

Голоса: Пусть Вознесенский ответит! – Он позже записан. – Пусть говорит!

А. Вознесенский. Как и мой любимый поэт и учитель Маяковский, я не член партии. (*Н. Хрущев – Не доблесть! Вызов даете! – Кулаком по столу – крещендо – не могу спокойно слушать подхалимов наших врагов! – Голоса – Долой! – Н. Хрущев – Мы бороться можем.*

Он хочет создать партию беспартийных! Мы ведем историческую борьбу, господин Вознесенский!) Мне не дали окончить фразу, тут запятая – но как и Маяковский, я не отделяю себя от партии. (Н. Хрущев – К таким, как вы, будут приняты самые жесткие меры. Мы именно те, которые помогали венграм давить восставших. У нас есть большой опыт. Мы еще переучим вас! Хотите завтра получить заграничный паспорт – езжайте к чертовой матери! Не все русские, кто родился на русской земле. Эренбург сидел со сжатым ртом, а когда Сталин умер, он разболтался. Не дадим болтать и теперь!! – В этой сцене самое страшное – аплодисменты; кое-кто спрятался: Борщаговский, Хуциев, Бондарев – А вон те молодые люди, вы почему не аплодируете?! Вон тот очкарик! – Голоса – Поднять его!! – Подняли Голицина – Голоса – Кто он? Какой индюк?) А. Вознесенский – Я не представляю своей жизни без СССР (Н. Хрущев – Ваш вдохновитель – Эренбург! Вы с нами или против нас? Никакой оттепели не будет, или лето или мороз!!) Моя позиция – в стихах. У меня были срывы, как в этом польском интервью. (Н. Хрущев – Нет людей безнадежных. Вот Шульгин – лидер монархистов, а теперь с нами. Ладно, не надо больше шуметь. Меры мы всегда успеем принять. Давайте послушаем его. Сколько вам лет?) Двадцать девять. (Н. Хрущев – Во внуки годится. Но наша молодежь с партией. Если нет, то под жернова! Не надо уговаривать таких как Вознесенский. Не надо уговаривать бороться. Рождественский стоит на лучших позициях, чем Вознесенский.) Я автор стихотворения "Секвойя Ленина". (Читает стихотворение.) (Н. Хрущев – Вам поможет только скромность. Вскружили голову. Родился принцем. В 29 лет я был ответственным, а Вы безответственный. Подаю руку, чтоб были солдатом. – *Подает руку сверху вниз.*) Не буду говорить слов, работа покажет.

В. Смирнов. Этого мало. Давайте спросим Московскую писательскую организацию, как они таких воспитали?

(Вытащили на сцену Голицина. Он молчал. Затем – Аксенова.)

Н. Хрущев. Вы нам за отца мстите, что ли? Вы клевете на нас! Ну хорошо, отец погиб, мы оплакиваем.

В. Аксенов. Отец жив – он реабилитирован. Это счастье семьи. Реабилитация моего отца связана с Вашим именем, Никита Сергеевич.

Н. Хрущев. Что же вы тогда против нас? Пора Вам знать, Аксенов, что холодное, что горячее. (Рассказывает, как при оттепели могут расти сорняки.) Мы не признаем лозунга "Пусть расцветают все цветы". Репрессии – тяжелая трагедия. (Рассказывает о Якире.) Вы, Аксенов, честный человек, но на вас делают ставку империалисты. Мы Вам не угрожаем, а хотим защитить.

В. Аксенов. Думаю только о том, чтобы приносить пользу советской стране.

Н. Хрущев. И Пастернак так говорил. И Шульгин говорил. А он делает полезное дело.

Голоса: Щипачева на трибуну! Мальцева!

Мальцев. Я, собственно, всего два месяца секретарь. (*Н. Хрущев* – Когдаходишь в сортир, так сразу чисти.) О том, что рассказала Ванда Василевская, я первый раз слышу. Мы ведь не имеем иностранной информации. Нам ее надо давать.

Н. Хрущев. Не мы должны вас информировать, а вы нас. Вы – коммунист, и контрреволюционеров у себя должны знать.

В. Смирнов. (Критикует доклад Борщаговского о молодежи.) "Литературная Россия" – туда и сюда. Трудности у редколлегии "Литературной газеты".

Критик М.К. даже жал руку Борщаговскому после пленума. (*Н. Хрущев* – Мне рассказывали, что когда Неизвестный был на заседании идеологической комиссии, то к его выступлению там многие отнеслись холодно. Выходит, что они у вас определяют атмосферу?) Надо договаривать до конца, Соболев только намекнул. После 22-го съезда на партсобрании прорабатывали Кочетова как главную опасность. Участвовали и Щипачев, и Мальцев. (*Н. Хрущев* – Ничего себе проводники линии партии!) Щипачев кривит душой. Мы там в меньшинстве. Мы вынуждены просить на съезде писателей РСФСР всех, чтобы нас выбрали. Рыба тухнет с головы. Союз писателей – с Московской писательской организации. Теперь партия нас поддержит. Не будет литературы, если не покончить с групповщиной. (*Н. Хрущев* – Если не справятся сами коммунисты, то назначим бюро ЦК.)

Оруженяня (армянский композитор). Гнев и боль вызывают молодые поэты. Поблагодарим Н. Хрущева за огромное доверие.

В. Кочетов (впечатление волка на трибуне). В Московской писательской организации складывается такое положение, что лучше промолчать. Молодые не привыкли к такой встрече, как сегодня, а мы привыкли. Вознесенский – ученик Пастернака, а не Маяковского. Мы редко выезжаем за границу, а вот эти молодые поэты как челночная авиация колесят по Европе. Там они стыдятся произносить слово "соцреализм". (*Н. Хрущев* – Я знаю Вас и Грибачева как хороших бойцов, надо бороться.) Партия победит. Наши книги ждут тех, в которых мы увидим завтрашний день. (*Н. Хрущев* – Я не понимаю, как беспартийный Эренбург увлек кандидата в члены ЦК Суркова подписать документ о мирном сосуществовании. – *А. Сурков* – Я немножко боролся. – *Н. Хрущев* – Эх, вы, капитулировали...) Вообще в Московской писательской организации перестарались – Соболева не избрали. (*Н. Хрущев*

– Можно представить, что писатели заматерели в Москве. Просили квартиру для сибирского писателя.) Нас 1400 человек. Не думайте, что большинство – противники. (*Голос* – Триста человек. – *Н. Хрущев* – А может быть писателей распределить по одному в заводские партийные организации. Пусть свежим воздухом подышат.) Конструктивно теперь все надо перестроить по производственному признаку. (*Н. Хрущев* – А Щипачев просто выдохся.) А он особенно и не вдыхался. (*Н. Хрущев* – Нет, не говорите, был бойцом.) Московское отделение не так осветило совещание 17 декабря. Я вынужден был собрать в "Октябре" расширенное совещание общественности. Предлагаю разделить Союз на две части: тех, кто пишет книги, и тех, кто склочничает. А может быть, создать новый союз всех творческих работников с новым приемом. (*Н. Хрущев* – Не аплодирую, не разобрался.) Был в Норвегии. Расспрашивали о Пастернаке. Текущей советской литературы не знают, знают только Евтушенко и Вознесенского. (*Н. Хрущев* – Если бы "Живаго" был напечатан здесь, никакой премии бы Пастернак не получил.) За границей "Живаго" не уходит с полок книжных магазинов – бизнес не состоялся. Недавно в "Новом мире" была напечатана знаменательная штука – "Вологодская свадьба". Жуть, пьянство. (Читает письмо из Вологды.) Нельзя выбрасывать вместе со Сталиным Советскую власть. Подготовил другую речь, но прочел эту.

Азгур. Почему некоторые искусствоведы поддерживают абстракционистов?

Д. Налбандян. Наш народ негодует, а в прессу это не доходит. Откуда берутся книги Эренбурга? И что это за писатель? До каких пор у нас будет демократия? Не те художники заседают в правлении МОСХ. (*Н. Хрущев* – Если в творческих союзах такие вывихи, то надо созвать не съезд, а совещание, чтобы собрать те силы, которые нам нужны. А тем, кто настроен оппозиционно – дадим паспорта на выезд. Демократия – средство,

а не цель. — *Л. Ильичев* — речь идет только о художниках. — *Н. Хрущев* — тогда еще проще. Знаете тот случай, когда Съезд Советов пошел против Октябрьской революции? — *Голоса* — Учредительное собрание. — *Н. Хрущев* — Ну, да, Учредительное собрание. Правильно тогда сделали, что распустили. Поручили Свердлову... а ведь железные дороги были расстроены. Так неужели теперь мы поставим под сомнения наши завоевания!) Если кто назовет Репина или Сурикова — освистят. Разве виноваты художники и писатели, которые честно воспевали культ? Что же это — клеймо?

Н. Хрущев. 99% вещей, не пропущенных Сталиным, были задержаны верно. Сталин — не враг революции. Теперь некоторые говорят: тогда выпустили, а теперь замалчивают, да еще сильнее. Нет, не протащите! А кто же судит, что и как писать надо? Те же писатели, что сидят в Комитете. Почему вы считаете принуждением требование, чтобы опустили что-то. Это не демократия, а сумасшедший дом. Не думайте, что будет жестче, просто к вам будет больше внимания.

Мирзо Турсун-Заде. Меня возмутил Щипачев. Не зря из недр Московской писательской организации вышло письмо о "сосуществовании". А вот наша делегация побывала в Танганьике и убедилась в остроте идеологической борьбы. Нет никакого "сосуществования". "Один день из жизни Ивана Денисовича" — хорошая повесть. Но ведь после нее в нашей литературе сложилась такая тенденция: дескать, Солженицын открыл дорогу, значит, тащи-ка сор из мусорных ящиков. Наша литература — не критический реализм. Для Маяковского Эренбург не нашел красок, а для французов нашел.

Н. Хрущев. Он там пишет: "В Париже писал, дышал, а в Россию тянет". Что же его тянет? Такие, как он, думают, как бы изловчиться, чтобы книга проскочила.

Речь *Л. Ильичева (обращаясь к Г. Чухраю)*. Союз кинематографистов формально нами разрешен будет, если вы сдержите слово.

Н. Хрущев. Как в Ленинграде поставил Товстоногов "Горе от ума"? На занавеси Грибоедов – щит. Сами выступить бояться, так Грибоедов – программный писатель. Гнилая идея – ставить "Горе от ума". И оставьте шотландскую королеву. Велик был Шекспир, но всему свое время. Покажите пафос труда, что-то новое. ... Даже Сукарно – сторонник направляемой демократии. Есть острые произведения, разоблачающие культ: "За далью даль", "Один день", стихи Евтушенко, фильм "Чистое небо". Но если недостатки так называемых лакировщиков сравнить с недостатками тех, кто сидит на мусорной яме, то первые лучше. Эренбург говорит, что не был другом Сталина, но и врагом не был. Враги его на этом собрании не присутствовали бы. Молодец Галина Серебрякова – все выдержала и снова взялась за оружие. ... У меня были слезы на глазах, когда мы хоронили Сталина. ... В ЧК зря никого не расстреливали. (Рассказывает о Московском контрреволюционном центре – как едва не создали дело Попова.) ... Да, вообще, Сталин – это был сумасшедший на троне. ... Берия и Маленков предлагали сдать Ленинград, но мы с Молотовым отстояли. ... Грибачев – хороший солдат. ... Вся надежда Запада на "оттепель", хотят взорвать нас изнутри. ... Мне бы надо не стучать кулаком. ... Два студента после XX съезда были исключены из партии, устали за ними наблюдать, если бы их не остановить – пришлось бы арестовывать. На кой черт в тюрьмах людей держать? Их там кормить надо. Но иногда от этого удержаться нельзя. (Вспоминает о размолвке между Луначарским и Лениным после бомбардировки Кремля.) ... Пусть Эренбург докажет, что левые художники оформляли демонстрацию, пока не докажет – этого не было. О позиции В. Некрасова – мол, Хуциев прав, что не показал старого рабочего. (Крики – Позор! Позор! Гражданский позор "Новому

миру”!) О евреях. Я помню процесс Бейлиса. Принесли дело в класс. Евтушенко обвиняли в сионизме, пользуясь его неопытностью. Конечно, Евтушенко не сионист. Я вообще против погромов. Но ведь богатые евреи отсиживались при погромах в квартирах окоточных. Погромы были классовые, а не национальные. ”Союз русского народа” был не против евреев, а против рабочих. Стихотворение ”Бабий Яр” — не антисоветское. Товарищ Шостакович — Вы не разобрались. А Израиль теперь предлагает исполнять 13-ю симфонию. Говорят, музыка хорошая. Пойду послушаю. Запрещать не надо. Неприглядное впечатление от поездок за границу Паустовского, Некрасова, Вознесенского. Ошибки у Катаева в США. Евтушенко тоже не удержался, сказал, что ”Бабий Яр” не принимают догматики. Не говорю, что нужно отгораживаться от Запада. Общаться можно. Ходите на приемы, чтобы общаться с ними на пользу нам.

* * *

Через несколько дней после мартовской встречи в МК партии собрали писательский актив. Председательствующий секретарь МК Егорычев гневно осудил ”писателей-отступников”. Ему поддакивали Тавекелян, Арк. Васильев, Вас. Смирнов, Ирина Левченко, Юрий Жуков. Они изобличали ”молодых”, требовали слияния творческих союзов писателей, художников и композиторов с тем, чтобы освободиться от тех, кто ”мутит ряды”. Председатель Московской писательской организации Степан Щипачев и ее парторг Елизар Мальцев в меру сил старались защитить молодых талантливых писателей и даже Эренбурга, которого ”неверно” ругает Кочетов. Этим они вызвали гневную реплику секретаря МК Романова: ”Грибачева и Кочетова ЦК поддерживает, а Щипачев опять берет их под обстрел”. Атмосфера в зале была сильно накалена и выступавшие не стеснялись в ”сильных выражениях”. Так, в частности, когда Е. Мальцев заметил, что не надо вбивать

осиновый кол между писательской организацией и партией”, преподаватель Литинститута Власенков выкрикнул из зала: “В тебя самого надо вбить осиновый кол!” А. Сурков, отмечая, что молодые поэты, особенно Евтушенко, пользуются за рубежом огромной популярностью, заявил: “Но если нужно будет дать им по зубам, дадим!” Неожиданно выступил Юрий Жуков и голосом, полным драматизма, сделал экстренное сообщение: “Во Франции в журнале “Экспресс” печатается книга Евтушенко “Автобиография”. Не ясно, правда, написал ли ее сам Евтушенко или белогвардейский журналист. Это Вы ее написали, Евтушенко?” Голос из зала: “Ушел, исчез. Только что был.” Романов: “Евтушенко, мы ждем Вашего слова.” Голоса: “Евтушенко нет. Пусть Огнев скажет, он его хвалил! Огнева нет! Был, но исчез!” Романов: “Пора перестать отмалчиваться!”

В результате “встреч” Московская партийная организация писателей была ликвидирована, а московские писатели-коммунисты распределены по партийным организациям столичных предприятий. Сверх того при писательской организации была введена должность парторга МК.

Сама же организация Союза писателей Москвы уцелела. Более того, в том же году при выборах очередного правления Василию Смирнову и Ирине Левченко были даны отводы, как людям, выступавшим за уничтожение организации и оба они были забалотированы писателями. Снятие Степана Петровича Щипачева было, однако, предопределено, его место занял более послушный Г. Марков.

**ДОКЛАД
НА ЗАКРЫТОМ ЗАСЕДАНИИ
XX С'ЕЗДА КПСС
"О культе личности и его последствиях"**

Культ личности и классики марксизма

Товарищи! В отчетном докладе ЦК КПСС XX съезду и ряде выступлений делегатов съезда, а также ранее, на пленумах ЦК КПСС, уже много говорилось о культе личности и его вредных последствиях.

После смерти Сталина, ЦК партии начал постепенно, но настойчиво проводить политику разъяснения того положения, что для марксизма-ленинизма является непозволительным и чуждым особо выделять какое-либо отдельное лицо, превращая его в сверхчеловека, наделенного сверхестественными качествами, приближающими его к божеству. Предполагается, что такой человек все знает, за всех думает, может делать абсолютно все и является непогрешимым в своих поступках.

Вера в возможность существования такой личности, и, в особенности, такая вера по отношению к Сталину, культивировалась среди нас в течение долгих лет.

Целью настоящего доклада не является тщательная оценка жизни и деятельности Сталина. О заслугах Сталина при его жизни уже было написано вполне достаточное количество книг, брошюр и работ. Роль Сталина в подготовке и осуществлении Великой Октябрьской Социалистической Революции, в Гражданской войне и в борьбе за построение социализма в нашей стране известна во всем мире. Всем это прекрасно известно. Сейчас мы имеем дело с вопросом, который имеет огромное значение для партии не только в

настоящий момент, но будет иметь и в будущем. А именно — с вопросом о том, как постоянно рос культ личности Сталина, культ, который стал на определенной стадии своего развития источником целого ряда чрезвычайно серьезных и грубых извращений партийных принципов, партийной демократии и партийной законности.

Так как еще не вполне достаточно полно осознают практические отрицательные последствия культа личности, а также огромный вред, причиняемый нарушением принципа коллективного руководства партией и сосредоточение огромной, практически неограниченной власти в руках одного человека — ЦК КПСС считает абсолютно необходимым ознакомить XX съезд Коммунистической Партии Советского Союза с имеющимися в нашем распоряжении и относящимися к данному вопросу материалами.

Разрешите мне, прежде всего, напомнить вам, как строго классики марксизма-ленинизма клеймили всякое проявление культа личности. В письме к немецкому политическому деятелю Вильгельму Блоссу Маркс писал: ¹

”Из-за моей антипатии к какой бы то ни было разновидности культа личности, я никогда не придавал гласности, во время существования Интернационала, многочисленные письма, которые я получал из различных стран и в которых особо выделялись мои заслуги, что всегда обижало меня. Я даже никогда не отвечал на них, за исключением тех случаев, когда я хотел отчитать автора подобного письма.

Энгельс и я присоединились к тайному обществу коммунистов при условии, что все содержащиеся в уставе этого общества положения, допускавшие возможность суеверного почитания каких-либо авторитетов, будут исключены из этого документа. Впоследствии, Лассаль поступил совершенно противоположным образом”.

Несколько позднее Энгельс писал: ²

”Как Маркс, так и я всегда были против какого-либо публичного проявления культа личности, за исключением тех случаев, когда это было действительно необходимо. И больше всего мы выступали против таких проявлений по отношению к нам самим”.

Также хорошо известна чрезвычайная скромность, которой отличался великий гений революции — Владимир Ильич Ленин. Ленин всегда подчеркивал роль масс, как творцов истории, а также направляющую и организующую роль партии, как живого и созидательного организма и роль ее Центрального Комитета.

Марксизм не отрицает роли лидеров рабочего класса в руководстве революционным движением.

Придавая большое значение роли руководителей и организаторов масс, Ленин в то же самое время безжалостно клеймил всякое проявление культа личности, неумолимо сражался с чуждой марксизму теорией о ”герое” и ”толпе”, выступая против всех попыток противопоставить ”героя” массам и народу.

Ленин учил, что сила партии состоит в ее неразрывной связи с массами, в том, что за партией стоит народ — рабочие, крестьяне и интеллигенция.

”Только тот сможет победить и удержать власть в своих руках, — говорит Ленин, — кто верит в народ, кто окунается в источник вечно живой созидательной деятельности народа”.

Ленин с гордостью говорил о коммунистической партии большевиков, как о вожде и учителе народных масс; он постоянно призывал выносить все наиболее важные вопросы на рассмотрение сознательных трудящихся и их партии. Ленин говорил: ³ ”Мы верим в это, мы видим в ней мудрость, честь и совесть нашей эпохи”.

Ленин всегда категорически выступал против всех попыток, направленных на принижение или же умаление руководящей роли партии в структуре советского государства. Он выработал большевистские принципы партийного руководства и нормы партийной жизни, подчеркнув, что высшим принципом партийного руководства является коллективность. Уже в дореволюционные годы, Ленин назвал Центральный Комитет партии коллективом руководителей, а также стражем и толкователем партийных принципов. "Во время между съездами, — указывал Ленин,⁴ — Центральный Комитет охраняет и толкует партийные принципы".

Подчеркивая роль ЦК партии и его значение, Владимир Ильич отмечал: "Наш ЦК представляет собой в высшей степени сплоченный и авторитетный коллектив".

В то время, когда Ленин был жив, ЦК партии являлся действительным воплощением принципа коллективного руководства партией и страной. Будучи воинствующим марксистом-революционером, всегда непоколебимым в принципиальных вопросах, Ленин никогда не навязывал насильно своих взглядов товарищам по работе. Он всегда пытался убедить, терпеливо разъясняя другим, почему он пришел к тому или иному мнению.

Ленин всегда тщательно следил за тем, чтобы соблюдались нормы партийной жизни, чтобы устав партии действовал на деле, чтобы съезды и пленумы ЦК происходили в должное время.

Ленин о Сталине

В дополнение к великим заслугам В.И. Ленина, выразившимся в победе рабочего класса и трудящихся масс, в победе нашей партии и в проведении в жизнь идей научного коммунизма, его необычайный ум выразился также и в том, что он во-время заметил в Сталине ряд отрицательных качеств, которые позднее привели к весьма печальным последствиям.

Боясь за будущее партии и Советского Союза, В.И. Ленин дал Сталину абсолютно правильную характеристику, указав при этом на необходимость устранения Сталина с поста Генерального Секретаря. При этом Ленин указал, что Сталин является чрезвычайно жестоким человеком, что он недостойно относится к своим товарищам, что он капризен и злоупотребляет своей властью.

В декабре 1922 года, в письме к партийному съезду, Владимир Ильич писал:

”Став Генеральным Секретарем партии, товарищ Сталин сосредоточил в своих руках огромную власть, и я не уверен в том, что он всегда будет в состоянии использовать эту власть с необходимой осторожностью”.

Это письмо — политический документ огромного значения, известный в истории партии как политическое завещание Ленина, — был распределен среди делегатов XX съезда КПСС. Вне всякого сомнения вы его уже неоднократно читали и будете еще перечитывать не один раз. Я прошу вас обратить внимание, в какой форме Владимир Ильич выражал свое волнение о будущем партии, народа, государства, о будущем руководстве партии.

Владимир Ильич говорил:

”Сталин слишком груб, и этот недостаток, вполне терпимый в среде и общениях между нами, коммунистами, становится нетерпимым в должности Генсека. Поэтому я предлагаю товарищам обдумать способ перемещения Сталина с этого поста и замены его другим человеком. Этот человек, прежде всего, должен отличаться от Сталина в основном тем, что он должен обладать большим терпением, большей лояльностью, большей вежливостью и более внимательным отношением к товарищам, быть менее капризным и т.д.”

Этот документ, составленный Лениным, был доведен до сведения делегатов двенадцатого съезда партии, которые тогда обсуждали вопрос о смещении Сталина с должности Генерального Секретаря. Однако делегаты съезда решили оставить Сталина на посту, надеясь, что Сталин примет во внимание критические замечания Владимира Ильича и будет в состоянии побороть свои отрицательные качества, вызывавшие у Ленина такую серьезную тревогу.

Товарищи! Съезд партии должен быть ознакомлен с двумя новыми документами, которые подтверждают характеристику Сталина, данную ему Лениным в его политическом завещании. Этими документами являются письма Надежды Константиновны Крупской Каменеву, который возглавлял в то время Политбюро, а также личное письмо Ленина к Сталину.

Сейчас я прочитаю вам эти документы.

Письмо Н.К. Крупской:

”Лев Борисович! Из-за короткого письма, которое я написала под диктовку Владимира Ильича с разрешением врачей, Сталин позволил себе совершить вчера по отношению ко мне необычайно грубую выходку. Я не первый день в партии. В течение этих всех тридцати лет я никогда не слышала ни от кого из товарищей единого грубого слова. Дело партии и Ильича является для меня не менее дорогим, чем для Сталина. В настоящее время я нуждаюсь более, чем когда бы то ни было в контроле над собой. О чем можно и о чем нельзя говорить с Ильичем, я знаю лучше, чем какой-либо врач, так как я знаю, что его волнует и что нет. Во всяком случае, я знаю это лучше Сталина. Я обращаюсь к вам и к Григорию, как к близким товарищам В.И. и прошу вас защитить меня от грубых вмешательств в мою личную жизнь, а также от скверных ругательств и угроз. У меня нет никаких сомнений в том, каким будет единогласное решение

Контрольной комиссии, которой Сталину, по всей вероятности, нравится грозить мне. Однако у меня нет ни силы, ни времени, которые мне было бы необходимо затратить в связи с этой ссорой. Кроме того, я живой человек, и сейчас мои нервы напряжены до предела.

Н. Крупская

Надежда Константиновна написала это письмо 23 декабря 1922 года. Два с половиной месяца спустя, в марте 1923 года, Владимир Ильич написал Сталину следующее письмо:

Письмо В.И. Ленина:

”Товарищу Сталину;
Копии: Каменеву и Зиновьеву.
Дорогой товарищ Сталин!

Вы разрешили себе грубо вызвать мою жену к телефону и грубо отчитать ее. Несмотря на тот факт, что она сказала Вам, что она согласна забыть о сказанных Вами словах, тем не менее она рассказала о случившемся Зиновьеву и Каменеву. Я не собираюсь забывать так легко о том, что делается против меня, и мне кажется, что мне здесь не нужно подчеркивать тот факт, что все, что делается против моей жены, я рассматриваю, как бы если это делалось лично против меня. Поэтому я прошу Вас тщательно взвесить, предпочитаете ли Вы взять Ваши слова обратно и извиниться, или же Вы предпочитаете разрыв между нами взаимоотношений.
(Шум в зале.)

Искренне Ваш

Ленин

5 марта 1923 года.”

Товарищи! Я не буду комментировать этих документов. Они говорят сами за себя. Если Сталин мог вести себя подобным образом при жизни Ленина и

в особенности вести себя так по отношению к Надежде Константиновне Крупской, которую партия хорошо знала и высоко ценила, как преданного друга Ленина и активного борца за дело партии с первых дней ее создания – можно легко себе представить, как Сталин относился к другим людям. Эта отрицательная черта Сталина все время неуклонно развивалась и в последние годы его жизни приобрела абсолютно нетерпимый характер.

Как показали поздние события, опасения Ленина были обоснованными. В первый период после смерти Ленина, Сталин еще обращал внимание на его (В.И. Ленина) совет, но позднее он начал игнорировать предупреждения, сделанные Владимиром Ильичом.

Когда мы анализируем деятельность Сталина в отношении его руководства партией и страной, когда мы несколько задумываемся над всем тем, что совершил Сталин, мы необходимо должны прийти к убеждению в правоте опасений Ленина. Отрицательные черты Сталина, которые при жизни Ленина были только в зачаточном состоянии, в течение последних лет переросли в грубое злоупотребление властью, сосредоточенной в руках Сталина, что причинило нашей партии огромный ущерб.

Мы должны серьезно рассмотреть и проанализировать этот вопрос для того, чтобы мы могли предупредить всякую возможность повторения в какой-либо форме того, что имело место при Сталине, который абсолютно не терпел коллективности в руководстве и в работе и который практиковал грубое насилие не только по отношению ко всему, что противоречило его мнению, но также и по отношению к тому, что по мнению его капризного и деспотического характера, казалось, не соответствовало его взглядам.

Сталин действовал не методами убеждения, разъяснения и терпеливого сотрудничества с людьми, а путем насильственного внедрения своих идей и требования безусловного к себе подчинения. Тот, кто высту-

пал против такого положения вещей или же пытался доказать правоту своих собственных взглядов, был обречен на удаление из числа руководящих работников, на последующее моральное и физическое уничтожение. Такое явление произошло в период времени, последовавший вслед за XVII съездом партии, когда значительное число выдающихся партийных руководителей и рядовых активистов, являвшихся честными и искренними борцами за дело коммунизма, пали жертвой деспотизма Сталина.

Мы должны подтвердить, что партии пришлось вести серьезную борьбу против троцкистов, правых уклонистов и буржуазных националистов, в результате которой она идеологически разоружила всех врагов ленинизма. Эта идеологическая борьба была проведена успешно, в результате чего партия окрепла и закалилась. Здесь Сталин играл положительную роль. Партия вела серьезную политическую борьбу против тех, кто будучи членами партии, проповедывали антиленинские идеи и проводили внутри партии линию, враждебную партии и делу социализма.

Это была упорная и трудная, но необходимая борьба, так как политические линии, которые пытались проводить как троцкистско-зиновьевский блок, так и бухаринцы, обе, по сути дела, вели к реставрации капитализма и к капитуляции перед мировой буржуазией. Давайте на минутку рассмотрим, что бы случилось, если бы в 1928-1929 годах верх одержала политическая линия правых уклонистов или же мы взяли бы ориентацию на "хлопчато-бумажную индустриализацию" или на кулаков и т.д. Мы не могли бы иметь сейчас мощной тяжелой индустрии, у нас не было бы колхозов, мы были бы слабыми и безоружными среди капиталистического окружения.

Вот почему партия вела непримиримую идеологическую борьбу и разъясняла всем своим членам и беспартийным массам вред и опасность анти-ленинских предложений троцкистской оппозиции и правых оппортунистов. И эта огромная работа разъяснения линии партии принесла свои плоды: как троцкисты, так и правые оппортунисты оказались политически изолированными; подавляющее большинство членов партии поддерживало ленинскую линию и партия смогла стимулировать и организовать трудящиеся массы на проведение ленинской партийной линии и построить социализм.

При этом, однако, следует обратить внимание на то, что даже в ходе развития острой идеологической борьбы против троцкистов, зиновьевцев, бухаринцев и других, к ним не применялись суровые репрессивные меры. Борьба велась на идеологической основе. Спустя же несколько лет, когда социализм был в основном построен в нашей стране, когда эксплуататорские классы были в общем ликвидированы, когда социальная структура Советского Союза в корне изменилась, когда отпали социальные основы для возникновения враждебных партии политических движений, когда идеологические противники партии были уже долгое время до этого политически разбиты – тогда против них начались репрессии.

Именно в этот период (1935-37-38 гг.) стала применяться практика массовых репрессий, проводимых при помощи государственного аппарата. Вначале это имело место по отношению к врагам ленинизма – троцкистам, зиновьевцам, бухаринцам, которые за долго до этого были политически разгромлены партией, а затем также и против многих честных коммунистов, против тех партийных кадров, которые вынесли на себе бремя гражданской войны и первые, наиболее тяжелые годы индустриализации и коллективизации, против тех, которые активно боролись против троцкистов и правых уклонистов за ленинскую партийную линию.

”Враги народа”

Сталин создал концепцию ”врага народа”. Этот термин автоматически исключал необходимость доказательства идеологических ошибок, совершенных отдельным человеком или же группой лиц. Эта концепция сделала возможным применение жесточайших репрессий, нарушающих все нормы революционной законности, против любого, кто не соглашался со Сталиным по безразлично какому вопросу, против тех, кто только лишь подозревался в намерении совершить враждебные действия, а также против тех, у кого была плохая репутация. Концепция ”враг народа”, сама по себе, практически исключала возможность возникновения какого-либо рода идеологической борьбы или же возможность выражения собственного мнения по тому или иному вопросу, даже в том случае, если этот вопрос носил не теоретический, а практический характер. Главным и на практике единственным доказательством вины, что противоречит всем положениям научной юриспруденции, было ”признание” самого обвиняемого в совершении тех преступлений, в которых он обвиняется. Последующая проверка показала, что такие ”признания” добывались при помощи применения к обвиняемому методов физического насилия.

Это привело к неслыханному нарушению революционной законности, в результате чего пострадало много абсолютно ни в чем невиновных людей, которые в прошлом защищали проводимую партией линию.

Следует отметить, что часто не было никаких серьезных причин для того, чтобы уничтожать физически даже тех лиц, которые в свое время выступали против партийной линии. Для физического уничтожения именно таких лиц чаще всего применялась концепция ”врага народа”.

Является фактом и то, что многие лица, которые были позднее ликвидированы как враги партии и народа, работали с Лениным во время его жизни. Некоторые из них допускали ошибки при жизни Ленина, однако, несмотря на это, Ленин, если он был в общем

доволен их работой, поправлял их и делал все возможное для того, чтобы сохранить их в рядах партии; он убеждал их следовать за собой.

В связи с этим, мне хочется ознакомить делегатов съезда с неопубликованным ранее письмом Ленина к Политбюро ЦК, написанным им в октябре 1920 года. Описывая обязанности Контрольной Комиссии, Ленин говорил, что Комиссия должна быть превращена в действительный "орган партии и пролетарской совести".

"Следует, чтобы Контрольная Комиссия обращала особое внимание на глубокое, индивидуальное изучение случаев так называемой оппозиции, с которыми она имеет дело, а также на методы излечения каждого такого отдельного случая, который может быть вызван таким фактором, как психологический кризис, вызванный неудачами в работе по партийной или же государственной линии. Следует предпринять меры для успокоения таких лиц, разъяснить им суть дела в товарищеской форме, подобрать для них другой пост (избегая при этом приказного порядка), который соответствовал бы их настоящему психологическому состоянию. Инструкции и правила по этому вопросу должны быть выработаны Организационным бюро Центрального Комитета".

Всем известно, насколько Ленин непримиримо относился к идеологическим противникам марксизма, к тем, кто уклонялся от правильной партийной линии. В то же самое время, однако, как это совершенно ясно видно из приведенного документа, при руководстве партией он требовал самого тщательного изучения партией людей, которые начали проявлять неуверенность или же временное несогласие с партийной линией и которых было возможно вернуть на дорогу партийности. Ленин рекомендовал терпеливо воспитывать таких людей без применения чрезвычайных мер.

Мудрость Ленина, его умение обращаться с людьми совершенно ясно проявились в его работе с партийными кадрами.

Абсолютно противоположные взаимоотношения с людьми были характерны для Сталина. Ленинские приемы были абсолютно чужды Сталину. Терпеливая работа с людьми, их постоянное и тщательное воспитание, способность убеждать людей следовать за собой, применяя не принуждение, но распространяя на них свое идеологическое влияние при посредстве всего партийного коллектива – все это было незнакомо Сталину. Он отверг ленинские методы убеждения и воспитания; он противопоставил идеологической борьбе методы административного насилия, массовых репрессий и террора. Эти методы применялись им во все больших и больших масштабах и все более и более упрямо при помощи карательных органов, при этом часто нарушались все нормы морали и советского права.

Произвол со стороны одного лица поощряет и разрешает проявление произвола другими лицами. Массовые аресты и высылки многих тысяч людей, расстрелы без суда и нормального следствия создали обстановку, лишенную чувства безопасности и полную страха и даже ужаса.

Это, конечно, не послужило на пользу сплочения партийных кадров и всех слоев трудящихся масс. Наоборот, это повлекло за собой расстрелы и исключения из партии работников, которые лояльно относились к партии, но были неудобны для Сталина.

Наша партия боролась за проведение в жизнь ленинских планов строительства социализма. Это была идеологическая борьба. Если бы во время этой борьбы соблюдались ленинские принципы, если бы уважение партией этих принципов искусно сочеталось бы с внимательным и заботливым отношением к людям, если бы эти люди не отталкивались и терялись, но привлекались бы на нашу сторону – тогда мы, конечно, не имели бы такого грубого нарушения революционной законности, и многие тысячи людей не пали бы жертвой террористических методов. Чрезвычайные меры следовало применять лишь против тех, кто в действительности совершил преступления против советской системы.

Ленин и партийная оппозиция

Давайте вспомним несколько исторических фактов.

В дни, предшествовавшие Октябрьской Революции, два члена ЦК партии большевиков – Каменев и Зиновьев выступили против ленинского плана вооруженного восстания. Более того, 18 октября они опубликовали в меньшевистской газете "Новая Жизнь" заявление, в котором говорилось, что большевики проводят подготовку к вооруженному восстанию, которое они (Каменев и Зиновьев) считают авантюрой. Таким образом, Каменев и Зиновьев раскрыли врагу решение Центрального Комитета относительно восстания, рассказав, что восстание должно произойти через несколько дней.

Это было предательством партии и дела революции. В связи с этим В.И. Ленин писал: ⁵ "Каменев и Зиновьев предали решение Центрального Комитета своей партии о вооруженном восстании Родзянко и Керенскому..." Ленин поставил перед Центральным Комитетом вопрос об исключении Зиновьева и Каменева из партии.

Однако после Великой Октябрьской социалистической революции Зиновьеву и Каменеву, как известно, были предоставлены руководящие должности. Ленин назначил их на посты, где они руководили проведением в жизнь важнейших партийных решений, а также принимали активное участие в руководстве партийными и советскими органами. Известно также, что Зиновьев и Каменев при жизни Ленина совершили целый ряд других, не менее серьезных ошибок. В своем завещании Ленин предупреждал, что "случай с Зиновьевым и Каменевым не был простой случайностью". Однако Ленин не ставил вопрос об их аресте и уже, конечно, о расстреле.

Или обратимся к примеру с троцкистами. В настоящее время, после достаточно продолжительного исторического промежутка времени, мы можем говорить о борьбе с троцкистами абсолютно спокойно и можем

проанализировать этот вопрос с достаточной объективностью.

Прежде всего, Троцкий был окружен людьми, социальное происхождение которых ни в коем случае не может быть отнесено к категории буржуазии. Частично это были члены партии из интеллигентов и частично — из выходцев из рабочих. Мы можем назвать много имен тех, кто в свое время поддерживали Троцкого. Однако эти люди принимали активное участие в рабочем движении до революции, во время самой Октябрьской социалистической революции, а также в закреплении победы этой величайшей из революций. Многие из них порвали с троцкистами и вновь примкнули к ленинским позициям. Была ли необходимость ликвидировать этих людей? Мы абсолютно убеждены в том, что если бы Ленин жил, то такие чрезвычайные меры никогда бы не были применены по отношению к этим людям.

Это только несколько исторических фактов. Однако можно ли утверждать, что Ленин не применял более суровые меры к врагам революции, если это было действительно необходимо?

Нет, этого утверждать мы не можем. Владимир Ильич не допускал никаких компромиссов, когда он имел дело с врагами революции и рабочего класса и, когда это было необходимо, применял самые решительные методы. Вспомните только борьбу В.И. Ленина с эсеровцами — организаторами антисоветского восстания, с контрреволюционным движением кулаков в 1918 году и др., когда Ленин безо всякого колебания применял самые суровые меры подавления врагов. Ленин прибегал к таким мерам, однако, только против действительных классовых врагов, а не против тех лиц, которые искренне заблуждались и которых можно было, благодаря идеологическому перевоспитанию, не только удержать, но также в дальнейшем выдвинуть на руководящие должности.

Ленин применял чрезвычайные меры только в действительно необходимых случаях, в то время, когда еще существовали эксплуататорские классы, отчаянно со-

противлявшиеся революции, когда борьба за существование принимала самые решительные формы, включая гражданскую войну.

Сталин же, с другой стороны, прибегал к чрезвычайным методам и массовым репрессиям, когда революция уже победила, когда советское государство укрепилось, когда эксплуататорские классы были уже ликвидированы и социалистические взаимоотношения пустили солидные корни во всех отраслях национальной экономики; когда наша партия политически окрепла и продолжала крепнуть как в численном, так и в идеологическом отношении. Является абсолютно ясным, что здесь Сталин, в целом ряде случаев, проявил свое нетерпимое отношение, свою жестокость, злоупотребление властью. Вместо того, чтобы доказать правильность взятой им политической линии, мобилизовать массы, он становился на дорогу репрессий и физической ликвидации не только действительных врагов, но также людей, которые не совершили каких-либо преступлений против партии и советского правительства. В этом нельзя видеть мудрость. Это — только проявление грубой силы, что предвидел и чем был так обеспокоен В.И. Ленин.

Позднее, и, в частности, после разоблачения банды Берия, Центральный комитет рассмотрел ряд фальсифицированных этой бандой дел. При этом была вскрыта страшная картина всего произвола, тесно связанного с неправильным поведением Сталина. Факты доказывают, что Сталин, постоянно злоупотребляя своей неограниченной властью, действовал при этом от имени ЦК, не спрашивая при этом мнения не только членов ЦК, но даже и членов Политбюро. Нередко, он не информировал их о лично им принятых решениях, касавшихся чрезвычайно важных партийных и государственных вопросов.

Рассматривая вопрос о культе личности, мы должны, прежде всего, показать, какой вред этот культ личности причинил интересам нашей партии.

Владимир Ильич Ленин всегда подчеркивал роль и значение партии в руководстве социалистическим

правительством рабочих и крестьян; он видел в этом главную предпосылку для успешного построения социализма в нашей стране. Отмечая огромную ответственность большевистской партии, как правящей партии советского государства, Ленин, в то же самое время, призывал к тщательнейшему соблюдению норм партийной жизни, к проведению в жизнь принципов коллективного руководства партией и государством.

Коллективное руководство

Наличие коллективности руководства необходимо вытекает из самой сущности нашей партии, партии, построенной на принципах демократического централизма.

”Это означает, — говорит Ленин,⁶ — что все партийные дела решаются всеми членами партии — непосредственно или же через представителей, которые все, без исключения, подчиняются тем же правилам; кроме того, все административные работники, все руководящие товарищи, все занимающие партийные должности — избираются, должны отчитываться за свою деятельность и могут быть отозваны”.

Хорошо известно, что сам Ленин всегда подавал пример строжайшего соблюдения этих принципов. Ни одно более или менее важное дело Ленин не решал сам, не проконсультировавшись и не получив одобрения от большинства членов ЦК или же от большинства членов Политбюро.

В наиболее тяжелый период для нашей партии и для нашей страны Ленин считал необходимым регулярно созывать партийные съезды, конференции и пленумы ЦК, на которых обсуждались все наиболее важные вопросы и принимались резолюции, тщательно выработанные коллективом руководителей.

Можно, например, вспомнить 1918 год, когда стране угрожали нападением империалистические интер-

венты. В такой обстановке был созван седьмой съезд партии для того, чтобы обсудить жизненно важный вопрос, который не мог быть отложен на более позднее время — вопрос о мире. В 1919 году, в самый разгар гражданской войны, восьмой съезд партии принял новую программу партии, в которой говорилось о таких важных вопросах, как о взаимоотношениях с крестьянскими массами, об организации Красной Армии, о руководстве партии работой Советов, об исправлении социального состава партии и о других вопросах. В 1920 году был созван девятый съезд партии, который заложил основы руководящей роли партии в области экономического строительства. В 1921 году десятый съезд партии принял решение о нэпе, а также историческую резолюцию "о единстве партии", выработанную Лениным.

При жизни Ленина партийные съезды созывались регулярно, и всегда, когда имели место радикальные сдвиги в развитии партии и страны, Ленин считал абсолютно необходимым, чтобы партия подробно обсуждала все основные дела, касавшиеся внешней и внутренней политики и вопросы партийного и правительственного устройства.

Очень характерно, что в своих последних речах, письмах и замечаниях Ленин обращался к партийному съезду, как к высшему органу партии. В промежутках между съездами, самым авторитетным руководящим коллективом, тщательно соблюдавшим принципы партии и осуществлявшим ее политику, был Центральный Комитет партии.

Так было при жизни Ленина.

Однако продолжали ли соблюдаться священные принципы нашей партии после смерти Владимира Ильича?

Если в первые годы после смерти Ленина партийные съезды и пленумы ЦК созывались регулярно, то потом, когда Сталин начал все больше и больше злоупотреблять своей властью, эти принципы стали грубо нарушаться. Это было особенно очевидно в течение последних 15 лет его жизни. Разве можно считать нормальным поло-

жение, что между восьмым и девятым съездами прошло 13 лет, за которые наша партия и страна пережили столько важных событий? Эти события категорически требовали, чтобы партия приняла решения, относящиеся к обороне страны во время Отечественной войны и к строительству мирного времени, начавшемуся после войны.

Но даже и после окончания войны съезд не созывался в течение семи с лишним лет.

Пленарные заседания ЦК почти совсем не проводились. Достаточно упомянуть, что в течение всех лет Отечественной войны не имел места ни один пленум ЦК. Правда была попытка созвать пленум ЦК в октябре 1941 года, когда члены ЦК были созваны со всей страны в Москву. Они ждали два дня открытия пленума ЦК, но напрасно. Сталин не пожелал даже встретиться и поговорить с членами ЦК. Этот факт показывает, насколько Сталин был деморализован в первые месяцы войны и с какой надменностью и пренебрежением он относился к членам ЦК.

На практике Сталин игнорировал нормы партийной жизни и попирали ленинские принципы коллективности руководства партией.

Сталинское своеобразие по отношению к партии и ее Центральному Комитету стало совершенно очевидным после семнадцатого партийного съезда, состоявшегося в 1934 году.

Фабрикация дел

Имея в своем распоряжении многочисленные данные, доказывающие грубое своеволие по отношению к партийным кадрам, Центральный Комитет создал партийную комиссию под контролем президиума ЦК; ей было поручено расследование причин, сделавших возможным проведение массовых репрессий против большинства членов и кандидатов ЦК, избранных на XVII съезде Всесоюзной Коммунистической партии (большевиков).

Эта комиссия ознакомилась с большим количеством материалов из архивов НКВД, а также с другими документами, и установила много случаев фабрикации дел против коммунистов, ложных обвинений, вопиющих злоупотреблений социалистической законностью, результатом которых была смерть невинных людей. Стало очевидным, что многие партийные, советские и хозяйственные работники, которые были заклеены в 1937-1938 году как "враги", в действительности никогда не были ни врагами, ни шпионами, ни вредителями и т.д., а всегда были честными коммунистами; они были только оклеветаны и, часто, не будучи в состоянии выносить варварских пыток, обвиняли самих себя (по приказу следователей-фальсификаторов) во всех видах самых ужасных и неправдоподобных преступлений. Комиссия предоставила президиуму ЦК обширные и обоснованные материалы, касающиеся массовых репрессий против делегатов XVII съезда и против членов Центрального Комитета, избранных на этом съезде. Эти материалы были тщательно изучены президиумом Центрального Комитета.

Было установлено, что из 139 членов и кандидатов ЦК партии, избранных на XVII съезде, 98 человек, то есть 70%, были арестованы и расстреляны (большинство в 1937-1938 гг.) (*Возгласы возмущения.*)

Каким был состав делегатов XVII съезда? Восемьдесят процентов участников XVII съезда, имевших право решающего голоса, вступили в партию в годы подполья, перед революцией и во время гражданской войны; другими словами, до 1921 года. По социальному происхождению основная масса делегатов съезда были рабочие (60% имевших право решающего голоса).

Только хотя бы поэтому было абсолютно невозможно, чтобы съезд такого состава избрал Центральный Комитет, большинство которого оказалось бы врагами партии. Единственной причиной, почему 70% членов ЦК и кандидатов, избранных на XVII съезде, были заклеены врагами партии и народа, было то, что честные коммунисты были оклеветаны на основании сфабрикованных против них обвинений, чем была грубо нарушена революционная законность.

Та же судьба постигла не только членов ЦК, но и большинство делегатов XVII съезда. Из 1.956 делегатов с правом решающего или совещательного голоса, 1.108 человек были арестованы по обвинению в контрреволюционных преступлениях, то есть явно подавляющее большинство. Только сам по себе этот факт, как мы теперь видим, показывает, насколько абсурдными, дикими и противоречащими здравому смыслу были обвинения в контрреволюционных преступлениях, выдвинутые против большинства участников XVII партийного съезда. *(Возгласы возмущения.)*

Мы должны вспомнить, что XVII съезд известен в истории, как "съезд победителей". Делегатами съезда были активные участники строительства нашего социалистического государства; многие из них страдали и сражались за интересы партии в дореволюционные годы, в подполье и на фронтах гражданской войны; они храбро сражались против врагов и часто бесстрашно смотрели в глаза смерти. Как можем мы поверить, что такие люди в эпоху политической ликвидации зиновьевцев, троцкистов и правых уклонистов, а также после великих завершений социалистических строек, смогли оказаться "двуличными" и примкнувшими к лагерю врагов социализма?

Все это было результатом злоупотребления властью Сталиным, который начал применять массовый террор против партийных кадров.

В чем же причина, что массовые репрессии против активистов начали принимать все большие и большие размеры после XVII партийного съезда? В том, что в это время Сталин настолько возвысил себя над партией и народом, что перестал считаться и с Центральным Комитетом и с партией. Если до XVII съезда он еще считался с мнением коллектива, то после полной политической ликвидации троцкистов, зиновьевцев и бухаринцев, когда в партии в результате этой борьбы и социалистических побед было достигнуто полное единство, Сталин начал все больше и больше пренебрегать мнением членов ЦК партии и даже членов Политбюро. Сталин думал, что теперь он может решать все один, и все, кто ему еще были нужны — это статисты;

со всеми остальными он обходился так, что им только оставалось слушаться и восхвалять его.

После убийства С.М. Кирова начались массовые репрессии и грубые акты нарушения социалистической законности. Вечером 1 декабря 1934 года, по инициативе Сталина (без резолюции Политбюро, – которая последовала, между прочим, два дня спустя), секретарь президиума ЦИК Енукидзе подписал следующее директивное указание:

”1. Следовательским органам предписывается ускорить дела обвиняемых в подготовке и проведении террористических актов.

2. Судебным органам предписывается не задерживать исполнения смертных приговоров, касающихся преступлений этой категории в порядке рассмотрения возможности помилования, так как Президиум Центрального Исполнительного Комитета СССР считает получение подобного рода прошений неприемлемым.

3. Органам комиссариата внутренних дел предписывается приводить в исполнение смертные приговоры преступникам упомянутой категории немедленно после вынесения этих приговоров”.

Это указание послужило основой для многочисленных случаев злоупотребления против социалистической законности.

В ходе многочисленных сфабрикованных судебных процессов подсудимые обвинялись в ”подготовке” террористических актов. Уже только это делало невозможным пересмотр их дел, даже если они заявляли перед судом, что их ”признания” были вынуждены силой или если они убедительно доказывали ложность выдвинутых против них обвинений.

Необходимо заявить, что обстоятельства убийства Кирова до сегодняшнего дня содержат в себе много непонятного и таинственного и требуют самого тщательного расследования. Есть причины подозревать, что убийце Кирова – Николаеву – помогал кто-то из людей, в обязанности которых входила охрана личности Кирова. За полтора месяца до убийства, Николаев был

арестован из-за его подозрительного поведения, но был выпущен и даже не обыскан. Необычайно подозрительно и то обстоятельство, что когда чекиста, входившего в состав личной охраны Кирова, везли на допрос 2 декабря 1934 года, то он погиб во время автомобильной "катастрофы", во время которой не пострадал ни один из других пассажиров машины. После убийства Кирова, руководящим работникам ленинградского НКВД были вынесены очень легкие приговоры, но в 1937 году их расстреляли. Можно предполагать, что они были расстреляны для того, чтобы скрыть следы истинных организаторов убийства Кирова. *(Движение в зале.)*

Массовые репрессии приняли огромные размеры с конца 1936 года после телеграммы Сталина и Жданова, датированной "Сочи, 25 сентября 1936 года", адресованной Кагановичу, Молотову и другим членам Политбюро. Содержание этой телеграммы было следующим:

"Мы считаем абсолютно необходимым и срочным, чтобы тов. Ежов был назначен на пост народного комиссара внутренних дел. Ягода определенно показал себя явно неспособным разоблачать троцкистско-зиновьевский блок. ОГПУ отстает на четыре года в этом деле. Это замечено всеми партийными работниками и большинством представителей НКВД".

Строго говоря, мы должны подчеркнуть, что Сталин не встречался с партийными работниками и поэтому не мог знать их мнения.

Сталинская формулировка, что "ОГПУ отстает на четыре года" в применении массовых репрессий и что нужно "наверстать" запущенную работу, толкнула НКВД на путь массовых арестов и казней.

Необходимо отметить, что эта формулировка была также навязана на февральско-мартовском пленуме ЦК ВКП(б) в 1937 году. Резолюция пленума одобрила ее на основании доклада Ежова об "уроках, вытекающих из вредительской деятельности, диверсий

и шпионажа японско-германско-троцкистских агентов”.

В резолюции говорилось:

”Пленум ЦК ВКП (б) считает, что факты, собранные в результате расследования дел антисоветского троцкистского центра и его сторонников в провинции, показывают, что народный комисариат внутренних дел отстал по крайней мере на четыре года в своей деятельности по разоблачению этих наиболее непримиримых врагов народа”.

В это время массовые репрессии происходили под лозунгом борьбы с троцкистами. Но разве троцкисты действительно представляли собой в это время такую опасность для партии и советского государства? Нам следовало бы вспомнить, что в 1927 году, накануне XV партийного съезда, только около 4.000 голосов было подано за троцкистско-зиновьевскую оппозицию, в то время как за генеральную линию голосовало 724.000. В течение 10 лет, прошедших с XV партийного съезда до февральско-мартовского пленума ЦК, троцкизм был полностью обезоружен; многие бывшие троцкисты отказались от своих прежних взглядов и работали в различных отраслях, строя социализм. Ясно, что в условиях победы социализма, не было никакого основания для проведения массового террора в стране.

Доклад Сталина на февральско-мартовском пленуме ЦК в 1937 году ”О недостатках партийной работы и методах ликвидации троцкистских и других двурушников” содержал попытку теоретического обоснования политики массового террора под предлогом, что поскольку мы идем навстречу социализму, классовая борьба должна обостряться. Сталин уверял, что так учит история и Ленин.

В действительности Ленин учил, что применение революционной силы обуславливается необходимостью при сопротивлении эксплуататорских классов; причем это относилось к той эпохе, когда эксплуататорские классы существовали и обладали силой. Но как только

политическое положение страны улучшилось, когда в январе 1920 года Красная армия взяла Ростов и, таким образом, одержала одну из важнейших побед – победу над Деникиным, – то Ленин дал указание Дзержинскому прекратить массовый террор и отменить смертную казнь. В своем докладе на сессии ВЦИК 2 февраля 1920 года, Ленин мотивировал этот важный политический шаг следующим образом: ⁷

”Террор был нам навязан терроризмом Антанты, когда мировые державы обрушились на нас своими полчищами, не останавливаясь ни перед чем. Мы не могли бы продержаться и двух дней, если бы на эти попытки офицеров и белогвардейцев не ответили беспощадным образом. Это означало террор, но это было навязано нам террористическими приемами Антанты. И как только мы одержали решительную победу, еще до окончания войны, тотчас после взятия Ростова, мы отказались от применения смертной казни и этим показали, что к своей собственной программе мы относимся так, как обещали. Мы говорим, что применение насилия вызывается задачей подавить эксплуататоров, подавить помещиков и капиталистов, когда это будет разрешено, мы от всяких исключительных мер отказываемся. Мы доказали это на деле”.

Сталин уклонился от этих ясных и простых предписаний Ленина. Сталин заставил партию и НКВД пользоваться массовым террором, когда не было больше признаков эксплуататорских классов в нашей стране и когда не было никаких серьезных причин для применения чрезвычайных массовых методов.

Этот террор был в действительности направлен не на остатки побежденных эксплуататорских классов, а против честных работников партии и советского государства; против них создавались лживые, клеветнические и абсурдные обвинения в ”двурушничестве”, ”шпионаже”, ”саботаже”, подготовке фиктивных нелегальных ”покушений” и так далее.

На февральско-мартовском пленуме ЦК ВКП(б) в 1937 году многие члены действительно сомневались

в правильности принятого курса в отношении репрессий под предлогом борьбы с "двурушничеством". Товарищ Постышев очень удачно выразил эти сомнения. Он сказал:

"Я размышлял: суровые годы борьбы прошли, члены партии, отошедшие от основной партийной линии и примкнувшие к стану врагов — разбиты; за партию боролись здоровые элементы. Это были годы индустриализации, коллективизации. Я никогда не считал возможным, чтобы после такой суровой эпохи могло случиться, чтобы Карпов и ему подобные люди очутились в стане врагов. (Карпов был работником ЦК КП(б)У и Постышев хорошо знал его.) А теперь, согласно свидетельствам, выходит, что Карпов был завербован в 1934 году троцкистами".

Я лично не верю, что в 1934 году честный член партии, прошедший долгий путь неуклонной борьбы против врагов за партию и социализм, оказался бы в лагере врагов. Я не верю этому... Я не могу представить себе, как было возможно идти с партией в течение тяжелых лет и потом, в 1934 году, примкнуть к троцкистам. Это странно. *(Движение в зале.)*

Пользуясь сталинской формулировкой, а именно, что чем ближе мы к социализму, тем больше у нас врагов, и пользуясь резолюцией февральско-мартовского пленума ЦК на основе доклада Ежова, провокаторы, которые проникли в органы государственной безопасности вместе с бессовестными карьеристами, стали прикрываться именем партии при проведении террора против партийных кадров, кадров советского государства и рядовых советских граждан. Достаточно сказать, что число арестов по обвинению в контрреволюционных преступлениях возросло в 1937 году, по сравнению с 1936 годом, больше, чем в десять раз.

Известно, что грубая несправедливость практиковалась против ведущих партийных работников. Партийный устав, одобренный XVII съездом партии, основывался на ленинских принципах, выраженных на X

партийном съезде, и устанавливал, что для того, чтобы применить к члену ЦК ВКП (б), кандидату ЦК ВКП (б) и члену партийной контрольной комиссии такую чрезвычайную меру, как исключение из партии, — необходимо созвать пленум ЦК, на который должны быть приглашены все кандидаты в ЦК и все члены партийной контрольной комиссии; только если две трети членов такой генеральной ассамблеи ответственных партийных работников найдет это необходимым — только тогда "кандидат в члены ЦК может быть исключен". Большинство членов ЦК и кандидатов, избранных на XVII съезде и арестованных в 1937-1938 годах, были вышвырнуты из партии в результате незаконного и грубого злоупотребления положениями партийного устава, так как вопрос об их исключении никогда не рассматривался пленумом ЦК.

Теперь, когда некоторые случаи так называемых "шпионов" и "саботажников" были расследованы, было установлено, что все эти дела были сфабрикованы. Признания в вине многих арестованных по обвинению во враждебной деятельности были получены путем жестоких и бесчеловечных пыток.

В то же время Сталин, как нам было сообщено членами Политбюро того времени, не показывал им заявлений многих обвиняемых партийных активистов, когда они, перед военным трибуналом, брали свои признания назад и просили об объективном рассмотрении их дел. Таких заявлений было много, и Сталин, без сомнения, знал о них.

Центральный Комитет считает необходимым сообщить съезду о многих подобных сфабрикованных "делах" против членов Центрального Комитета партии, избранных на XVII партийном съезде.

Примером злостной провокации, возмутительной фальсификации и преступного нарушения революционной законности является дело бывшего кандидата в Политбюро, одного из виднейших работников партии и советского правительства, товарища Эйхе, члена партии с 1905 года. *(Волнение в зале.)*

Товарищ Эйхе был арестован 29 апреля 1938 года, на основании клеветнических материалов, без санк-

ции прокурора СССР, которая была в конце-концов получена только 15 месяцев спустя после ареста.

Расследование дела Эйхе происходило при самом грубейшем нарушении советской законности и сопровождалось преднамеренной фальсификацией.

Эйхе был вынужден под пыткой подписать заранее заготовленный следователями протокол его признания, в котором он и некоторые другие видные партийные работники обвинялись в антисоветской деятельности.

1 октября 1939 года Эйхе послал заявление Сталину, в котором он категорически отрицал свою вину и просил расследования своего дела. В этом заявлении он писал:

”Нет худшего несчастья, чем сидеть в тюрьме правительства, за которое я всегда боролся”.

Сохранилось и второе заявление Эйхе, которое он писал Сталину 27 октября 1939 года; в нем он приводит факты, очень убедительно опровергающие клеветнические обвинения, выдвинутые против него, доказывая, что, с одной стороны, это провокаторское обвинение было делом рук действительных троцкистов, аресты которых он санкционировал в качестве первого секретаря партийного комитета Западно-Сибирского края и которые составили заговор с целью отомстить ему; с другой стороны, это обвинение явилось результатом фальсификации материалов следственными работниками.

В своем заявлении Эйхе писал: ⁸

”...25 октября этого года мне сообщили, что следствие по моему делу закончено. Меня ознакомили с материалами этого следствия. Если бы я был виновен хотя бы в сотой доле тех преступлений, в которых меня обвиняли, я никогда не посмел бы посылать вам это предсмертное заявление; но я не виновен ни в одном из этих преступлений, в моем сердце нет ни тени низости. Я еще никогда не лгал вам и теперь, стоя одной ногой в могиле, я тоже не лгу. Все мое дело – это типичный пример провокации,

клеветы и нарушения основ революционной законности...

... Те признания, которые составляют часть моего "дела", не только абсурдны, но, кроме того, содержат в себе клевету на Центральный Комитет ВКП (б) и Совет Народных Комиссаров, так как настоящие резолюции ЦК ВКП (б) и Совета Народных Комиссаров, которые составлялись не по моей инициативе и без моего участия, представлены как враждебные акты антиреволюционных организаций, составленные по моей инициативе...

Я перехожу теперь к самой унижительной поре моей жизни — к моей действительно серьезной вине перед партией и перед вами. Эта вина — мое признание в контрреволюционной деятельности... Но положение было таково: я не смог вынести тех пыток, которым подвергали меня Ушаков и Николаев, особенно первый из них — он знал о том, что мои поломанные ребра еще не зажили и, используя это знание, причинял при допросах страшную боль — меня вынудили обмануть себя и других (своим признанием).

Большая часть моего признания была подсказана или прямо продиктована Ушаковым, а остальное — это воспроизведенные мною материалы, собранные НКВД в Западной Сибири, за которые я взял на себя полную ответственность. Если в той легенде, которую сфабриковал Ушаков, и которую я подписал, что-либо не совпадало, меня вынуждали подписывать новые варианты этой легенды. Так же поступили и с Рухимовичем, которого сначала наметили членом запасной сети и имя которого потом просто вычеркнули, не сказав мне даже об этом. Так же поступили с руководителем запасной сети, будто бы созданной Бухариным в 1935 году.

... Я прошу вас, я умоляю вас вновь рассмотреть мое дело не для того, чтобы пощадить меня, но для того, чтобы разоблачить всю ту гнусную провокацию, которая, как змея, обволокла теперь столько людей из-за моей слабости и преступной

клеветы. Я никогда не предавал ни вас, ни партию. Я знаю, что гибну из-за гнусной, низкой провокации врагов партии и народа, которую они сфабриковали против меня”.

Казалось бы такое важное заявление заслуживало внимания ЦК и должно было бы быть им рассмотрено. Однако этого не произошло. Заявление было передано Берии, а страшные мучения товарища Эйхе, кандидата Политбюро, продолжались.

2 февраля 1940 года Эйхе судили. На суде он не признал за собой никакой вины. Он сказал следующее: ⁹

”Во всех моих так называемых признаниях нет ни слова правды; подписи, которые я поставил под этими признаниями, — вымучены. Я сделал признание под давлением следователя, который со времени моего ареста все время подвергал меня пыткам. После этих пыток я стал писать всю эту бессмыслицу... Для меня важнее сказать здесь суду, партии и Сталину, что я невиновен. Я никогда не был виновен в каком-либо заговоре. Я умру, веря в правильность политики партии, как я верил в нее в течение всей моей жизни”.

4 февраля Эйхе был расстрелян. (*Возмущение в зале.*) Теперь точно установлено, что дело Эйхе было сфабриковано, и он был посмертно реабилитирован.

Рудзутак, кандидат Политбюро, член партии с 1905 года, человек, который провел 10 лет на царской каторге, категорически отказался перед судом от вынужденного от него признания. В протоколе сессии Военной Коллегии Верховного Суда есть следующее заявление Рудзутака:

”... Единственная просьба, с которой он обращается к суду, это сообщить ЦК ВКП (б), что в НКВД есть еще не ликвидированный Центр, ловко фабрикующий дела и заставляющий невинных людей сознаваться в преступлениях, которых они не совершили;

у обвиняемых нет возможности доказать, что они не участвовали в преступлениях, о которых говорится в таких признаниях, вымученных от различных лиц. Методы следствия таковы, что они вынуждают людей лгать и клеветать на невинных, не замешанных ни в чем людей, не говоря уже о тех, кто уже обвинен.

Он просит суд разрешить ему сообщить об этом ЦК ВКП(б) в письменной форме. Он заверяет суд, что он лично никогда не имел никаких враждебных намерений по отношению к политике нашей партии, потому что всегда был согласен с партийной линией во всех областях экономического и культурного строительства”.

Это заявление Рудзутака было оставлено без внимания, несмотря на то, что Рудзутак был в свое время председателем Центральной Контрольной Комиссии, которая была создана в соответствии с ленинской мыслью о необходимости борьбы за единство партии. Так погиб руководитель высоко авторитетного партийного органа; он стал жертвой грубого произвола; его даже не вызвали на заседание Политбюро, потому что Сталин не хотел говорить с ним. В течение двадцати минут был вынесен приговор и Рудзутак был расстрелян. *(Возмущение в зале.)* После тщательного рассмотрения дела в 1955 году было установлено, что обвинения против Рудзутака были неверны и основаны на клеветническом материале. Рудзутак был по-смертно реабилитирован.

Каким образом бывшие работники НКВД фабриковали мнимые “антисоветские центры” и “блоки”, пользуясь провокационными методами, видно из признания товарища Розенблюма, члена партии с 1906 года, который в 1937 году был арестован ленинградским НКВД.

При рассмотрении дела Комарова в 1955 году, Розенблюм раскрыл следующий факт: когда Розенблюм был арестован в 1937 году, его подвергли страшным

пыткам и заставили подтвердить неверные сведения о себе самом и других лицах. Затем его привели в кабинет Заковского, который предложил ему освобождение при условии, чтобы на суде он сделал сфабрикованное в 1937 году НКВД признание относительно "террористического центра саботажа, шпионажа и диверсии в Ленинграде". (*Движение в зале.*) С невероятным цинизмом Заковский описал гнусный "механизм", при помощи которого фабриковались вымышленные "антисоветские заговоры".

"Чтобы показать мне этот механизм, — сообщил Розенблюм, — Заковский описал мне несколько возможных вариантов организации такого центра и его отделений.

Подробно описав мне такую организацию, Заковский сказал мне, что НКВД заготовит дело для этого центра, и добавил, что суд будет открытым.

Судили 4 или 5 членов этого центра: Чудова, Угарова, Смородина, Позерна, Шапошникову (жену Чудова) и других, а также 2 или 3 членов отделений этого центра...

"...дело ленинградского центра должно быть составлено солидно и поэтому нужны показания свидетелей. При этом социальное происхождение (конечно, в прошлом) и положение свидетелей в партии будут играть немалую роль.

Вам самому, — сказал Заковский, — не придется ничего выдумывать. НКВД заготовит для вас готовое описание каждого отделения центра. Вам нужно будет тщательно изучить его и помнить все вопросы и ответы, с которыми вам придется иметь дело во время суда. Дело это будет готово месяца через четыре, через пять, может через полгода. Все это время вы должны будете готовиться, чтобы не скомпрометировать следователя и себя. Ваша будущая участь зависит от того, как пройдет суд и каковы будут его результаты. Если вы начнете завираться и давать неверные показания — пеняйте на себя.

Если вы выдержите это испытание, вы спасете свою жизнь, и мы будем кормить вас и одевать до самой вашей смерти”.

Вот какие гнусные вещи происходили тогда. *(Движение в зале.)*

Еще чаще фальсификация имела место на периферии. Отдел НКВД по Свердловской области “открыл” так называемый “уральский штаб восстания – орган блока троцкистов, правых уклонистов, эсеров и священников”. Его мнимым руководителем был назван секретарь свердловского областного комитета партии, член ЦК ВКП(б) Кабаков, член партии с 1914 года. Материалы следствия, проведенного в то время, показывают, что почти во всех краях, областях и республиках будто бы существовали шпионско-террористические и диверсионно-саботажные организации и центры правых и троцкистов и что во главе таких организаций, как правило, по непонятным причинам, стояли первые секретари областных, краевых и республиканских партийных комитетов. *(Движение в зале.)*

Тысячи честных и невинных коммунистов погибли вследствие чудовищных фальсификаций таких “дел”, вследствие того, что принимались всевозможные клеветнические обвинения и что применялись такие следственные методы, которые вынуждали у обвиняемых “признания” против них самих и против других. Так же были сфабрикованы и “дела” против видных партийных и государственных деятелей: Коссиора, Чубаря, Постышева, Косарева и других.

В эти годы проводились в массовых размерах репрессии, которые не были основаны ни на каких конкретных фактах и в результате которых партия понесла большие потери в партийных кадрах.

НКВД стало применять преступный метод заготовления списков лиц, дела которых попадали под юрисдикцию коллегий Военных Трибуналов. При этом приговоры заготавливались заранее. Ежов обычно посылал эти списки лично Сталину, который утверждал

предложенную меру наказания. В 1937-38 году Сталину было направлено 383 таких списка с именами тысяч работников партийных, советских, комсомольских, армейских и хозяйственных работников. Он утверждал эти списки.

Большая часть этих дел теперь пересматривается и большая часть их была уже аннулирована потому, что они были сфабрикованы и не имели под собой никаких оснований. Достаточно сказать, что с 1954 года по настоящее время Военная Коллегия Верховного Суда реабилитировала 7.619 человек, и что многие из них были реабилитированы посмертно.

Массовые аресты партийных, советских, хозяйственных и военных работников причинили огромный вред нашей стране и делу социалистического строительства.

Массовые репрессии имели отрицательное влияние на морально-политическое состояние партии, создали атмосферу неуверенности, содействовали распространению нездоровой подозрительности, посеяли недоверие среди коммунистов по отношению друг к другу. Это способствовало появлению всякого рода клеветников и карьеристов.

Резолюция январского пленума ЦК ВКП(б) (1938 года) внесла некоторое улучшение в партийные организации. Однако массовые репрессии продолжались и в 1938 году.

Только потому, что наша партия обладала такой огромной морально-политической силой, она смогла пережить тяжелые испытания 1937-1938 годов, смогла пережить их и воспитать новые кадры. Не может, однако, быть никакого сомнения в том, что наше продвижение вперед к социализму и к подготовке обороны страны, было бы гораздо успешнее, если бы мы не понесли такие огромные потери в кадрах, в результате ничем не оправданных репрессий в 1937-1938 гг.

Ответственность за террор

Мы совершенно правы, обвиняя Ежова в низких методах 1937 года. Но нужно дать ответ на вопрос: мог ли Ежов арестовать, например, Коссиора без ведома Сталина? Были ли в Политбюро обмен мнений или решение по этому вопросу? Нет, не было, как не было их и в других случаях такого же рода. Мог ли Ежов сам решать такие вопросы, как судьба таких выдающихся партийцев? Нет, было бы наивно считать, что это было дело одного Ежова. Совершенно ясно, что эти вопросы решал Сталин и что без его приказаний и его одобрения Ежов этого сделать не мог.

Мы рассмотрели и реабилитировали Коссиора, Рудзутака, Постышева, Косарева и других. По каким причинам они были арестованы и приговорены к расстрелу? Пересмотренные материалы показывают, что причин для этого не было. Они, как и многие другие, были арестованы без ведома прокуратуры. При таком положении не было нужды в чьей-либо санкции; да и о каких санкциях могла идти речь, когда все решал Сталин. Он сам был Главным Прокурором во всех этих делах. Сталин не только соглашался на все эти аресты, он сам, по своей инициативе, давал распоряжения об аресте. Мы должны говорить об этом, чтобы делегаты съезда ясно поняли положение и смогли сами сделать выводы.

Факты подтверждают, что много произвола было совершено по приказаниям Сталина; совершенно не учитывались нормы партийной и советской законности. Сталин был очень недоверчивым человеком; он был болезненно подозрителен; мы знаем это по работе с ним. Он мог посмотреть на кого-нибудь и сказать: "почему ты сегодня не смотришь прямо?" или "почему ты сегодня отворачиваешься и избегаешь смотреть мне в глаза?" Такая болезненная подозрительность создала в нем общее недоверие и к выдающимся партийцам, которых он знал годами. Всюду и везде он видел "врагов", "лицемеров" и "шпионов".

Обладая неограниченной властью, он допускал большой произвол в деле морального и физического уничтожения людей.

Создалось такое положение, что никто не мог выразить свою волю. Если Сталин говорил, что того или иного человека следует арестовать, то необходимо было принимать на веру, что это лицо является "врагом народа", и члены шайки Берия, которая стояла во главе организации государственной безопасности, превосходили в этом самих себя, доказывая виновность арестованных и правдивость фальсифицированных материалов.

А какие при этом прилагались доказательства? "Признания" обвиняемых. И следователи принимали эти "признания". Но как могло получиться, что люди признавались в преступлениях, которых они вовсе не совершали? Только одним путем — применением физических методов воздействия, пыток, которые заставляли арестованного терять сознание, способность мыслить, заставляли его забывать свое человеческое достоинство. Так получались эти "признания".

Когда в 1939 году волна массовых арестов стала спадать, когда руководители партийных органов с периферии стали обвинять работников НКВД в том, что к арестованным применялись методы физического воздействия, — Сталин 20 января 1939 года отправил шифрованную телеграмму секретарям областных и краевых комитетов, ЦК коммунистических партий республик, народным комиссарам внутренних дел и руководителям органов НКВД.

В этой телеграмме говорилось:

"ЦК ВКП(б) поясняет, что применение методов физического воздействия в практике НКВД, начиная с 1937 года, было разрешено ЦК ВКП(б)... Известно, что все буржуазные разведки применяют методы физического воздействия против представителей социалистического пролетариата и при том применяют эти методы в самой отвратительной

форме. Возникает вопрос, почему социалистические органы государственной безопасности должны быть более гуманны по отношению к бешеным агентам буржуазии и заклятым врагам рабочего класса и колхозников? ЦК ВКП (б) считает, что методы физического воздействия должны, как исключение, и впредь применяться по отношению к известным и отъявленным врагам народа и рассматриваться в этом случае, как допустимый и правильный метод”.

Этим Сталин, от имени ЦК ВКП (б), санкционировал самое грубое нарушение социалистической законности; санкционировал пытки и насилие, что, как мы видели, привело к клевете и самообвинениям невинных людей.

Не так давно – за несколько дней до съезда – мы вызвали на заседание президиума ЦК и спросили следователя Родоса, который в свое время расследовал дела и допрашивал Коссиора, Чубаря и Косарева. Родос – пустая личность, с куриными мозгами, совершенно разложившийся морально человек. И такой человек решал судьбу выдающихся партийных активистов! Он судил и об их политической линии, так как, установив наличие ”преступлений”, якобы совершенных с их стороны, он этим давал материал, на основании которого могли делаться выводы политического характера.

Встает вопрос: мог ли такой человек сам вести следствие подобными методами, чтобы доказать виновность Коссиора и других. Нет, он не мог делать это без соответствующих директив. На заседании Президиума ЦК Родос сказал нам:

”Мне было сказано, что Коссиор и Чубарь враги народа и поэтому я, как следователь, должен был заставить их признаться, что они враги (народа)”. *(Возмущение в зале)*

Он мог добиться таких признаний, только применяя длительные пытки, что он и делал, получая подробные инструкции от Берия. Я должен сказать, что на заседании президиума ЦК он цинично заявил: "Я думал, что выполняю указание партии".

Так проводились на практике приказы Сталина о применении к арестованным методов физического воздействия.

Эти и многие другие факты показывают, что нарушались все нормы правильного партийного разрешения вопросов; все зависело от произвола одного человека.

Сталин и война

Сосредоточение власти в руках одного человека — Сталина — привело к серьезным последствиям во время великой Отечественной войны.

Если взять многие наши романы, фильмы и исторические "научные труды", то, согласно им, роль Сталина в Отечественной войне является совершенно невероятной. Сталин якобы предвидел все. Советская армия на основе стратегического плана, разработанного задолго до того Сталиным, применила тактику так называемой "активной обороны", т.е. тактику, которая дала немцам возможность дойти до Москвы и Сталинграда. Применяя такую тактику, Советская армия, будто бы только благодаря гению Сталина, перешла в наступление и сломала врага. Историческая победа, которой добились вооруженные силы советской страны, которой добился наш героический народ, в таких романах, фильмах и "научных трудах" целиком приписывается стратегическому гению Сталина.

Мы должны внимательно проанализировать этот вопрос потому, что он имеет огромное значение не только с исторической, но и с политическо-воспитательной и практической точек зрения.

Каковы были факты на самом деле? До войны вся наша печать и вся наша политическо-воспитательная работа отличались своим хвастливым тоном: если враг вступит на священную советскую землю, то на каждый удар врага мы ответим тройным ударом, мы будем бить врага на его территории и выиграем войну без больших потерь. Но эти декларативные заявления не основывались на конкретных фактах, которые действительно гарантировали бы неприкосновенность наших границ.

Во время и после войны Сталин выдвинул тезис, что та трагедия, которую перенес наш народ в первый период войны, была результатом "неожиданного" нападения немцев на Советский Союз. Но, товарищи, это совсем неверно. Как только Гитлер пришел к власти в Германии, он поставил себе задачу уничтожить коммунизм. Фашисты открыто говорили об этом, не скрывая своих планов. Чтобы добиться этой агрессивной цели, они создавали всяческие пакты и блоки. Например, пресловутую ось Берлин-Рим-Токио. Многие факты из довоенного периода ясно показывают, что Гитлер готовился во всю, чтобы начать войну против Советского государства и что он сосредоточил у советских границ крупные воинские, в том числе танковые соединения.

Теперь опубликованы документы, из которых видно, что уже 3 апреля 1941 года Черчилль через английского посла в СССР Криппса предупреждал лично Сталина о том, что немцы начали перегруппировку своих вооруженных сил с целью нападения на Советский Союз.

Само собой разумеется, что Черчилль делал это вовсе не из дружеских чувств к советскому народу. Он делал это в своих империалистических целях — привести Германию и СССР к кровавой войне между собой и этим укрепить положение Британской империи.

Но все же Черчилль утверждает в своих мемуарах, что он пытался "предупредить Сталина и обратить его

внимание на грозящую опасность". Черчилль настойчиво подчеркивал это в своих телеграммах от 18 апреля и в последующие дни. Однако Сталин не обратил никакого внимания на эти предупреждения. Более того, Сталин отдал распоряжение не обращать внимания на подобную информацию, чтобы не спровоцировать начала военных действий.

Мы должны заявить, что информация о готовящемся вооруженном нападении Германии на Советский Союз поступала также из наших собственных военных и дипломатических источников: однако, так как руководство было настроено против информации подобного рода, то ее отправляли с чувством опасения и оценивали в ней положение весьма сдержанно.

Так, например, в сообщении, посланном из Берлина 6 мая 1941 года советским военным атташе капитаном Воронцовым, говорилось следующее:

"Советский гражданин Бозер... сообщил заместителю военно-морского атташе, что, согласно полученным им от одного немецкого офицера, работающего в личной ставке Гитлера, сведениям, 14 мая Германия готовится напасть на Советский Союз со стороны Финляндии, Прибалтийских стран и Латвии. Одновременно будут произведены массированные воздушные налеты на Москву и Ленинград, а также произведены десанты на пограничные города..."

22 мая 1941 года заместитель военного атташе в Берлине — Хлопов сообщил в своем докладе, что "... наступление германской армии назначено на 15 июня, однако, возможно, что оно произойдет в первых днях июня..."

В телеграмме от нашего посольства в Лондоне, датированной 18 июня 1941 года, говорилось:

"Крипс глубоко убежден в неизбежности вооруженного конфликта между Германией и СССР,

который начнется не позднее середины июня. Согласно Криппсу, немцы уже сконцентрировали 147 дивизий (включая военно-воздушные силы и вспомогательные части) вдоль советских границ..”

Несмотря на эти исключительно серьезные предупреждения, необходимые шаги не были предприняты для соответствующей подготовки нашей страны к обороне и для предотвращения неожиданного нападения на нее.

Имели ли мы время и возможности для такой подготовки? Да, мы имели их. Наша промышленность была достаточно развита для того, чтобы снабдить советскую армию всем, в чем она нуждалась. Это ясно доказывает тот факт, что, хотя в первые годы войны мы потеряли почти половину нашей промышленности, а также важные промышленные и сельскохозяйственные области в результате вражеской оккупации Украины, Северного Кавказа и других Западных районов страны, советское государство все же смогло организовать производство вооружения в восточных районах, установив там оборудование, вывезенное из западных промышленных районов, и снабдить нашу армию всем необходимым для разгрома врага.

Если бы наша промышленность была во-время и соответственным образом мобилизована для работы на нужды армии, наши потери во время войны были бы гораздо меньше. Однако такая мобилизация не была начата во-время. И уже в первые дни войны стало ясным, что наша армия была плохо вооружена, что нам не хватало артиллерии, танков и самолетов для того, чтобы отбросить врага.

Советская наука и техника создали замечательные образцы танков и артиллерийских орудий еще до начала войны. Однако массовое производство этих видов вооружения не было своевременно организовано и, фактически, мы начали обновлять наше вооружение только накануне войны. В результате ко времени нападения врага на советскую землю у нас не было ни

старого оборудования, которое больше не использовалось в оборонной промышленности, ни нового, которое мы только собирались установить на военных заводах. В особенности плохо обстояло дело с артиллерией; не было также налажено производство противотанковых боеприпасов. Выяснилось, что многие укрепительные районы оказались необороноспособными, так как старые виды вооружения были изъяты, а новое оружие еще не получено.

К сожалению это относилось не только к танкам, артиллерии и самолетам. К началу войны мы даже не имели достаточного количества винтовок для того, чтобы вооружить мобилизованную живую силу. Я помню, как в те дни я позвонил товарищу Маленкову из Киева и сказал ему: "Имеется много добровольцев, которые хотят вступить в армию и требуют оружие. Вы должны дать нам оружие".

Маленков ответил мне: "Мы не можем дать вам оружие. Мы посылаем все винтовки в Ленинград, и вы должны вооружаться сами". *(Движение в зале.)*

Таково было положение с вооружением.

В связи с этим нельзя забыть, например, следующий факт. Незадолго до нападения гитлеровской армии на Советский Союз, Кирпонос, который был в то время командующим Киевского особого военного округа (позднее он был убит на фронте), писал Сталину, что немецкие армии стоят на Буге и что, по всей вероятности, они в самом ближайшем будущем перейдут в наступление. В соответствии с этим Кирпонос предлагал создать мощную оборону, эвакуировать около 800.000 человек из пограничных районов, а также построить ряд оборонительных узлов, в том числе противотанковые рвы, окопы и т.п.

На это Москва ответила, что проведение таких мероприятий явилось бы провокацией, что не следует начинать каких-либо подготовительных оборонных работ вдоль границ, чтоб не дать немцам никакого повода для открытия военных действий. В результате наши границы оказались недостаточно подготовленными для отражения нападения врага.

Когда фашистские армии действительно вторглись на советскую территорию и военные действия начались, Москва отдала приказ не открывать ответного огня. Почему? Потому что Сталин, несмотря на очевидные факты, думал, что война еще не началась, что все это было провокационным действием со стороны нескольких недисциплинированных частей немецкой армии и что наши ответные действия могли бы послужить основанием для немцев начать войну.

Известен также следующий факт. Накануне вторжения гитлеровской армии на территорию Советского Союза один немецкий гражданин перешел границу и заявил, что немецкие армии получили приказ начать военные действия против Советского Союза в ночь на 21 июня, в 3 часа. Об этом немедленно было сообщено Сталину, однако, и на это он не обратил никакого внимания.

Как вы видите, игнорировались все предупреждения некоторых военачальников, сообщения перебежчиков из вражеской армии и даже открытые враждебные действия противника. Может ли это служить примером бдительности главы партии и государства в такой особенно значительный исторический момент?

Каковы же были результаты этого беззаботного отношения, этого игнорирования совершенно ясных фактов? Результат был таков, что уже в первые же часы и дни войны враг уничтожил в наших пограничных областях большую часть наших военно-воздушных сил, артиллерии и другого военного снаряжения; он ликвидировал значительное количество наших воинских кадров и дезорганизовал наше военное руководство. В результате всего этого, мы не смогли предотвратить продвижения противника вглубь страны.

Очень прискорбные последствия, особенно в начале войны, были вызваны ликвидацией Сталиным многих лиц из числа командного состава армии и политических работников в 1937-41 годах, из-за его подозрительности и благодаря клеветническим обвинениям. В эти годы репрессиям были подвергнуты определенные слои

военных кадров, начиная, буквально, с командиров рот и батальонов и кончая руководителями высших воинских соединений. В это время были почти полностью ликвидированы руководящие армейские кадры, которые приобрели военный опыт в Испании и на Дальнем Востоке.

Проводившаяся в широком масштабе политика репрессий против военных кадров привела также к подрыву воинской дисциплины, так как в течение нескольких лет офицерам всех званий и даже солдатам, состоявшим в партийных и комсомольских организациях, внушалась необходимость "разоблачать" своих начальников, как тайных врагов. (*Движение в зале.*) Вполне естественно, что это отрицательно повлияло на состояние воинской дисциплины в первый период войны.

Как вы знаете, до войны мы имели превосходные военные кадры, которые были безусловно преданы партии и родине. Достаточно сказать, что те из них, которым удалось выжить, несмотря на суровые пытки, которым они подвергались в тюрьмах, с первых же дней войны проявили себя настоящими патриотами и героически сражались во славу родины. Я имею в виду таких товарищей, как Рокоссовский (который — как вы знаете — был арестован и сидел в тюрьме), Горбатов, Мерецков (который является делегатом настоящего съезда), Подлас (замечательный командир, погибший на фронте), и многие, многие другие. Однако много подобных командиров погибло в лагерях и тюрьмах, и армия их больше так и не увидела.

Все это привело к ситуации, существовавшей в начале войны, которая представляла собой огромную угрозу нашей родине.

Было бы неправильным забывать, что после первых серьезных неудач и поражений на фронте Сталин думал, что наступил конец. В одной из своих речей, произнесенных в те дни, он сказал: "Все, что создал Ленин, мы потеряли навсегда".

После этого, в течение долгого времени Сталин фактически не руководил военными действиями, прекратив делать что-либо вообще. Он вернулся к активному руководству только после того, как несколько членов Политбюро посетили его и сказали, что необходимо немедленно предпринять определенные шаги, чтобы улучшить положение на фронте.

Поэтому грозную опасность, нависшую над нашей родиной в первый период войны, следует отнести, главным образом, за счет неправильных методов руководства Сталиным государством и партией.

Однако мы говорим не только о моменте начала войны, который привел к серьезной дезорганизации нашей армии и причинил нам тяжелые потери. Даже после начала войны нервность и истеричность, проявленные Сталиным, вмешательство в руководство военными действиями причинили нашей армии серьезный ущерб.

Сталин был далек от понимания развивавшихся на фронте действительных событий. И это понятно, если учесть, что в течение всей Отечественной войны он ни разу не посетил ни одного участка фронта, ни один освобожденный город, за исключением краткой поездки по Можайскому шоссе, когда на фронте создавалось устойчивое положение. Этому случаю были посвящены многие литературные труды, полные всевозможных выдумок, и множество картин.

Одновременно Сталин вмешивался в проведение операций и издавал приказы, которые не учитывали действительного положения на данном участке фронта и которые не могли привести ни к чему иному, как к огромным людским потерям.

В связи с этим я разрешу себе привести один характерный факт, демонстрирующий, как Сталин руководил операциями на фронте. На этом съезде присутствует маршал Баграмян, который в свое время руководил разработкой операций в штабе Юго-Западного фронта и который может подтвердить то, что я вам скажу.

Когда в 1942 году, в районе Харькова, создалось чрезвычайно серьезное положение для нашей армии, мы правильно решили не проводить операции, целью которой было окружение Харькова, так как действительная обстановка была в то время такова, что продолжение проведения этой операции грозило бы нашей армии гибельными последствиями.

Мы сообщили об этом Сталину, утверждая, что создавшееся положение требовало пересмотра оперативных планов, чтобы не дать врагу возможности ликвидировать значительное сосредоточение наших войск.

Вопреки здравому смыслу, Сталин отверг наше предложение и издал приказ о продолжении операции по окружению Харькова, несмотря на то, что к этому времени многие сосредоточения наших войск сами находились под угрозой окружения и уничтожения.

Я позвонил Василевскому и попросил его:

”Александр Михайлович, возьми карту (Василевский присутствует здесь) и покажи товарищу Сталину создавшееся положение”. Следует заметить, что Сталин разрабатывал операции на глобусе. (*Оживление в зале.*) Да, товарищи, он обычно брал глобус и прослеживал на нем линию фронта. Я сказал тов. Василевскому: ”Покажи ему положение на карте; в данной обстановке мы не можем продолжать задуманную операцию. Старое решение должно быть изменено для пользы дела”.

Василевский ответил мне, что Сталин уже изучил этот вопрос и что он, Василевский, отказывается говорить еще раз по этому поводу со Сталиным, так как последний не хочет никаких споров по поводу этой операции.

После моего разговора с Василевским я позвонил Сталину на его дачу. Однако Сталин не ответил на звонок, и к телефону подошел Маленков. Я сказал товарищу Маленкову, что я звоню с фронта и хотел бы поговорить со Сталиным лично. Сталин сообщил мне через Маленкова, что я должен говорить с Маленковым. Я заявил вторично, что я хочу сообщить лично

Сталину об опасном положении, создавшемся для нас на фронте. Однако Сталин не считал нужным взять трубку и снова заявил, что мне следует разговаривать с ним через Маленкова, хотя в то время он находился в нескольких шагах от телефона.

После того как Сталин "выслушал" таким образом нашу просьбу, он сказал: "Оставить все так же, как есть!"

И что же произошло в результате этого? Чего мы и ожидали. Немцы окружили скопления наших войск и в результате мы потеряли сотни тысяч наших солдат. Вот пример военного "гения" Сталина; вот чего он нам стоил! *(Движение в зале.)*

Однажды после окончания войны, во время встречи Сталина с членами Политбюро, Анастас Иванович Микоян заметил, что Хрущев был, вероятно, прав, когда он звонил насчет харьковской операции, и что напрасно его предложение не было принято.

Вы бы посмотрели, в какое бешенство пришел Сталин! Как можно было только допустить, что он, Сталин, был не прав! Ведь он — "гений", а гений неправ быть не может! Каждый может ошибаться, но Сталин считал, что он никогда не совершал ошибок, что он всегда был прав. Он никогда не признавался кому-нибудь, что он совершил какую-либо ошибку, большую или маленькую, несмотря на то, что он допустил целый ряд ошибок, как в теоретических вопросах, так и в практической деятельности. После окончания этого съезда мы, по всей вероятности, должны будем переоценить многие военные операции и представить их в истинном свете.

Тактика, на проведении которой настаивал Сталин, не зная основ руководства боевыми операциями, стоила нам много крови, пока, наконец, нам не удалось остановить противника и перейти в наступление.

Военным известно, что уже к концу 1941 года Сталин, вместо проведения крупных оперативных маневров, с помощью которых, обойдя противника с флангов, можно было прорваться ему в тыл, требовал

непрерывных лобовых атак и захвата одного населенного пункта за другим. Эта тактика стоила нам больших потерь, пока нашим генералам, на плечах которых лежала вся тяжесть ведения войны, не удалось изменить положение, перейдя к более гибким маневренным операциям, что немедленно привело к серьезным и положительным для нас изменениям на фронте.

Тем более постыден тот факт, что после нашей великой победы над врагом, которая стоила нам так много жертв, Сталин начал снижать многих командиров, способствовавших победе над врагом, так как он исключал всякую возможность того, что заслуги на фронте могли бы быть приписаны кому-либо другому, кроме как ему самому.

Сталин был очень заинтересован в оценке товарища Жукова как военного руководителя. Он часто спрашивал меня, какого я мнения о Жукове. Я ему тогда сказал: "Я знаю Жукова давно. Он хороший генерал и хороший военачальник".

После войны Сталин начал говорить всякую чепуху о Жукове, и, между прочим, следующее: "Вы хвалили Жукова, но он этого не заслуживает. Говорят, что перед каждой операцией Жуков брал в руку землю, нюхал ее и говорил: "Мы можем начинать наступление" или же наоборот: "Задуманная операция не может быть проведена". Я ему тогда ответил: "Товарищ Сталин, я не знаю, кто это выдумал, но это неправда".

Возможно, что Сталин сам выдумывал такие вещи, чтобы умалить роль и военные способности маршала Жукова.

В связи с этим, Сталин очень энергично популяризировал себя, как великого полководца; самыми различными путями он старался привить народу мысль, что все победы, одержанные советской страной во время великой Отечественной войны, были одержаны благодаря смелости, храбрости и гениальности Сталина и никого более. Точно так же, как Кузьма Крючков, он насаживал на пику по семь человек. *(Движение в зале.)*

Возьмем, например, наши исторические и военные фильмы, а также некоторые литературные произведения; от них становится тошно. Их истинной целью является развитие темы восхваления Сталина, как военного гения. Вспомним фильм "Падение Берлина". В нем действует только Сталин; он отдает приказы в зале, где много пустых стульев и только один человек подходит к нему и что-то докладывает — это Поскребышев, его верный оруженосец. *(Смех в зале.)*

Где же военное командование? Где Политбюро? Где правительство? Что они делают и чем они занимаются? Об этом в фильме ничего нет. Сталин действует за всех; он не считается ни с кем, не спрашивает совета ни у кого. Все представлено народу в этом фальшивом свете. Почему? Для того, чтобы окружить Сталина славой, вопреки фактам и исторической правде.

Встает вопрос: Где же были военные, на плечах которых лежала вся тяжесть войны? Их в фильме нет; Сталин не оставил для них места.

Не Сталин, но вся партия в целом, советское правительство, наша героическая армия, ее талантливые руководители и храбрые солдаты, весь советский народ — вот те, кто обеспечил победу в великой Отечественной войне. *(Бурные и продолжительные аплодисменты.)*

Члены Центрального Комитета, министры, руководители нашей экономики, передовые люди советской культуры, руководители местных партийных и советских организаций, инженеры и техники — все они на своих постах щедро отдавали свои силы и знания для обеспечения победы над врагом.

Исключительный героизм был проявлен основным ядром — овеяны славой наш славный рабочий класс, наше колхозное крестьянство, советская интеллигенция, которые под руководством партийных организаций преодолели несказанные военные трудности, отдали все свои силы делу защиты родины.

Великие и славные подвиги были совершены во время войны нашими советскими женщинами, которые

вынесли на себе тяжелое бремя производственной работы на заводах, в колхозах, а также в различных отраслях экономики и культуры; многие женщины принимали непосредственное участие в великой Отечественной войне, на фронтах; наша смелая молодежь внесла неоценимый вклад как на фронте, так и в тылу в дело обороны советской родины, в дело уничтожения врага.

Бессмертны заслуги советских солдат, наших командиров и политработников всех званий. После значительных потерь, которые понесла наша армия в первые месяцы войны, они не потеряли головы и сумели провести реорганизацию в ходе военных действий; они создали и закалили в ходе войны сильную и героическую армию и не только отразили нажим сильного и коварного противника, но и разгромили его.

Огромные и героические подвиги сотен миллионов народов Востока и Запада во время борьбы против угрозы фашистского порабощения, которая висела над нами, будут жить в веках и тысячелетиях в памяти благодарного человечества. *(Бурные аплодисменты.)*

Главная роль и главная заслуга в победоносном окончании войны принадлежит нашей коммунистической партии, вооруженным силам Советского Союза и десяткам миллионам людей, воспитанным партией. *(Бурные и продолжительные аплодисменты.)*

Геноцид и террор

Товарищи, позвольте перейти теперь к некоторым другим фактам. Советский Союз справедливо считается примером многонационального государства, потому что мы на практике обеспечили равенство и дружбу всех народов, живущих на нашей великой родине.

Тем более поэтому чудовищны акты, инициатором которых был Сталин, и которые являются грубым нарушением основных ленинских принципов национальной политики советского государства. Мы имеем в

виду массовую высылку из родных мест целых народов, вместе с коммунистами и комсомольцами, без каких-либо исключений: эта высылка не была продиктована никакими военными соображениями.

Так, уже в конце 1943 года, когда постоянные прорывы на фронтах великой Отечественной войны определили ее исход в пользу Советского Союза, было принято и проведено решение относительно высылки всех карачаевцев с земель, на которых они жили.

В тот же самый период, в конце декабря 1943 года, такая же судьба постигла все население Калмыцкой Автономной республики.

В марте 1944 года были полностью высланы чеченский и ингушский народы, а Чечено-Ингушская Автономная республика была ликвидирована.

В апреле 1944 года с территории Кабардино-Балкарской Автономной республики были высланы в отдаленные места все балкары, а сама республика была переименована в Кабардинскую Автономную Республику.

Украинцы избегли этой участи только потому, что их было слишком много и не было места, куда их сослать. Иначе он их тоже сослал бы. *(Смех и оживление в зале.)*

Не только марксист-ленинец, но и просто ни один здравомыслящий человек не поймет, как можно обвинять в изменнической деятельности целые народы, включая женщин, детей, стариков, коммунистов и комсомольцев; как можно применять против них массовые репрессии, обрекать их на бедствия и страдания за враждебные акты отдельных лиц или групп.

После окончания Отечественной войны, советская страна с гордостью отметила замечательные победы, одержанные ценой великих жертв и огромных усилий. Страна переживала период политического энтузиазма. Партия вышла из войны еще более сплоченной; в огне войны партийные кадры закалились и окрепли. При таком положении ни у кого не могло быть и мысли о возможности каких-либо заговоров в партии.

И именно в это время появилось на свет так называемое "Ленинградское дело". Как мы теперь доказали, это дело было сфабриковано. В числе ликвидированных ни в чем неповинных товарищей были Вознесенский, Кузнецов, Родионов, Попков и другие.

Как известно, Вознесенский и Кузнецов были талантливыми и выдающимися руководителями. Когда-то они были очень близки к Сталину. Достаточно сказать, что Сталин назначил Вознесенского первым заместителем председателя Совета министров, а Кузнецов был избран секретарем ЦК. Уж сам факт, что Сталин поручил Кузнецову руководство органами государственной безопасности, доказывает, каким доверием он пользовался.

Как могло случиться, что они были объявлены врагами народа и ликвидированы?

Факты доказывают, что "Ленинградское дело" было одним из проявлений сталинского произвола над партийными кадрами.

Если бы в ЦК партии и в Политбюро существовало нормальное положение, дела такого рода были бы рассмотрены там в соответствии с партийной практикой и все факты, относящиеся к делу, оценены. В результате, это дело, так же как и ему подобные, не возникло бы.

Нужно сказать, что после войны положение еще более осложнилось. Сталин стал еще более капризным, раздражительным и жестоким; в особенности возросла его подозрительность. Его мания преследования стала принимать невероятные размеры. Многие работники становились в его глазах врагами. После войны Сталин еще более оторвался от коллектива. Он все решал один, не обращал внимания ни на кого и ни на что.

Эта невероятная подозрительность была умно использована низким провокатором и подлым врагом — Берия, который убил тысячи коммунистов и преданных советских людей. Повышение Вознесенского и Кузнецова встревожило Берия. Как мы сейчас доказали, именно Берия "предложил" Сталину, что он,

Берия, со своими сообщниками сфабрикует материалы в форме заявлений и анонимных писем, а также в форме различных слухов и разговоров.

Центральный Комитет партии пересмотрел так называемое "Ленинградское дело"; невинно пострадавшие реабилитированы и честь славной Ленинградской партийной организации восстановлена. Абакумов и другие, сфабриковавшие это дело, предстали перед судом; суд состоялся в Ленинграде, и все они получили по заслугам.

Возникает вопрос: почему мы только теперь видим, в чем суть этого дела, почему мы не сделали ничего раньше, при жизни Сталина, чтобы предотвратить гибель невинных людей? Потому что Сталин лично наблюдал за "Ленинградским делом", а большинство членов Политбюро в это время не знали всех обстоятельств этого дела и не могли поэтому вмешаться.

Когда Сталин получил от Берия и Абакумова материалы, он, не пересмотрев эти клеветнические материалы, приказал прекратить дальнейшее расследование "дела" Вознесенского и Кузнецова. Это решило их судьбу.

Очень показательны также в этом отношении дело мингрельской националистической организации, якобы существовавшей в Грузии. Как известно, ЦК КПСС вынес резолюции, касающиеся этого дела, в ноябре 1951 и в марте 1952 гг. Эти резолюции были вынесены без предварительных обсуждений в Политбюро. Они были лично продиктованы Сталиным и содержали тяжкие обвинения против многих преданных коммунистов. На основе подложных документов было доказано, что в Грузии якобы существовала националистическая организация, целью которой была ликвидация советской власти в республике с помощью империалистических держав.

В связи с этим в Грузии был арестован ряд партийных и советских работников. Позднее было доказано, что это было клеветой, направленной против партийной организации Грузии.

Нам известно, что как в Грузии, так и в некоторых других республиках временами вспыхивали проявления местного буржуазного национализма. Возникает вопрос: возможно ли, что в то время, когда были вынесены вышеназванные решения, националистические тенденции возросли до такой степени, что создалась опасность выхода Грузии из Советского Союза и ее присоединения к Турции? *(Оживление в зале, смех.)*

Все это, конечно, ерунда. Совершенно исключено, что такие предположения могли бы кому-нибудь придти в голову. Всем известно, как Грузия развилась экономически и культурно при советском строе.

Промышленная продукция Грузинской Республики возросла по сравнению с дореволюционной в 27 раз. Много новых отраслей промышленности возникло в Грузии, которые не существовали там до революции: сталелитейная, нефтяная промышленность, машиностроение и т.д. Давно ликвидирована безграмотность, которая в дореволюционной Грузии охватывала 78% населения.

Могли ли грузины, сравнивая положение в своей республике с тяжелым положением трудящихся масс в Турции, стремиться присоединиться к Турции? В 1955 году производство стали на душу населения в Грузии было в 18 раз больше, чем в Турции. Грузия производит в 9 раз больше электроэнергии на душу населения, чем Турция. Согласно данным переписи населения 1950 года, 65 процентов всего населения Турции безграмотно, а среди женщин число безграмотных достигает 80%. Грузия имеет 19 высших учебных заведений, в которых обучается 39 тысяч студентов, то есть в 8 раз больше, чем в Турции (на каждую тысячу человек населения). Благополучие трудящихся Грузии необычайно возросло при советском строе.

Ясно, что по мере того, как возрастают экономика и культура, а также социалистическое сознание трудящихся масс Грузии, источник, из которого буржуазный национализм черпает свои силы, испаряется.

Как это выяснилось, никаких националистических организаций в Грузии не было. Тысячи невинных людей пали жертвой самодурства и беззакония. Все это случилось под "гениальным" руководством Сталина, "великого сына грузинского народа", как грузины любят говорить о Сталине.

Конфликт с Югославией

Самодурство Сталина проявлялось не только в решениях, относящихся к внутренней жизни страны, но также и в международных отношениях Советского Союза.

Июльский пленум Центрального Комитета детально изучил причины развития конфликта с Югославией. Сталин в этом играл постыдную роль. "Югославское дело" не содержало никаких проблем, которые не могли бы быть разрешены при помощи партийной дискуссии среди товарищей. Не было какого-либо значительного основания для развития этого "дела": было вполне возможно предотвратить разрыв отношений с этой страной. Это не значит, однако, что руководители Югославии не делали ошибок или же не имели недостатков. Но эти ошибки и недостатки были преувеличены Сталиным до чудовищных размеров, что привело к разрыву отношений с дружеской страной.

Я вспоминаю первые дни, когда конфликт между Советским Союзом и Югославией начал искусственно раздуваться. Однажды, когда я прибыл из Киева в Москву, я был приглашен к Сталину, который, указывая на копию письма, недавно посланного Тито, спросил меня: "Вы это читали?" Не ожидая моего ответа, он сказал: "Стоит мне пошевелить мизинцем, и Тито больше не будет. Он падет".

Нам пришлось дорого расплачиваться за это "шевеление мизинцем". В этом заявлении выразилась сталинская мания величия, но он всегда действовал именно так: "Стоит мне пошевелить мизинцем — и не станет

Коссиора”; ”Стоит мне пошевелить мизинцем еще раз — и исчезнут Вознесенский, Кузнецов и многие другие”.

Однако этого не случилось с Тито. Как Сталин ни тряс не только мизинцем, но и всем остальным, чем он мог трясти, Тито не пал. Почему? Причина заключалась в том, что в этом случае разногласий с югославскими товарищами, Тито имел за собой государство и народ, прошедший тяжелую школу борьбы за свободу и независимость, народ, который поддержал своих руководителей.

Вы видите, к чему приводила мания величия Сталина: он полностью потерял ощущение действительности; он проявлял свои подозрительность и высокомерие не только по отношению к отдельным лицам в СССР, но также и по отношению к целым партиям и народам.

Мы тщательно изучили случай с Югославией и нашли правильное решение, которое получило одобрение народов Советского Союза и Югославии, так же как и трудящихся масс всех стран народной демократии и всего прогрессивного человечества. Ликвидация ненормальных взаимоотношений с Югославией была произведена в интересах всего лагеря социализма, в интересах укрепления мира во всем мире.

Террор

Давайте также вспомним ”Дело врачей-вредителей”. *(Оживление в зале.)* На самом деле не было никакого ”дела”, кроме заявления женщины-врача Тимошук, на которую, по всей вероятности, кто-то повлиял или же просто приказал (кстати, она была неофициальным сотрудником органов государственной безопасности) написать Сталину письмо, в котором она заявляла, что в врачи якобы применяли недозволённые методы.

Для Сталина было достаточно такого письма, чтобы прийти к немедленному заключению, что в Советском Союзе имеются врачи-вредители... Он дал указание

арестовать группу видных советских медицинских специалистов. Он лично посоветовал, как следует вести следствие и какие методы следует применять при допросах арестованных. Он сказал, что академика Виноградова следует заковать в кандалы, а другого следует избить. На этом съезде присутствует в качестве делегата бывший министр государственной безопасности товарищ Игнатьев. Сталин ему резко заявил: "Если ты не добьешься признания врачей, мы тебя укоротим на голову". (*Возмущение в зале.*)

Сталин лично вызвал к себе следователя, дал ему указания, рекомендовал ему методы, которые следовало применять при ведении следствия. Эти методы были просты: бить, бить и еще раз бить.

Вскоре после ареста врачей, мы — члены Политбюро — получили протоколы, в которых врачи сознавались в своей вине. После того, как Сталин раздал эти протоколы, он сказал нам: "Вы слепы, как новорожденные котятка; что будет без меня? Страна погибнет, потому что вы не умеете распознавать врагов".

Дело было поставлено таким образом, что никто не мог проверить тех фактов, на которых основано следствие. Не было возможности попытаться проверить факты, связавшись с теми, кто признался в вине.

Мы чувствовали, однако, что дело арестованных врачей было сомнительным. Мы лично знали некоторых из этих людей, так как в свое время они нас лечили. Когда мы пересмотрели это "дело" после смерти Сталина, мы пришли к заключению, что оно было сфабриковано от начала до конца.

Это позорное "дело" было создано Сталиным. У него не хватило времени, однако, довести его до конца (так, как он себе представлял этот конец) и по этой причине врачи еще живы. Теперь все они реабилитированы. Они работают на тех же местах, на которых работали раньше. Они лечат высших работников, не исключая членов правительства; они пользуются нашим полным доверием; и они честно исполняют свои обязанности так же, как они это делали раньше.

Берия

В организации различных грязных и позорных дел гнуснейшую роль играл ярый враг нашей партии, агент иностранной разведки – Берия, который втерся в доверие Сталина. Каким образом этот провокатор получил такое положение в партии и государстве, так что он стал первым заместителем председателя Совета Министров Советского Союза и членом Политбюро ЦК? Теперь установлено, что этот негодяй поднялся по ступеням правительственной лестницы через бесчисленное число трупов.

Имелись ли какие-либо данные о том, что Берия был врагом партии? Да, имелись. Уже в 1937 году, на одном из пленумов ЦК, бывший народный комиссар здравоохранения Каминский сказал, что Берия работал на мусаватскую разведку. Однако едва пленум ЦК успел окончиться, как Каминский был арестован и расстрелян.

Рассмотрел ли Сталин заявление Каминского? Нет, потому что Сталин верил в Берия, и этого для него было достаточно. А когда Сталин верил в кого-либо или чему-нибудь, никто не смел сказать ни слова, противоречащего его мнению: каждого, кто посмел бы выразить свое несогласие, постигла бы та же судьба, что и Каминского.

Были еще и другие признаки. Интересно заявление, сделанное товарищем Снеговым в ЦК партии (кстати, он также был недавно реабилитирован – после семнадцати лет заключения в лагерях). В этом заявлении Снегов пишет:

”В связи с предлагаемой реабилитацией бывшего члена ЦК Картвелишвили-Лаврентьева, я вручил представителю Комитета Государственной Безопасности *подробное показание*, касающееся роли Берия в решении дела Картвелишвили и относительно тех преступных мотивов, которыми руководствовался Берия. По моему мнению, абсолютно

необходимо вспомнить один важный факт, относящийся к этому делу и сообщить о нем Центральному Комитету, так как я не считал целесообразным включить его в следственные документы.

30 октября 1931 года, на заседании Оргбюро ЦК ВКП (б) Картвелишвили, секретарь Закавказского Краевого Комитета, сделал доклад. Присутствовали все члены краевого исполкома; из них один я остался в живых. Во время этого заседания И.В. Сталин в конце своей речи внес предложение, касающееся организации секретариата Закавказского Краевого Комитета, которое заключалось в следующем: первый секретарь – Картвелишвили; второй секретарь – Берия (тогда впервые в истории партии имя Берия было упомянуто, как кандидата на партийную должность). Картвелишвили ответил, что он хорошо знает Берия, и по этой причине категорически отказывается работать с ним. Сталин предложил оставить этот вопрос открытым и разрешить его в процессе самой работы. Два дня спустя пришло решение, согласно которому Берия получал партийную должность, а Картвелишвили должен был быть выслан из Закавказья”.

Этот факт может быть подтвержден товарищами Микояном и Кагановичем, которые присутствовали на этом заседании.

Старая вражда между Картвелишвили и Берия была хорошо известна; эта вражда началась еще тогда, когда товарищ Серго работал в Закавказье; Картвелишвили был ближайшим помощником Серго. Эта вражда побудила Берия сфабриковать ”дело” против Картвелишвили.

Характерно, что в этом ”деле” Картвелишвили обвинялся в террористическом акте против Берия.

В приговоре по делу Берия содержится содержание его преступлений. Но некоторые вещи следует напомнить особенно, потому что, возможно, не все делегаты съезда читали этот документ. Я хочу напомнить

вам о зверском решении, принятом Берия по делам Кедрова, Голубева и приемной матери Голубева – Батуриной – лиц, которые хотели сообщить Центральному Комитету об изменнической деятельности Берия. Они были расстреляны без суда, а приговор был вынесен уже после их казни.

Вот что старый коммунист, товарищ Кедров, писал Центральному Комитету через товарища Андреева (товарищ Андреев был в то время секретарем Центрального Комитета):

”Я обращаюсь к вам за помощью из мрачной камеры лефортовской тюрьмы. Пусть этот крик отчаяния достигнет вашего слуха; не оставайтесь глухи к этому зову; возьмите меня под свою защиту; прошу вас, помогите прекратить кошмар этих допросов и покажите, что все это было ошибкой.

”Я страдаю безо всякой вины. Пожалуйста, поверьте мне. Время докажет истину. Я – не агент-provokator царской охранки; я – не шпион; я – не член антисоветской организации, как меня обвиняют на основании доносов. Я не виновен и в других преступлениях перед партией и правительством.

Я – старый, незапятнанный ничем большевик. Почти сорок лет я честно боролся в рядах партии за благо и процветание страны...

Сегодня мне, шестидесяти двух-летнему старику, следователи грозят еще более суровыми, жестокими и унижительными методами физического воздействия. Они – следователи – не способны понять свою ошибку и признать, что их поступки (в моем деле) незаконны и недопустимы. Они пытаются оправдать свои действия, рисуя меня закоре-нелым и ожесточенным врагом и требуют все новых, более жестоких пыток. Но пусть партия знает, что я невиновен и что нет такой силы, которая могла бы превратить верного сына партии в ее врага, до его последнего дыхания. У меня нет выхода. Я не могу отвратить от себя грозящие мне новые и еще более сильные удары.

Но все имеет свои пределы. Мои мучения дошли до предела. Мое здоровье сломлено, мои силы и энергия тают, конец приближается. Умереть в советской тюрьме, заклеянным как низкий изменник Родины – что может быть более чудовищным для честного человека. Как страшно все это! Беспредельная боль и горечь переполняют мое сердце. Нет! Нет! Этого не будет! Этого не может быть! – восклицаю я. Ни партия, ни советское правительство, ни Народный Комиссар Л.П. Берия не допустят этой жестокой и непоправимой несправедливости. Я твердо убежден, что при наличии спокойного объективного разбирательства моего дела, без грубой брани, без гневных окриков и без страшных пыток – было бы легко доказать необоснованность всех этих обвинений. Я глубоко верю, что истина и правосудие восторжествуют. Я верю. Я верю”.

Военная Коллегия нашла, что старый большевик, товарищ Кедров, был невиновен. Но несмотря на это, он был расстрелян по приказу Берия. *(Возмущение в зале.)*

Берия также жестоко расправился с семьей товарища Орджоникидзе. Почему? Потому что Орджоникидзе пытался помешать Берия осуществить его гнусные планы. Берия убирал со своего пути всех, кто мог бы ему помешать. Орджоникидзе всегда был противником Берия и говорил об этом Сталину. Но вместо того, чтобы разобраться в этом вопросе и принять соответствующие меры, Сталин допустил ликвидацию брата Орджоникидзе и довел самого Орджоникидзе до такого состояния, что он был вынужден застрелиться. *(Возмущение в зале.)* Таков был Берия.

Вскоре после смерти Сталина Центральный Комитет разоблачил Берия. Было проведено особо тщательное судебное расследование его деятельности, которое показало, что Берия совершал чудовищные преступления, и Берия был расстрелян.

Возникает вопрос, почему Берия, который ликвидировал десятки тысяч партийных и советских работников, не был разоблачен при жизни Сталина? Он не был разоблачен раньше потому, что он очень ловко использовал слабости Сталина: разжигая его подозрительность, он во всем помогал Сталину и действовал при его поддержке.

”Краткая биография”

Товарищи!

Куль личности принял такие чудовищные размеры главным образом потому, что сам Сталин, применяя все возможные методы, поддерживал прославление своей собственной личности. Это подтверждается многочисленными фактами. Одним из наиболее характерных примеров самопрославления Сталина и отсутствия у него самого элементарного чувства скромности, может служить его ”Краткая биография”, которая была напечатана в 1948 году.

Эта книга представляет собой выражение самой отвратительной лести, она – пример того, как человека делают божеством, рисуют его, как непогрешимого мудреца, ”величайшего вождя”, ”лучшего стратега всех времен и народов”. В конце концов просто не хватало слов, чтобы превозносить Сталина до небес.

Нет нужды приводить здесь примеры того отвратительного идолопоклонства, которыми полна эта книга. Достаточно указать, что все эти выражения были одобрены и отредактированы самим Сталиным, а некоторые даже дописаны его рукой на корректуре книги.

Что, по мнению Сталина, должно быть существенным в этой книге? Желал ли он умерить пыл тех льстецов, которые составляли его ”Краткую биографию”? Нет! Он отмечал те самые места, в которых, по его мнению, восхваление его заслуг было недостаточным.

Вот несколько примеров, которые характеризуют эти поправки, сделанные рукой Сталина:

”В этой борьбе с маловеерами и капитулянтами, троцкистами и зиновьевцами, бухаринными и каменевыми окончательно сложилось после выхода Ленина из строя, то руководящее ядро нашей партии..., которое отстояло великое знамя Ленина, сплотило партию вокруг заветов Ленина и вывело советский народ на широкую дорогу индустриализации страны и коллективизации сельского хозяйства. Руководителем этого ядра и ведущей силой партии и государства был товарищ Сталин”.

Так пишет сам Сталин! А затем он добавляет:

”Мастерски выполняя задачи вождя партии и народа и имея полную поддержку всего советского народа, Сталин, однако, не допускал в своей деятельности и тени самомнения, зазнайства, самолюбования”.

Где и когда бывало, чтобы вождь так сам себя хвалил? Достоин ли это вождя марксистско-ленинского типа? Нет. Именно против этого так решительно выступали Маркс и Энгельс. Это также всегда резко осуждал Владимир Ильич Ленин.

В первоначальном тексте книги была следующая фраза: ”Сталин – это Ленин сегодня”. Но Сталину это предложение показалось слишком слабым, поэтому своей рукой он изменил так: ”Сталин – достойный продолжатель дела Ленина или, как говорят у нас в партии: Сталин – это Ленин сегодня”. Вы видите, как хорошо это сказано, но не народом, а самим Сталиным.

Можно привести много примеров таких самопохвал, вписанных в первоначальный текст этой книги рукой Сталина. Особенно щедр был он на похвалы, которые относились к его военному гению, к его стратегическому таланту.

Я приведу еще одну вставку, сделанную Сталиным, относительно военного гения Сталина:

”Товарищ Сталин развил дальше передовую советскую военную науку. Товарищ Сталин разработал положение о постоянно действующих факторах, решающих судьбу войны, об активной обороне и законах контрнаступления и наступления, о взаимодействии родов войск и боевой техники в современных условиях войны, о роли больших масс танков и авиации в современной войне, об артиллерии, как самом могучем роде войск. На разных этапах войны сталинский гений находил правильные решения, полностью учитывающие особенности обстановки”. *(Движение в зале.)*

Дальше Сталин пишет:

”Сталинское военное искусство проявилось как в обороне, так и в наступлении. С гениальной проницательностью разгадывал товарищ Сталин планы врага и отражал их. В сражениях, в которых товарищ Сталин руководил советскими войсками, воплощены выдающиеся образцы военного оперативного искусства”.

Так Сталин восхвалял себя как стратега. Кто делал все это? Сам Сталин, но не как стратег, а как автор-редактор, один из главных создателей этой полной самовосхваления биографии.

Таковы факты, товарищи. Следует, пожалуй, сказать, – позорные факты...

И еще один факт из той же самой ”Краткой биографии” Сталина. Как известно, ”Краткий курс истории ВКП (б)” был написан комиссией Центрального Комитета партии.

Эта книга, кстати сказать, также проникнутая культом личности, была написана выделенной для этой работы группой авторов. Это обстоятельство было

отражено на корректуре "Краткой биографии Сталина" следующим образом:

"Комиссия Центрального Комитета ВКП(б), под руководством товарища Сталина и при его активнейшем личном участии, разработала "Краткий курс истории ВКП(б)".

Но и эта фраза не удовлетворила Сталина; она была дополнена следующей фразой в окончательном тексте "Краткой биографии":

"В 1938 году вышла в свет книга: "Краткий курс истории ВКП(б)", написанная товарищем Сталиным и одобренная комиссией Центрального Комитета ВКП(б)".

Нужно ли к этому еще что-либо добавить? (*Оживление в зале.*)

Как видите, поразительная метаморфоза превратила труд, созданный группой людей, в книгу, написанную Сталиным. Нет нужды говорить о том, как и почему произошла эта метаморфоза.

Невольно напрашивается вопрос: если автором этой книги был Сталин, то почему ему нужно было так восхвалять личность Сталина и превращать весь послеоктябрьский исторический период нашей славной коммунистической партии в дело одного только "сталинского гения"?

Отражала ли эта книга правильно усилия партии в деле социалистического преобразования страны, в строительстве социалистического общества, в индустриализации и коллективизации страны, а также другие мероприятия партии, которая неуклонно следовала по пути, начертанному Лениным? Эта книга говорит, главным образом, о Сталине, об его речах, об его докладах. Все, без малейшего исключения, было связано с его именем.

И когда сам Сталин утверждает, что он сам написал "Краткий курс истории ВКП(б)", то это вызывает, по меньшей мере, изумление. Может ли марксист-ленинец так писать о самом себе, превознося собственную личность до небес?

Или возьмем вопрос о сталинских премиях. (*Движение в зале.*) Даже цари не создавали премий, которые они называли своим именем.

Сталин признал самым лучшим тот текст государственного гимна Советского Союза, в котором нет ни слова о коммунистической партии; зато в самом тексте есть такая беспримерная фраза о Сталине:

"Нас вырастил Сталин на верность народу,
На труд и на подвиги нас вдохновил".

В этих словах гимна вся воспитательная, руководящая и вдохновляющая деятельность великой ленинской партии приписана Сталину. Это, конечно, явное отклонение от марксизма-ленинизма, явное унижение и преуменьшение роли партии. Сообщаю для вашего сведения, что Президиум Центрального Комитета уже вынес решение относительно составления нового текста гимна, который отразил бы роль народа и роль партии. (*Громкие, продолжительные аплодисменты.*)

А разве многие из крупнейших заводов и городов были названы именем Сталина без его ведома? Были ли памятники Сталину сооружены по всей стране тоже без его ведома — эти памятники живому человеку? Остается фактом, что Сталин сам подписал 2 июля 1951 года резолюцию Совета Министров СССР о сооружении на канале Волга-Дон внушительного памятника Сталину; 4 сентября того же года он отдал распоряжение об отливке 33 тонн меди для сооружения этого гигантского памятника. Каждый, кто побывал в районе Сталинграда, не мог не увидеть огромную статую, которая там строилась, при том на том месте, где почти никогда никто не бывает. Огромные средства были затрачены на эту статую, в то время как население этого

района с самой войны жило в землянках. Подумайте сами – прав ли был Сталин, когда он писал в своей биографии, что ”...он не допускал в своей деятельности и тени самомнения, зазнайства, самолюбования”?

И в то же время Сталин проявил свое неуважение к памяти Ленина. Не случайно, что несмотря на принятое тридцать лет назад решение построить Дворец Советов, как памятник Владимиру Ильичу, этот дворец не был построен, его строительство все время откладывалось, и о проекте постепенно стали забывать.

Нельзя не вспомнить о решении советского правительства от 14 августа 1925 года относительно учреждения ленинских премий за воспитательную работу. Эта резолюция была опубликована в печати, но до сегодняшнего дня ленинских премий нет. Это тоже следует исправить. *(Бурные, продолжительные аплодисменты.)*

При жизни Сталина, благодаря известным методам, о которых я упомянул, приводя факты, например, из ”Краткой биографии Сталина” – все события освещались так, будто Ленин играл второстепенную роль даже во время Октябрьской социалистической революции. Во многих фильмах и литературных трудах фигура Ленина была показана неверно и недопустимо приукрашена.

Сталин любил смотреть фильм ”Незабываемый 1919”, в котором он был изображен стоя на подножке бронепоезда и где он буквально побеждает врага своей шашкой. Пусть наш дорогой друг, Климентий Ефремович, найдет в себе достаточно мужества и напишет правду о Сталине; ведь он знает, как на самом деле сражался Сталин. Товарищу Ворошилову будет трудно это сделать, но было бы хорошо, если бы он все-таки это сделал. Все одобряли бы это, как народ, так и партия. Даже его внуки были бы ему благодарны. *(Продолжительные аплодисменты.)*

Когда говорилось о событиях Октябрьской революции и гражданской войны, то создавалось впечатление, что Сталин всегда играл главную роль, как будто всюду

и всегда Сталин подсказывал Ленину, что и как нужно делать. Но это клевета на Ленина. *(Продолжительные аплодисменты.)*

Я вряд ли погрешу против истины, если скажу, что 99 процентов из присутствующих здесь слышали и знали очень мало о Сталине до 1924 года, в то время как Ленина знали все — его знала вся партия, весь народ, от детей до седобородых старцев. *(Продолжительные аплодисменты.)*

Все это следует тщательно пересмотреть, чтобы история, литература и искусство правильно отразили роль Владимира Ильича Ленина и великие дела нашей коммунистической партии и советского народа — этого творческого народа. *(Аплодисменты.)*

Кульг личности и его вред

Товарищи! Кульг личности привел к применению неверных принципов в партийной работе и в экономической деятельности; он принес с собой грубое нарушение внутрипартийной и советской демократии, бесплодное администрирование, всякого рода уклонения, скрывание недостатков и прикрашивание действительности. В нашем народе появилось много льстецов и специалистов по очковтирательству и обману.

Мы не должны забывать, что из-за многочисленных арестов партийных, советских и хозяйственных деятелей, многие трудящиеся стали работать неуверенно, проявляли чрезмерную осторожность, стали бояться всяких новшеств, бояться своей собственной тени и проявлять меньше инициативы в работе.

Возьмем, например, партийные и советские резолюции. Их заготовляли по шаблону, часто совершенно не учитывая конкретного положения. Дело доходило до того, что партийные работники даже на небольших совещаниях читали свои речи. Все это создавало опасность сделать партийную и советскую работу формальной и бюрократизировать весь аппарат.

Нежелание Сталина считаться с действительной жизнью и тот факт, что он не знал настоящего положения на местах, доказывается тем, как он руководил сельским хозяйством. Все те, кто хоть сколько-нибудь интересовались положением в стране, видели трудное положение сельского хозяйства, но Сталин этого никогда не замечал. Говорили ли мы Сталину об этом? Да, мы говорили, но он нас не поддерживал. Почему? Потому, что Сталин никуда не выезжал, он не встречался с рабочими и колхозниками, он не знал настоящего положения на периферии.

Он знал страну и сельское хозяйство только по кинокартинам. А эти картины приукрашивали положение в сельском хозяйстве.

Многие кинокартины изображали колхозную жизнь так, будто столы ломались под тяжестью индюшек и гусей. Очевидно, Сталин думал, что это в действительности так и было.

Владимир Ильич Ленин смотрел на жизнь иначе; он всегда был близок к народу; он принимал крестьянских ходоков, часто выступал на заводских собраниях; он выезжал в деревню и беседовал с крестьянами.

Сталин оторвался от народа и никогда никуда не выезжал. Так продолжалось десятки лет. Последний раз Сталин был на селе, когда в январе 1928 года он ездил в Сибирь в связи с хлебозаготовками. Как же он мог знать положение на периферии?

Однажды, во время дискуссии ему сказали, что наше положение в деревне затруднительно и что особенно плохо дело обстоит с животноводством и продукцией мяса. Была создана комиссия, которой было поручено составить резолюцию относительно "Мероприятий для дальнейшего развития животноводства в колхозах и совхозах". Мы разработали этот проект.

Конечно, в то время наши предложения не содержали всех возможностей, но мы наметили пути, чтобы поднять животноводство в колхозах и совхозах. Мы предлагали тогда поднять цены на продукты животноводства, чтобы создать для работников колхозов,

МТС и совхозов материальную заинтересованность в развитии животноводства. Но наш проект не был принят, и в феврале 1953 года он был окончательно отвергнут.

Мало того, рассматривая этот проект, Сталин предложил повысить на 40 миллиардов рублей налоги, которые платили колхозы и колхозники; по его мнению, крестьяне жили зажиточно и отдельному колхознику достаточно продать одну лишнюю курицу, чтобы заплатить целиком весь свой налог.

Только представьте себе, что все это значило. Сорок миллиардов рублей – это такая сумма, которую колхозники не получали за свою продукцию, проданную государству. В 1952 году, например, колхозы и колхозники получили 26.280 миллионов рублей за всю продукцию, которую они сдали и продали государству.

Основывал ли Сталин свое мнение на каких-либо конкретных данных? Конечно, нет.

В таких случаях факты и цифры его не интересовали. Если Сталин говорил что-нибудь – значит это должно было быть так, ведь он был "гением", а гению подсказывать не нужно, ему достаточно только взглянуть и он может сказать, как это должно быть. Когда он высказывает свое мнение, все должны повторять за ним это мнение и восхищаться его мудростью.

Но была ли какая-нибудь мудрость в его предложении повысить сельскохозяйственный налог на 40 миллиардов рублей? Никакой, абсолютно никакой, потому, что это предложение основывалось не на учете и оценке действительного положения, а на фантастической идее человека, оторвавшегося от действительности. Теперь мы начинаем медленно выходить из затруднительного положения, создавшегося в сельском хозяйстве. Доклады делегатов XX съезда нас всех удовлетворили; мы рады, что выступило много делегатов, рады, что уже есть условия для выполнения шестого пятилетнего плана по животноводству не в течение пятилетнего периода, а в течение двух или

трех лет. Мы уверены, что задания нового пятилетнего плана будут успешно выполнены. (*Продолжительные аплодисменты.*)

Товарищи!

Если сегодня мы резко критикуем культ личности, получивший такое широкое развитие при жизни Сталина, если мы говорим о многих отрицательных явлениях, порожденных этим культом, который так чужд духу марксизма-ленинизма, некоторые могут спросить: как это могло быть?

Сталин возглавлял партию и страну на протяжении тридцати лет, и многие победы были одержаны при его жизни. Можем ли мы это отрицать?

Я считаю, что ставить вопрос в такой форме могут только те, кто ослеплены и безнадежно загипнотизированы культом личности, только те, кто не понимают самой сущности революции и советского государства, только те, кто не понимают, по-ленински, роли партии и народа в развитии общества.

Социалистическая революция была осуществлена рабочим классом и крестьянами-бедняками, при частичной поддержке крестьян-середняков. Она была осуществлена народом под руководством партии большевиков. Великая заслуга Ленина заключается в том, что он создал воинствующую партию рабочего класса; но он был вооружен марксистским пониманием законов общественного развития и наукой победы пролетариата в борьбе с капитализмом; он закалил партию в горниле революционной борьбы народных масс. Во время этой борьбы партия непрестанно защищала интересы народа, она стала его опытным вождем и привела массы трудящихся к власти, к созданию первого социалистического государства.

Вы несомненно помните мудрые слова Ленина о том, что советское государство сильно потому, что народные массы сознают, что историю творят миллионы и десятки миллионов людей.

Наши исторические победы были достигнуты благодаря организаторской работе партии, благодаря

многим местным организациям и благодаря самоотверженной работе нашего великого народа. Эти победы — результат великого напряжения и деятельности всего народа и всей партии; они вовсе не являются плодом руководства Сталина, как это утверждалось в период культа личности.

Если мы будем рассматривать этот вопрос как марксисты и как ленинцы, мы должны будем без обиняков заявить, что та система руководства, которая установилась в последние годы жизни Сталина, была серьезным препятствием на пути советского общественного развития.

Сталин часто целыми месяцами не приступал к рассмотрению какой-либо чрезвычайно важной проблемы, касавшейся жизни партии и государства и не терпевшей отлагательства. В период сталинского руководства наши мирные взаимоотношения с другими народами часто находились под угрозой потому, что решение одного человека могло вызвать и часто вызывало крупные осложнения.

За последние годы, когда нам удалось освободиться от вредной практики культа личности и когда мы провели несколько соответствующих мероприятий в области внутренней и внешней политики, каждый мог видеть, как везде на наших глазах возрастала активность, как развилась творческая деятельность широких масс трудящихся, как благоприятно все это влияло на развитие экономики и культуры. *(Аплодисменты.)*

Некоторые товарищи могут спросить: а где же были члены Политбюро Центрального Комитета? Почему они не выступили во-время против культа личности? И почему это делается только сейчас? Прежде всего мы должны считаться с тем обстоятельством, что члены Политбюро смотрели на эти вопросы в разное время по-разному. В начале многие из них активно поддерживали Сталина потому, что он был одним из сильнейших марксистов и его логика, его сила и его воля сильно влияла на партийные кадры и партийную работу.

Известно, что Сталин после смерти Ленина, особенно в первые годы, активно боролся за ленинизм против врагов ленинской теории и против тех, кто от нее уклонялся. Исходя из ленинской теории, партия, во главе с ее Центральным Комитетом начала в широких размерах работу по социалистической индустриализации страны, по коллективизации сельского хозяйства и проведению культурной революции. В это время Сталин завоевал себе большую популярность, симпатию и поддержку. Партии приходилось бороться против тех, кто пытался увести в сторону от правильного ленинского пути; ей приходилось бороться против троцкистов, зиновьевцев, правых уклонистов и буржуазных националистов. Это борьба была необходима. Позже, однако, Сталин, злоупотребляя все больше и больше своей властью, стал бороться против видных руководителей партии и правительства и применять террористические методы против честных советских людей. Как мы уже указывали, Сталин поступил так с такими выдающимися руководителями партии и правительства, как Коссиор, Рудзутак, Эйхе, Постышев и многие другие.

Попытки возражать против ни на чем не обоснованных подозрений и обвинений кончались тем, что возражавший сам становился жертвой репрессий. В этом отношении характерен случай с Постышевым.

В одном из своих выступлений Сталин высказал свое недовольство Постышевым и задал ему вопрос: "Кто ты, собственно говоря?"

Постышев ответил твердо: "Я — большевик, товарищ Сталин, большевик".

Такой ответ сначала рассматривался как признак неуважения к Сталину, позже, как вредительский акт, и в конце концов это привело к тому, что Постышев был ликвидирован и без всяких оснований заклеямен, как "враг народа".

О создавшемся тогда положении я часто беседовал с Николаем Александровичем Булганиным; однажды, когда мы вдвоем ехали в машине, он сказал: "Иногда

бывает, что кто-нибудь идет к Сталину, по его приглашению, как друг. Но когда он сидит со Сталиным, то не знает, куда он попадет после этого – домой или же в тюрьму”.

Ясно, что при таких условиях каждый член Политбюро находился в очень затруднительном положении. А если мы также учтем, что за последние годы пленумы Центрального Комитета не созывались, а заседания Политбюро происходили только от случая к случаю, то станет понятным, как трудно было кому-либо из членов Политбюро выступать против того или другого несправедливого или неправильного мероприятия, против серьезных ошибок и недостатков в практике руководства.

Как мы уже показали, многие решения принимались или одним человеком, или же обходным путем, без коллективного обсуждения. Печальная участь члена Политбюро товарища Вознесенского, который пал жертвой сталинских репрессий, известна всем. Характерно, что решение об его удалении из Политбюро никогда не было поставлено на обсуждение, но было принято обходным путем. Точно также было принято решение о снятии Кузнецова и Родионова с их постов.

Значение Политбюро Центрального Комитета было понижено и работа его дезорганизована путем создания внутри Политбюро различных комиссий – так называемых ”пятерок”, ”шестерок”, ”семерок” и ”девятки”. Возьмем, например, резолюцию Политбюро от 3 октября 1946 года.

”Предложение Сталина:

1. Комиссия Политбюро по Иностранным Делах (”Шестерка”) в будущем должна заниматься, в добавление к иностранным делам, также вопросами внутреннего строительства и внутренней политики.
2. Шестерка кооптирует Председателя Государственной Комиссии Экономического Планирования СССР,

товарища Вознесенского, и будет впредь называться семеркой.

Подписал: Секретарь Центрального Комитета И. Сталин”.

Что за картежная терминология! *(Смех в зале.)* Ясно, что создание внутри Политбюро подобного рода комиссий – ”шестерок”, ”пятерок”, ”семерок” и ”девяток” – шло в разрез с принципом коллективного руководства. Результатом этого было то, что некоторые члены Политбюро были устранены от возможности участвовать в рассмотрении важнейших государственных вопросов.

Один из старейших членов нашей партии, Климент Ефремович Ворошилов очутился в почти невозможном положении. В течение ряда лет он фактически был лишен права участвовать в заседаниях Политбюро. Сталин запретил ему присутствовать на заседаниях Политбюро и получать документы. Когда происходили заседания Политбюро и Ворошилов узнавал об этом, он каждый раз звонил по телефону и спрашивал, разрешено ли ему присутствовать на совещании. Иногда Сталин давал ему это разрешение, но всегда показывал свое недовольство.

Вследствие необычайной подозрительности Сталина, у него даже появилась нелепая и смехотворная мысль, что Ворошилов был английским агентом. *(Смех в зале.)* Да, да, – английским агентом. В доме Ворошилова была даже сделана специальная установка, позволяющая подслушивать, что там говорилось. *(Возмущение в зале.)*

Своим единоличным решением Сталин отстранил от работы в Политбюро еще одного человека – Андрея Андреевича Андреева. Это было одним из самых необузданных проявлений произвола.

Вспомним о первом пленуме Центрального Комитета после XIX съезда партии, когда в своем выступлении Сталин, охарактеризовав Вячеслава Михайловича Молотова и Анастаса Ивановича Микояна, высказал мысль, что эти два старые работника нашей партии повинны в каких-то совершенно недоказанных

поступках. Не исключена возможность, что если бы Сталин оставался у руля еще несколько месяцев, товарищи Молотов и Микоян, вероятно, не могли бы выступить с речами на сегодняшнем съезде.

Сталин, очевидно, намеревался покончить со всеми старыми членами Политбюро. Он часто говорил, что члены Политбюро должны быть заменены новыми людьми.

Его предложение после XIX съезда об избрании 25 человек в Президиум Центрального Комитета было направлено на то, чтобы устранить всех старых членов из Политбюро и ввести в него людей, обладающих меньшим опытом, которые бы всячески превозносили Сталина.

Можно предположить, что это было также намерением в будущем ликвидировать старых членов Политбюро и таким образом скрыть все те постыдные действия Сталина, которые мы теперь рассматриваем.

Товарищи!

Чтобы не повторять ошибок прошлого, Центральный Комитет решительно высказался против культа личности. Мы считаем, что Сталина чрезмерно превозносили. Однако в прошлом у Сталина несомненно были большие заслуги перед партией, перед рабочим классом и перед международным рабочим движением.

Вопрос этот осложняется также тем, что все, что мы сейчас обсуждали, делалось при жизни Сталина под его руководством и при его поддержке; Сталин был убежден, что это было необходимо для защиты интересов трудящихся против заговоров врагов и против нападения со стороны империалистического лагеря.

Сталин смотрел на все это с точки зрения интересов рабочего класса, интересов трудящегося народа, интересов победы социализма и коммунизма. Мы не можем сказать, что его поступки были поступками безумного деспота. Он считал, что так нужно было поступать в интересах партии, трудящихся масс, во имя защиты революционных завоеваний. В этом-то и заключается трагедия!

Товарищи! Ленин часто подчеркивал, что скромность является абсолютно неотъемлемым качеством настоящего большевика. Сам Ленин был олицетворением величайшей скромности. Мы не можем сказать, что мы следовали этому примеру Ленина во всех отношениях. Достаточно сказать, что многие города, заводы, промышленные предприятия, колхозы и совхозы, советские и культурные учреждения носят названия — если вы мне позволите такое сравнение — как будто они являются частной собственностью, названия по имени тех или других руководителей партии и членов правительства, которые и сейчас находятся в добром здравии и активно работают. Многие из нас принимали участие в этой практике давать наши имена различным городам, районам, предприятиям и колхозам. Это мы должны исправить. *(Аплодисменты.)*

Но это должно быть сделано спокойно и медленно. Центральный Комитет обсудит этот вопрос и тщательно рассмотрит его, чтобы избежать ошибок и крайностей. Я помню, как на Украине в свое время узнали об аресте Коссиора. Киевское радио обычно начинало свои передачи словами: "Говорит радиостанция имени Коссиора". Когда однажды передача началась без упоминания имени Коссиора, все поняли, что с Коссиором что-то случилось, по всей вероятности, он был арестован.

Поэтому если мы теперь начнем снимать всюду эмблемы и менять названия, то люди могут подумать, что тех товарищей, в честь которых названы города, предприятия и колхозы, также постигла печальная участь, что они также арестованы. *(Оживление в зале.)*

Как у нас привыкли судить об авторитете и значении того или иного человека? Судят по тому, сколько городов, фабрик и заводов сколько колхозов и совхозов носят его имя. Не пора ли уничтожить эту "частную собственность" и "национализировать" фабрики и заводы, колхозы и совхозы? *(Смех, аплодисменты, голоса: "Правильно!")*

От этого наше дело только выиграет. Ведь культ личности сказался и в этом.

Мы должны со всей серьезностью рассмотреть вопрос о культе личности. Мы не можем допустить, чтобы этот вопрос вышел за пределы кругов партии, в особенности же, чтобы он попал в печать. Вот почему мы его обсуждаем здесь, на закрытом заседании Съезда. Нам следует знать пределы, мы не должны давать оружие в руки нашим врагам, не должны полоскать наше грязное белье у них на глазах. Я думаю, что делегаты съезда поймут и правильно оценят все эти предложения. *(Бурные аплодисменты.)*

Товарищи! Мы должны покончить с культом личности решительно, раз и навсегда; мы должны сделать правильные выводы как относительно идеологическо-теоретической, так и практической работы. Для этой цели необходимо:

Во-первых, по-большевистски осудить и искоренить культ личности, как чуждый марксизму-ленинизму и несоответствующий принципам партийного руководства и нормам партийной жизни; мы должны неумолимо бороться против всяких попыток вернуться к этой практике в той или иной форме.

Мы должны вернуться и действительно осуществлять во всей нашей идеологической работе важнейшие положения марксистско-ленинской науки о народе, как творце всех материальных и духовных благ человечества, о решающей роли марксистской партии в революционной борьбе за преобразование общества, за победу коммунизма.

В связи с этим, мы будем вынуждены провести очень большую работу, чтобы с марксистско-ленинской точки зрения тщательно пересмотреть и исправить широко распространенные ложные мнения, связанные с культом личности в области истории, философии, экономики и других отраслей науки, а также в области литературы и искусства.

Особенно необходимо составить в ближайшем будущем серьезный учебник истории нашей партии, который будет отредактирован в соответствии с научной

марксистской объективностью, учебник истории советского общества, книгу, относящуюся к событиям гражданской войны и великой Отечественной войны.

Во-вторых, систематически и последовательно продолжать работу, проделанную ЦК партии за последние годы, работу, характерную тщательным соблюдением во всех партийных организациях, низших и высших, ленинских принципов партийного руководства; работу, характерную прежде всего основными принципами коллективного руководства, характерную соблюдением норм партийной жизни, запечатленных в уставе нашей партии и, наконец, характерную применением критики и самокритики.

В-третьих, восстановить полностью ленинские принципы советской социалистической демократии, выраженные в Конституции СССР, бороться против произвола отдельных лиц, злоупотребляющих своей властью. Зло, причиненное действиями, нарушавшими революционную социалистическую законность, которые совершались в течение многих лет в результате отрицательного влияния культа личности, должно быть полностью исправлено.

Товарищи!

XX съезд КПСС с новой силой показал нерушимое единство нашей партии, ее сплоченность вокруг нашего Центрального Комитета, ее твердую волю завершить великое дело строительства коммунизма. *(Бурные аплодисменты.)* Сам факт, что мы ставим на рассмотрение во всех их разветвлениях основные проблемы преодоления культа личности, чуждого марксизму-ленинизму, так же как и вопрос о ликвидации его тяжелых последствий, — является доказательством великой моральной и политической силы нашей партии. *(Бурные аплодисменты.)*

Мы абсолютно уверены, что наша партия, вооруженная историческими решениями XX-го съезда, поведет светский народ по ленинскому пути к новым успехам, к новым победам. *(Бурные, продолжительные аплодисменты, переходящие в овацию. Все встают.)*

Да здравствует победоносное знамя нашей партии — Ленинизм!

Ссылки

- 1 К. Маркс – Энгельс, собрание сочинений, т. XXVI, издание первое, стр. 487-488.
- 2 Там же, т. XXVII, стр. 385.
- 3 Ленин, т. XXV, стр. 278.
- 4 Там же, т. XXXIII, стр. 443.
- 5 В.И. Ленин, Собрание сочинений, т. XXVI, стр. 214.
- 6 Собрание сочинений, т. XI, стр. 434.
- 7 Ленин, Собрание сочинений, т. XXX, стр. 303-304.
- 8 Дело Эйхе, т. 1.
- 9 Там же.

CHALIDZE PUBLICATIONS
505 EIGHTH AVENUE, NEW YORK, N.Y. 10018

КАТАЛОГ

<i>Л. Копелев.</i> На крутых поворотах короткой дороги	7.00
<i>Юз Алешковский.</i> Синенький скромный платочек. Скорбная повесть.	7.00
<i>А. Дюма.</i> Ожерелье королевы.	7.00
<i>Л. Шатуновская.</i> Жизнь в Кремле.	15.00
<i>Н. Хрущев.</i> Воспоминания. Книга 1-я.	12.00
<i>Н. Хрущев.</i> Воспоминания. Книга 2-я.	12.00
<i>В. Буковский.</i> Письма русского путешественника.	12.00
<i>И. Кичанова-Лифшиц.</i> Прости меня за то, что я живу. Воспоминания о Зошенко, Олеше, Лебедеве, Маршаке и др.	10.00
<i>В. Чалидзе.</i> Победитель коммунизма.	7.00
<i>Р. Орлова.</i> Последний год жизни Герцена.	6.00
<i>Ю. Айхенвальд.</i> Дон Кихот на русской почве.	15.00
<i>Н. Валентинов.</i> Встречи с Лениным.	12.00
<i>Н. Евреинов.</i> История телесных наказаний в России.	15.00
Ответственность поколения.	8.00
<i>Е. Гнедин.</i> Выход из лабиринта.	8.00
<i>Э. Кольман.</i> Мы не должны были так жить.	18.00
<i>Н. Новиков.</i> Эрнст Неизвестный: искусство и реальность.	10.00
Грузинские блюда.	6.00

ЗАКАЗЫ ТОЛЬКО ПО ПОЧТЕ
Добавьте 50 с за пересылку каждой книги

CHALIDZE PUBLICATIONS

<i>П. Миллюков.</i> Воспоминания государственного деятеля. 400 стр.	15.00
<i>З. Фрейд.</i> Толкование сновидений.	15.00
<i>Ф. Ницше.</i> Так говорил Заратустра.	15.00
<i>Б. Рассел.</i> История западной философии.	18.00
<i>С. Киркегор.</i> Наслаждение и долг.	15.00
<i>С. Киркегор.</i> Страх и трепет.	6.00
Панорама современных идей. Перевод с французского под ред. <i>Е. Еткинда.</i>	15.00
<i>Сергей Булгаков.</i> Философия хозяйства.	15.00
Коран. Пер. <i>Крачковского.</i>	20.00
<i>Г. Федотов.</i> Россия и свобода.	15.00
<i>О.И. Мейендорф.</i> Православие в современном мире	12.00
<i>И. Яхот.</i> Подавление философии в СССР (20-30 гг.).	15.00
<i>Б. Вышеславцев.</i> Кризис индустриальной культуры.	15.00
<i>С. Трубецкой.</i> Энциклопедия права.	15.00
Солженицын в Гарварде. Пер. с англ.	15.00
<i>Джон Стюарт Милль.</i> О свободе.	12.00

Добавьте 50 с за пересылку каждой книги

